

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

1

2023

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by

**Заместители
главного
редактора** **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by
ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigor@gmail.com

**Ответственный
секретарь** **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Агилера М.* Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П. Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А. Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П. Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Данилов А. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л. Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н. Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И. Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Купченко В. Е. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А. Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мазилов В. А. Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Порус В. Н. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Ротман Д. Г. Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Румянцева Т. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Сайганова В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Терещенко О. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Шатравский С. И. Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А. Независимый исследователь, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief RUBANAU A. V., doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editors-in-chief LIAHCHYLIN A. A., PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: fourmigor@gmail.com

Executive secretary DABRARODNI D. G., PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education of the Belarus State Economic University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.* University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Hrodna, Belarus.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Laptenok A. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sayganova V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Tereschenko O. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Yanchuk V. A. Independent researcher, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

УДК 111.83

МУДРОСТЬ ЦАРЯ СОЛОМОНА: ЭТИКО-СОЦИАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрыты основные этические и социальные идеи, содержащиеся в «Книге притчей Соломоновых» и «Книге Екклесиаста, или Проповедника». Показано, что в них соблюдены своеобразные нравственные нормы религиозного характера и правила практической мудрости, связанные с поведением человека в различных сферах жизни. Выявлено, что основополагающие нормы добродетельного поведения касаются прежде всего вопросов отношения к другим людям, поведения в семье и воспитания. Отмечена общая смысловая направленность норм и правил на формирование положительных качеств личности. Выделены признаки идеального царского управления и гармоничного устройства общественной жизни. Обращено внимание на то, что нравственные и социальные нормы подкрепляются ссылками на грядущее возмездие за грехи и плохие поступки.

Ключевые слова: Книга притчей Соломоновых; Книга Екклесиаста, или Проповедника; мудрость; вера; социальные и нравственные нормы; правила практической мудрости; поведение.

THE WISDOM OF KING SOLOMON: ETHICAL-SOCIAL RECONSTRUCTION

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The main ethical and social ideas contained in the «Book of proverbs» and «Ecclesiastes» are revealed. It is shown that they consist in the observance of a peculiar code of moral norms of a religious nature and the rules of practical wisdom, which cover human behaviour in various spheres of life. It is emphasised that the fundamental norms of virtuous behaviour, first

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Мудрость царя Соломона: этико-социальная реконструкция. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;1:4–8. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-4-8>

For citation:

Rubanau AV. The wisdom of King Solomon: ethical-social reconstruction. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;1:4–8. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-4-8>

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. rubanov.bsu@gmail.com

of all, relate to the attitude towards other people, behaviour in the family and upbringing. The general semantic orientation of norms and rules to the formation of positive personal qualities is noted. The signs of an ideal royal administration and a harmonious structure of public life are highlighted. Attention is drawn to the fact that moral and social norms are supported by references to the coming retribution for sins and bad deeds.

Keywords: Book of proverbs; Ecclesiastes; wisdom; faith; social and moral norms; rules of practical wisdom; behaviour.

Согласно ветхозаветной «Третьей книге Царств» Соломон, став в 965 г. до н. э. царем Израиля, попросил у Бога даровать ему «сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло» (3Цар. 3:9). И в ответ Бог сказал ему: «Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе» (3Цар. 3:12). В дальнейшем Соломон «изрек... три тысячи притчей» (3Цар. 4:32), часть из них в 915 стихах (некоторые притчи могут включать два стиха) записаны в «Книге притчей Соломоновых». Содержание этой книги, как писал известный исследователь и толкователь Библии профессор А. Н. Лопухин, «составляют именно притчи, т. е. в большинстве случаев отрывочные, афористические, иногда же связные, в последовательном порядке... изложенные изречения, в которых предлагаются то умозрительные истины – главным образом религиозного свойства напр. О Боге, Его свойствах, Его мироуправлении, о Божественной (Ипостасной) Премудрости и проч., то – чаще всего – разнообразные правила практической мудрости, благоразумия и благоповедения в жизни религиозно-нравственной, общественной, семейной, трудовой, хозяйственной и т. д., то – иногда – опытные наблюдения над ходом жизни, дел и судеб человека и мира»¹.

«Книга притчей Соломоновых» начинается с положения о том, что притчи даны, «чтобы познать мудрость и наставление, понять изречения разума; усвоить правила благоразумия, правосудия, суда и правоты» (Прит. 1:2–3). Здесь олицетворенная мудрость говорит о своей сущности и своем предназначении: «У меня совет и правда; я – разум, у меня сила. Мною цари царствуют и повелители узаконяют правду» (Прит. 8:14–15). Кроме того, она указывает на время своего происхождения: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли» (Прит. 8:22–23). А о своем значении для Господа подчеркивает: «Я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время» (Прит. 8:30).

Мудрость нужна человеку, потому что посредством ее «от Господа направляются шаги человека; человеку же как узнать путь свой?» (Прит. 20:24).

Следуя этому пути, индивид обретает «милость и благоволение в очах Бога и людей» (Прит. 3:4). В результате милостью своей Господь «сохраняет для праведных спасение» (Прит. 2:7). Самопредставление мудрость продолжает так: «слушающий меня будет жить безопасно и спокойно, не страшась зла» (Прит. 1:33), ибо «долгоденствие – в правой руке ее, а в левой у нее – богатство и слава» (Прит. 3:16). То, что требуется от самого человека, изложено в двух следующих сентенциях (нравственных поучениях): «Надейся на Господа всем сердцем твоим... Во всех путях твоих познавай Его» (Прит. 3:5–6).

В первых строках «Книги притчей Соломоновых» содержится смыслообразующее утверждение, которое, как представляется, должно направлять поведение человека на путь жизненной мудрости: «Начало мудрости – страх Господень» (Прит. 1:7). Значение страха в жизни людей состоит в том, что он «отводит от зла» (Прит. 16:6), так как подводится своеобразный итог человеческих дел и поступков и раскрываются их последствия: «Не приключится праведнику никакого зла, нечестивые же будут преисполнены зол» (Прит. 12:21).

Мысль о возмездии за грехи и дурные поступки («воздаяние человеку – по делам рук его» (Прит. 12:14)), конкретизируясь в разных вариациях, звучит во многих поучениях: «грешников преследует зло, а праведникам воздается добром» (Прит. 13:22), «насилие нечестивых обрушится на них» (Прит. 21:7), «кто за добро воздает злом, от дома того не отойдет зло» (Прит. 17:13), «лжесвидетель не останется ненаказанным, и кто говорит ложь, погибнет» (Прит. 19:9) и др.

Что подразумевает «Книга притчей Соломоновых» под мудростью жизни? Это совокупность нравственных правил поведения, или «нравственное законодательство»², по образному выражению А. Н. Лопухина, которые не ограничиваются нормами религиозного значения, а охватывают разные области человеческой жизни.

В книге изложение норм мудрого и богоугодного поведения предваряется представлением пороков, которые особенно ненавидит Господь, и того, «что мерзость душе Его: глаза гордые, язык лживый; и руки, проливающие кровь невинную, сердце,

¹Арсений (Хейккинен). Учительные книги Ветхого Завета и ближневосточные книги мудрости [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/uchitelnye-knigi-vethogo-zaveta-i-blizhnevostochnye-knigi-mudrosti/> (дата обращения: 20.02.2022).

²Книга притчей Соломоновых [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_23/0 (дата обращения: 20.02.2022).

кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству, лжесвидетель, наговаривающий ложь и сеющий раздор между братьями» (*Прит. 6:16–19*).

Основополагающие позитивные нормы добродетельного поведения хорошо раскрываются на примере должного отношения к ближним. Важными из этих норм являются следующие: «Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать его. Не говори другу твоему: “пойди и приди опять, и завтра я дам”, когда ты имеешь при себе... Не замышляй против ближнего твоего зла, когда он без опасения живет с тобою. Не ссорься с человеком без причины, когда он не сделал зла тебе. Не ссорься с человеком, поступающему насильственно, и не избирай ни одного из путей его» (*Прит. 3:27–31*).

Достаточно часто утверждаемые в притчах нравственные нормы поведения структурно-логически построены на противопоставлении отрицательным намерениям и поступкам людей: «кто презирает ближнего своего, тот грешит; а кто милосерд к бедным, тот блажен» (*Прит. 14:21*), «лучше немного с правдою, нежели множество прибытков с неправдою» (*Прит. 16:8*), «кто любит ссоры, любит грех, и кто высоко поднимает ворота свои, тот ищет падения» (*Прит. 17:19*), «неверные весы – мерзость пред Господом, но правильный вес угоден Ему» (*Прит. 11:1*), «сеющий неправду пожнет беду» (*Прит. 22:8*).

В ряде случаев требования о соблюдении нравственных норм аргументируются, а сила аргументации подкрепляется указаниями на негативные последствия уклонения человека от нормативного поведения: «кто алчет чужого добра: оно отнимает жизнь у завладевшего им» (*Прит. 1:19*), «кто радуется несчастью, тот не останется ненаказанным» (*Прит. 17:5*), «при многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои – разумен» (*Прит. 10:19*) и др.

В книге приводятся базовые нормы семейной жизни. Обращены они прежде всего к мужчине: «утешайся женою юности твоей... любовью ее улаждайся постоянно» (*Прит. 5:18–19*), «кто же прелюбодействует с женщиною, у того нет ума; тот губит душу свою, кто делает это» (*Прит. 6:32*), «кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» (*Прит. 13:25*), «наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его» (*Прит. 19:18*), «кто злословит отца своего и свою мать, того светильник погаснет среди глубокой тьмы» (*Прит. 20:20*).

В притчах также представлены разнообразные общежитейские правила практической мудрости, выработанные на основе внимательных всесторонних наблюдений за жизненной практикой, делами и судьбами людей. Эти правила учат трудолюбию, бережливости, умеренности, честности, скромно-

сти, милосердию, благоразумию, рассудительности, пронизательности, осмотрительности, самообладанию, долготерпению, дружелюбию, приветливости, сострадательности и другим жизненно важным личностным качествам, а также предостерегают от излишнего употребления вина и т. д.

Ключевыми правилами-наставлениями мудрого жизненного поведения являются следующие: «кто возделывает землю свою, тот будет насыщаться хлебом; а кто идет по следам празднолюбцев, тот скудоумен» (*Прит. 12:11*), «богатство от суетности истощается, а собирающий трудами умножает его» (*Прит. 13:11*), «корыстолюбивый расстроит дом свой, а ненавидящий подарки будет жить» (*Прит. 15:27*), «благоразумный видит беду и укрывается; а неопытные идут вперед, и наказываются» (*Прит. 22:3*), «как нехорошо есть много меду, так домогаться славы не есть слава» (*Прит. 25:27*), «славе предшествует смирение» (*Прит. 15:33*), «не хвались завтрашним днем, потому что не знаешь, что родит тот день» (*Прит. 27:1*), «кто роет яму, тот упадет в нее, и кто покатит вверх камень, к тому он воротится» (*Прит. 26:27*), «кто хочет иметь друзей, тот и сам должен быть дружелюбным; и бывает друг более привязанный, нежели брат» (*Прит. 18:25*), «сеть для человека – поспешно давать обет (т. е. обещание. – А. Р.), и после обета обдумывать» (*Прит. 20:25*), «кто хранит уста свои, тот бережет душу свою; а кто широко раскрывает свой рот, тому беда» (*Прит. 13:3*), «кто ходит переносчиком, тот открывает тайну; но верный человек таит дело» (*Прит. 11:13*), «не вступай поспешно в тяжбу: иначе что будешь делать при окончании, когда соперник твой осрамит тебя?» (*Прит. 25:8*), «у терпеливого человека много разума, а раздражительный выказывает глупость» (*Прит. 14:29*), «у глупого тотчас же выкажется гнев его, а благоразумный скрывает оскорбление» (*Прит. 12:16*), «кроткий ответ отвращает гнев, а оскорбительное слово возбуждает ярость» (*Прит. 15:1*), «благоразумие делает человека медленным на гнев, и слава для него – быть снисходительным к проступкам» (*Прит. 19:11*), «начало ссоры – как прорыв воды; оставь ссору прежде, нежели разгорелась она» (*Прит. 17:14*), «хватает пса за уши, кто, проходя мимо, вмешивается в чужую ссору» (*Прит. 26:17*), «кто дает ответ не выслушав, тот глуп, и стыд ему» (*Прит. 18:13*), «зло причиняет себе, кто ручается за постороннего; а кто ненавидит ручательство, тот безопасен» (*Прит. 11:15*), «не вкушай пищи у человека завистливого и не прельщайся лакомыми яствами его; потому что, каковы мысли в душе его, таков и он; “ешь и пей”, – говорит он тебе, а сердце его не с тобою» (*Прит. 23:6–7*), «вино – глумливо, сикера³ – буйна; и всякий, увлекающийся ими, неразумен» (*Прит. 20:1*), «кто любит веселье, обеднеет; а кто любит вино и тук (чистый жир. – А. Р.), не разбогатеет» (*Прит. 21:17*).

³Общее обозначение для любого алкогольного напитка, помимо виноградного вина, пива, сидра и др.

В притчах внимание обращается на должный морально-психологический облик человека. Прежде всего речь идет о душевном состоянии, силе духа и самообладании, которые позволяют переносить жизненные невзгоды, а также о способности индивида с радостью воспринимать события, происходящие на его жизненном пути. В первом случае притчи учат тому, что «владеющий собою лучше завоевателя города» (*Прит. 16:32*) и, наоборот, «что город разрушенный, без стен, то человек, не владеющий духом своим» (*Прит. 25:28*), а далее «дух человека переносит его немощи; а пораженный дух – кто может подкрепить его?» (*Прит. 18:15*). Об умении радоваться в «Книге притчей Соломоновых» написано так: «веселое сердце благотворно, как врачевство, а унылый дух сушит кости» (*Прит. 17:22*), «радость человеку – благотворительность его» (*Прит. 19:22*).

Часть притч носит социально-политический характер, касаясь царского управления и общественной жизни. Раскрывая характер идеальной царской власти, автор применяет аналогию с потоками воды, используемыми при искусственном орошении земли: «Сердце царя – в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его» (*Прит. 21:1*). Как писал А. Н. Лопухин, «мысль сравнения та, что, подобно тому, как каналы эти всецело в направлении своем зависят от усмотрения устроителя их, так и сердце царя в его мероприятиях на пользу народа не предоставлено собственному произволу, но получает внушения от Премудрого Мироправителя Бога»⁴.

В «Книге притчей Соломоновых» показаны положительный и отрицательный примеры деятельности правителей. Первый правитель, правящий на основе правды и правосудия, «разгоняет очами своими все злое» (*Прит. 20:8*). «Милость и истина охраняют» такого «царя, и милостью он поддерживает престол свой» (*Прит. 20:28*). «Праведность возвышает народ» (*Прит. 14:34*), и страна при таком правителе долговечна (*Прит. 28:2*). Зато «неразумный» правитель, который сравнивается с рыкающим львом и голодным медведем, «много делает притеснений» (*Прит. 28:16*).

Притчи дают ряд практических советов по укреплению царской власти: «слава Божия – облекать тайною дело, а слава царей – исследовать дело» (*Прит. 25:2*), «как небо в высоте и земля в глубине, так сердце царей – неисследимо» (*Прит. 25:3*), «удали неправедного от царя, и престол его утвердится правдою» (*Прит. 25:5*).

Несколько притч учат правильному отношению к царям и знатным людям: «кто стережет смоковницу, тот будет есть плоды ее; и кто бережет господина своего, тот будет в чести» (*Прит. 27:18*), «бойся, сын мой, Господа и царя; с мятежниками не сооб-

щайся» (*Прит. 24:21*). Особо звучит предостережение от высокомерия в обращении с ними: «не величайся пред лицом царя, и на месте великих не становись» (*Прит. 25:6*), «потому что лучше, когда скажут тебе: “пойди сюда повыше”, нежели когда понизят тебя пред знатным, которого видели глаза твои» (*Прит. 25:7*).

Одновременно в притчах прописаны и аргументированы ссылками на последствия их нарушения некоторые важнейшие нормы общественной жизни, судя по всему, актуальные для того времени. Первые нормы касаются утверждения неподкупности и беспристрастности суда: «иметь лицепрятие (т. е. предпочтение одного лица другому. – А. Р.) на суде – нехорошо» (*Прит. 24:23*), «кто говорит виновному: “ты прав”, того будут проклинать народы, того будут ненавидеть племена» (*Прит. 24:24*). Вторые нормы относятся к весьма распространенной в древнее время практике самоличного перенесения межи ближнего, которое считалось тогда одним из самых позорных преступлений: «не передвигай межи давней, которую провели отцы твои» (*Прит. 22:28*) или «не передвигай межи давней и на поля сирот не заходи, потому что Защитник их силен; Он вступится в дело их с тобою» (*Прит. 23:10–11*). Третья группа норм указывает на долг богатого помогать бедному, а в качестве аргумента в пользу благотворительности используется ссылка на то, что «того и другого создал Господь» (*Прит. 22:2*). Четвертая группа норм предостерегает от личной мести, когда за зло воздается злом: «Не говори: “я отплачу за зло”; предоставь Господу, и Он сохранит тебя» (*Прит. 20:22*).

С обращением человека к Богу притчи связывают утверждение в общественной жизни и взаимоотношениях людей принципов справедливости. Обоснованием этой идеи является следующий пример: «Злые люди не понимают справедливости, а ищущие Господа понимают все» (*Прит. 28:5*).

Стоит отметить содержащийся в притчах тезис о воспитательном значении божьих наказаний за человеческие грехи и правильном восприятии и понимании их людьми: «Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его; ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему» (*Прит. 3:11–12*). Премудрый, как писал А. Н. Лопухин, имея в виду царя Соломона, поучает «видеть в посылаемых Богом бедствиях знаки отеческой Его любви к человеку, желающей отвести его от пути неправды и направить на путь правды и добродетели» (*Прит. 3:11*).

В итоге свободное чистосердечное признание своих грехов, раскаяние и исправление приносят прощение от Господа. Их сокрытие или непризнание таковыми ведет к осуждению: «Скрывающий свои преступления не будет иметь успеха; а кто

⁴Книга притчей Соломоновых [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_23/21 (дата обращения: 20.02.2022).

сознается и оставляет их, тот будет помилован» (Прит. 28:13).

Смысл счастливой жизни человека с наибольшей полнотой раскрывается в «Книге Екклесиаста, или Проповедника». О ней А. Н. Лопухин писал: «...все содержание книги Екклесиаста служит как бы ответом на вопрос: в чем счастье на земле, возможно ли для человека полное совершенное счастье? На этот вопрос Екклесиаст самым решительным образом дает отрицательный ответ... “Суета сует, все суета”. Вот вывод, к которому пришел Екклесиаст путем долгих и тяжелых исканий и который он одинаково решительно высказывает как в начале, так и в конце книги»⁵.

Но есть ли все-таки у человека какая-либо надежда? Есть, если он поверит в то, что его судьба в руках Божьих. Тогда радуйся жизни, которую дал тебе Бог. «Итак иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог будет благоволять к делам твоим. Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей. Наслаждайся жизнью с женой, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую

дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это – доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем» (Еккл. 9:7–9). И, главное, «во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй: то и другое сделал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него» (Еккл. 7:14).

Таким образом, мудрость книг царя Соломона учит соблюдению своеобразного свода нравственных норм преимущественно религиозного характера и правил практической мудрости, которые охватывают поведение человека в разных сферах жизни. основополагающие нормы добродетельного поведения касаются должного отношения к ближним, поведения в семье и воспитания детей. Общая смысловая направленность утверждаемых норм и правил состоит в формировании комплекса позитивных личностных качеств человека. Особо выделяются характерные признаки идеального царского управления и гармоничного устройства общественной жизни. Во многих притчах требование соблюдения нравственных и социальных норм подкрепляется ссылками на грядущее возмездие за грехи и дурные поступки.

Статья поступила в редакцию 08.10.2022.
Received by editorial board 08.10.2022.

⁵Толкование на книгу Екклесиаста, или Проповедника [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_24/0 (дата обращения: 20.02.2022).

Г. В. Ф. ГЕГЕЛЬ ОБ ОБУЧЕНИИ И ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ: РЕЧЬ В ЧЕСТЬ ОКОНЧАНИЯ УЧЕБНОГО ГОДА ОТ 2 СЕНТЯБРЯ 1811 г.

Е. А. ГРИНЕВИЧ¹⁾, А. И. ВЕРЕЩАКО¹⁾, К. В. СТРЕЛКОВСКАЯ¹⁾, Д. И. ПАВЛЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Исследовано наследие Г. В. Ф. Гегеля, которое по праву считается апогеем немецкой классической философии. Продемонстрировано значение немецкого мыслителя в качестве практика в сфере образования. Отмечено, что не все его тексты образовательной тематики переведены на русский язык, и это не позволяет отечественному читателю сформировать полное представление о философии образования, предложенной Г. В. Ф. Гегелем. Впервые представлен перевод речи немецкого мыслителя, произнесенной им в Нюрнбергской гимназии в 1811 г.

Ключевые слова: Г. В. Ф. Гегель; речи директора гимназии; педагогические воззрения Г. В. Ф. Гегеля; философия образования; немецкая классическая философия; идеализм.

Вклад авторов. Авторами предисловия являются Е. А. Гриневич и А. И. Верещако. Перевод речи выполнен Д. И. Павленок. Общая редакция предисловия осуществлялась Е. А. Гриневичем и А. И. Верещако, редакция перевода – К. В. Стрелковской.

G. W. F. HEGEL ON THE EDUCATION AND UPBRINGING OF YOUTH: SPEECH IN HONOR OF THE END OF THE ACADEMIC YEAR ON 1811 SEPTEMBER 2

E. A. GRINEVICH^a, A. I. VERESHCHAKO^a, K. V. STRELKOVSKAYA^a, D. I. PAVLENOK^a

^aBelarus State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus
Corresponding author: E. A. Grinevich (egor.grinevich@gmail.com)

Philosophical heritage of G. W. F. Hegel is rightfully considered the apogee of German classical philosophy. The reader is invited to look at the figure of G. W. F. Hegel from the point of view of the practice of education in this article. Texts related to the field of education have not been fully translated to Russian, which makes it difficult to form a complete picture of ideas about G. W. F. Hegel's philosophy of education for the domestic reader. These materials contain the translation of G. W. F. Hegel's speeches delivered as director of the gymnasium in Nuremberg in 1811, which had not been previously translated or translated fragmentarily.

Образец цитирования:

Гриневич ЕА, Верещако АИ, Стрелковская КВ, Павленок ДИ. Г. В. Ф. Гегель об обучении и воспитании молодежи: речь в честь окончания учебного года от 2 сентября 1811 г. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;1:9–16.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-9-16>

For citation:

Grinevich EA, Vereshchako AI, Strelkovskaya KV, Pavlenok DI. G. W. F. Hegel on the education and upbringing of youth: speech in honor of the end of the academic year on 1811 September 2. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;1:9–16. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-9-16>

Авторы:

Егор Анатольевич Гриневич – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры философии Института социально-гуманитарного образования.
Алексей Иванович Верещако – ассистент кафедры философии Института социально-гуманитарного образования.
Карина Валентиновна Стрелковская – преподаватель кафедры делового иностранного языка факультета межкультурных бизнес-коммуникаций.
Диана Ильинична Павленок – студентка факультета межкультурных бизнес-коммуникаций.

Authors:

Egor A. Grinevich, PhD (pedagogics), docent; associate professor at the department of philosophy, Institute of Social and Humanitarian Education.
egor.grinevich@gmail.com
Alexey I. Vereshchako, assistant at the department of philosophy, Institute of Social and Humanitarian Education.
Karina V. Strelkovskaya, lecturer at the department of business foreign language, faculty of intercultural business communications.
Diana I. Pavlenok, student at the faculty of intercultural business communications.

Keywords: G. W. F. Hegel; the speeches by the gymnasium's principle; G. W. F. Hegel's pedagogical views; philosophy of education; German classical philosophy; idealism.

Author's contribution. The authors of the preface are E. A. Grinevich and A. I. Vereshchako. The translation of the speech was made by D. I. Pavlenok. The general version of the text was carried out by E. A. Grinevich and A. I. Vereshchako, the translation was edited by K. V. Strelkovskaya.

С момента произнесения третьей речи Г. В. Ф. Гегеля, директора Нюрнбергской гимназии, прошло 210 лет, однако озвученные в ней проблемы не утратили актуальности. Административно-педагогическая деятельность классика была тесно связана с его философией. На взгляд Г. В. Ф. Гегеля, процесс образования должен быть направлен на формирование самостоятельной, всесторонне развитой личности, способной приносить пользу своему городу, народу и государству. Немецкий мыслитель понимал, что основная задача учебного заведения – воспитание патриота.

Уровень развития мировоззренческих установок Просвещения в совокупности с практическим опытом преподавания способствовали тому, что образование представлялось как безусловное благо, приводящее к положительным результатам в процессах социализации личности, формирования гражданина и совершенствования общества в целом. В этом контексте стоит отметить моральную составляющую образовательного процесса, которая является важным звеном в осуществлении поставленных целей. Формирование ценностных установок у детей в раннем возрасте Г. В. Ф. Гегель оценивал положительно, объясняя это восприимчивостью учеников к наглядному обучению и естественному стремлению к повторению. В данном контексте главную роль играет фигура педагога, который выступает эталоном дисциплинированности и образцом для подражания ребенка.

Таким образом, возложенные на образовательный процесс задачи осуществимы при наличии преподавателей, способных соответствовать высоким этическим принципам, осознающих свою общественную роль в деле воспитания молодого поколения. Преподаватель в понимании Г. В. Ф. Гегеля — это не только специалист-предметник, но и наставник, нравственный ориентир.

По мнению авторов настоящей статьи, процессу образования отводится выдающаяся роль медиатора и посредника между семьей учащегося и миром в целом. Данное представление предвосхищает теорию медиации, возникшую в постфеноменологических исследованиях техники XXI в. Здесь лишь стоит отметить, что для Г. В. Ф. Гегеля семья является источником формирования индивидуальности и началом личностной субъективности как таковой. Кроме того, мир вещей рассматривается в качестве подлинной объективности (реальности), которая не зависит от человеческой воли и жестко подчинена природным законам. Образовательный процесс является своего рода технологией интериоризации субъективности и объективности в отдельном индивидууме.

В связи с этим важная роль отводится самосознанию и самоограничению. Самосознание направлено на постижение своих оснований и желаний. Самоограничение составляет условие возможности управлять собственной волей, которая ангажирована в человеческой субъективности. Таким образом, медиативная роль образования заключается в процессе воспитания личности, который не завершается после окончания учебного заведения, а, наоборот, продолжается всю жизнь выпускника, единичного субъекта в объективном мире.

Л. Ф. Копнина перевела на русский язык труды «Речи директора гимназии» 1809 и 1813 гг. [1], а М. А. Бакунин – «Речи директора гимназии» 1809 и 1810 гг. [2; 3]. Перевод работы «Речи директора гимназии» 1815 г. был осуществлен коллективом авторов и опубликован в сборнике «Философские исследования» [4].

Представленный в данной статье перевод труда 1811 г. выполнен по тексту [5].

Красной линией речи в честь окончания учебного года от 2 сентября 1811 г. является нравственная подготовка гимназистов, хотя данная тема складывается из многих аспектов. Так, например, Г. В. Ф. Гегель опровергал тезис о том, что морали необходимо обучать только в старшем возрасте. Процесс воспитания, впитывания нравственных ценностей, как и образовательный процесс, должен проходить в соответствии с возрастом на каждой стадии развития личности. Кроме того, мыслитель подчеркивал важность соотношения школы и семьи как двух составляющих сфер жизни ученика. Школа является переходной сферой для человека от его семьи в социум. Но в процессе взросления индивида школа и семья часто становятся противоборствующими сферами, между которыми важно достичь гармоничного взаимодействия ради наилучшего раскрытия потенциала ученика.

Воспитание человека есть не просто влияние на него внешних факторов (окружающих людей, среды), а постоянное самосотворение и культивирование способностей. Иначе говоря, в процессе воспитания индивид сам должен прикладывать усилия для самосовершенствования и воспитания духа. Человек через преодоление самого себя стремится к совершенству, что подразумевает его несовершенство на данном этапе. Таким образом, развитие личности – это тяжелый труд по преодолению самого себя как неизвестной себе же силы. Следовательно, развиваясь, человек вынужден бесконечно отчуждаться и снимать свое отчуждение, изменяясь на каждом этапе взросления.

**РЕЧЬ Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ В ЧЕСТЬ ОКОНЧАНИЯ УЧЕБНОГО ГОДА
ОТ 2 СЕНТЯБРЯ 1811 г.**

Во времена, когда был учрежден ныне завершившийся учебный курс, казалось подлежащим сомнению то, будем ли мы проводить церемонию вручения наград (похвальных листов или книг. – Г. Е., В. А., С. К., П. А.) для всего учебного заведения. Сегодня эта церемония проходит уже в третий раз. Не может считаться излишне нескромным высказать опасения по поводу возможного роспуска гимназии. Неважно, будут эти опасения сейчас развеяны или нет, поскольку они оказали серьезное влияние на общественность, которая считает данное учреждение крайне необходимым городу, ведь оно дает возможности для получения высшего образования, предполагающего изучение классических языков. Патриотизм и интерес к общим проблемам выражаются во всей деятельности нашего школьного курса, равно как и то, что он лелеет надежду сеять благо и находит для этого возможности. Желание перемен часто влекло за собой перевороты времени, равнодушие, безнадежность и потерю движущей веры. Человек может быть полезен для своего города, однако вид общего упадка, отсутствие перспективы и общественной жизни могут вызвать болезненные чувства так же, как и вид руин некогда знаменитых поселений, которые друг Цицерона привел к подобному состоянию. Этот вид прерывается оживленным участием горожан в том случае, если социум находится в опасности. Когда полноценное становление нашего учебного заведения будет завершено, этот город не откажет в чувстве благодарности ни своим согражданам, чьи усердие и активная деятельность немало поспособствовали гимназии, ни общественным деятелям, которые поддерживали эти стремления, ни высочайшему правительству за его справедливость и милость.

Эта церемония вручения наград налагает на меня обязательство выступить с речью и внести свой вклад в просвещение публики насчет характера деятельности и текущего состояния нашей гимназии, а также дает мне возможность затронуть еще одну важную сторону вопроса... а именно роль школы и школьных занятий в нравственном формировании молодежи, ведь от этого зависят значение и оценка деятельности других учреждений, их подход в данном вопросе. Как я уже заметил, нравственное воспитание в рамках школы не охватывает всю жизнь учащегося, так как школа не заменит родителей и друзей своим ученикам. Этим полномочия школы, с одной стороны, ограничиваются, но, с другой стороны, обретают особую форму, и именно благодаря такому разделению школа становится своеобразной средой.

Мы считаем действенным преимущественно то, что показывает прямое намерение, какой-либо смысл, и потому под любым моральным воздействием предполагаем непосредственное нравовучение и указание примера для подражания. Но и косвенное воздействие, которое оказывают занятия искусством и науками, не может остаться незамеченным. Еще одна чуть ли не более важная сторона вопроса, касающаяся основных принципов функционирования школы и применяемых в ней методов обучения, – это та сторона, которая осмысливается духом не сиюминутно. Эти школьные принципы являются настолько значимым элементом системы формирования человека, в котором он существует и согласно которому управляет своей духовной организацией, что модели поведения, приобретенные в школе, становятся ученику ближе, чем его домашние привычки.

Что касается непосредственного обучения моральным понятиям и принципам, то этой теме посвящена большая часть занятий в нашей гимназии. Материал, по которому молодежь практикуется в изучении языков, по большей части содержит подобные понятия, учения и соответствующие примеры. От многочисленной пустой болтовни о морали, которая повсюду выпрыгивает, как пружина, можно прийти в негодование и посчитать излишними определенные поучения, поскольку в жизни ученика часто имеют место дурные страсти, низкие чувства и преимущественно высокое самомнение. Поэтому важно не только полагаться исключительно на естественное развитие добродетели в своем сердце и на обучение через пример без осмысления, но и укреплять в своем сердце моральные привычки и призывать его к размышлениям о них. В этих понятиях заключаются и причины поведения, и точки зрения, по которым мы должны давать отчет себе и другим, и направления, ведущие нас сквозь многообразие явлений и игру ненадежных ощущений. В этом и заключается преимущество самосознания. С одной стороны, оно, в отличие от непоколебимых животных инстинктов, является произвольным и случайным, а с другой стороны, этот произвол самоограничивается посредством воли. Непоколебимое и связывающее противопоставляют себя изменчивому, противоречия этих сторон являются нравственными и даже (еще в большей степени) религиозными нормами, о которых мы, однако, не будем сейчас упоминать. Без непоколебимого и связывающего рушатся все

общепринятые нормы, все условия, которые определяют, что именно человек должен делать. А то случайное, что остается ему лишь на мгновение в общественной жизни как форме действительности человека, – это то, что ему хочется делать.

Среди предрассудков, распространившихся в эпоху Просвещения, которые слишком часто замещали старые добрые нормы морали и глубинные традиции (потому что не могли их понять) поверхностными, обесцененными да и просто губительными максимами, например, следующий: не следует слишком рано знакомить молодежь с моральными понятиями, положениями и религиозными доктринами, ведь они этого не понимают и в их памяти остаются лишь слова. Но если изучить этот вопрос глубже, можно заметить, что нравственные принципы хорошо понятны даже ребенку, отроку или юноше в меру их возраста и что вся наша жизнь есть не что иное, как возможность учиться, понимать и постигать значение и объем этих нравственных принципов, смотреть, как они отражаются в новых примерах и случаях, и только таким образом все отчетливее распознавать природу их применения. В самом деле, если бы приходилось ждать взросления человека для того, чтобы ознакомить его со всеми нравственными понятиями во всей их истинности, то лишь немногие удаивались бы этого права, да и те немногие вряд ли овладевали бы этой способностью до конца своих дней. В таком случае речь бы шла о недостатке нравственной рефлексии, значительно замедляющем развитие как умственных способностей, так и нравственности. Аналогично и с другими понятиями и представлениями, постижение которых начинается в условиях недостаточных знаний. В данном случае можно говорить о требовании, равном тому, что только полководец должен владеть словом «битва», поскольку только он истинно знает, что она собой представляет.

Однако дело ведь не только в понимании моральных понятий, но и в том, что они должны обладать определенной основательностью в своем представлении нравственности. Они должны осваиваться и запоминаться в раннем возрасте, так как содержат в себе фундамент и ключевые черты внутреннего высшего мира. Закрепившись в сознании молодого человека, они составляют его богатство, которое вдохновляет на дальнейшие поступки, пускает корни и разрастается, обогащается опытом и доказывает необходимость достигать большего и быть уверенным в собственных убеждениях.

Кроме того, основы нравственного поведения закладываются и благодаря формальному образованию, так как человек высокой морали должен обладать способностью правильно толковать тот или иной случай, отличать нравственные определения друг от друга и находить им подходящее применение. Однако эта способность развивается именно на основе научного занятия, поскольку оно практикует навык взаимоотношений с другими людьми и является постоянным переходом мысли от частного к общему и, наоборот, от общего к частному. Научное образование оказывает такое влияние на дух, что может отделять его от себя, извлекать его из непосредственного естественного бытия, подневольной сферы чувств и инстинктов и наделять мыслями, через которые он приобретает иное сознание, необходимое для интуитивных поступков во внешней сфере. Через это освобождение научное знание обретает власть над непосредственными представлениями и ощущениями, что составляет формальную основу моральных образов действия.

Однако школа не останавливается на подобном воздействии. Она также является особой средой, в которой человек пребывает и формируется путем привыкания к реальным отношениям. Школа является сферой, обладающей своим предметом и объектом, своими правами и законами, своей системой наказаний и вознаграждений. Школьная среда выступает существенным этапом в формировании нравственного характера человека. Школа занимает позицию между семьей и фактическим миром и является связующим звеном перехода от одного этапа жизни к другому. В связи с этим следует подробнее рассмотреть еще одну сторону вопроса.

Дело в том, что жизнь в семье, предшествующая жизни в школе, являет собой личные отношения, основанные на чувствах, любви, естественном доверии. Это не только вещная связь, но и связь по крови. Ребенок ценится в семье только потому, что он ребенок, он незаслуженно познает любовь своих родителей так же, как он вынужден выносить их гнев, не имея права ему противостоять. За пределами семьи человек ценен за дела, которые он совершает, он обладает ценностью только постольку, поскольку он ее заслуживает. Немногое достается ему из-за любви и ради любви, имеют значение только поступки, а не чувства и особенности личности. Мир не зависит от всего субъективного сообщества. Человек же в нем ценится в соответствии с его умениями и пригодностью в определенной сфере деятельности, причем в той мере, в какой он избавился от недостатков и привнес свой вклад в осознание всеобщего бытия.

Так, школа является переходной средой, которая переводит человека из семейного круга в большой мир, из природных условий, чувств и способностей – в стихию вещей. Именно в шко-

ле ребенок начинает постигать совершенно подлинный смысл бытия таким образом, что формирование его представлений о жизни больше не зависит от случая, страсти и влечения. Ребенок начинает цениться не за уникальность своей непосредственной личности, а за свои поступки, заслуги. Внутри семьи ребенок имеет право выбора действий касаясь собственного послушания и любви родителей, в школе же он должен вести себя согласно обязанностям и законам, соблюдая общественный порядок и воздерживаясь от всего, что в ином случае могло быть разрешено в кругу семьи. Обучаясь в школе, в обществе, ребенок учится равняться на других, доверять себе и людям. Это закладывает начало формирования и исполнения социальных добродетелей.

Отныне для человека наступает двойное существование, в котором его жизнь совершенно распадается и в котором он должен стремиться к целостности, балансируя между крайностями. Первоначальные бытовые условия его жизни меняются. Теперь он принадлежит к двум обособленным кругам, каждый из которых может заявить о своих правах. Один круг – это жизнь ребенка в школе, второй круг – это жизнь ребенка в семье, где его поведение подчинено отчасти его собственному самоопределению и собственной воле. Она заключается в том, что ребенок больше не зависит только от семейной жизни, он обретает определенный способ существования и наделяется особыми обязанностями.

Специфика природы школьных отношений зависит от манеры общения учащихся, а также от правил поведения, принятых в конкретном учебном заведении. Идеи воспитания и формирования школьной дисциплины неизменно изменились в ходе своего развития. По той причине, что воспитание все больше рассматривается как процесс, направленный скорее на поддержку, чем на подавление растущего чувства собственного достоинства, оно должно служить развитию самостоятельности. Точно так же и в семьях все больше уходит традиция внушать молодежи чувства раболепства и неволи, принуждать их подчиняться воле другого, требовать послушания ради самого послушания и добиваться этого послушания с помощью жестокости, а не с помощью любви и уважения. Так, от учащихся и нашего учебного заведения необходимо требовать тишины и внимательности на занятиях, уважительного отношения к учителям и одноклассникам, прилежного выполнения заданных работ и в целом послушания, которое необходимо в процессе обучения. Однако же с этим связано поведение школьников, касающееся посторонних понятий, не относящихся к порядку, но которыми они должны руководствоваться. В общении же учащихся и их взаимоотношениях, следствием и выгодой которых являются наука и деятельность духа, менее всего подходит отсутствие этикета. Как группа учащихся не может рассматриваться в качестве собрания слуг, так она не может иметь вид и поведение таковых. Чтобы воспитать в молодых людях самостоятельность, их необходимо с ранних лет приучать к тому, чтобы следовать примеру авторитетных преподавателей в вопросе чувства собственного достоинства и собственного рассудка. Кроме того, они должны понимать, что им предоставлена возможность самим определять свои взаимоотношения с окружающими.

Следует также сказать об ограничениях, осуществляемых школой. Учащийся лишь одной ногой стоит в школе, следовательно, ответственность за его поведение лежит не только на нем, но и на учителях, которые могут стать объектом критики из-за неподобающего поведения своих воспитанников за пределами учебного здания. Учащиеся проводят значительную часть времени среди других людей и подвержены их влиянию, в то время как школа должна довольствоваться общественной реальностью. Вне учебного заведения они находятся под ответственностью родителей или людей, заменяющих их. Именно они предоставляют детям определенный объем свободы, разрешают им некий стиль общения, устанавливают приемлемые расходы и развлечения. В случае недостойного поведения учащегося можно сделать вывод: это воспитанники конкретного учебного заведения, это дети конкретных родителей, это сыновья конкретного времени. Чтобы не ошибиться с выводами, нужно учитывать обстоятельства каждого отдельного случая.

Жизнь молодежи проходит в основном в рамках семьи и в рамках школы. Поэтому крайне необходимо, чтобы одна среда не ослабляла авторитет другой. Напротив, они должны поддерживать друг друга и действовать сообща в целях достижения общей, столь важной цели.

Кроме того, школа взаимодействует с внешним миром, и ее задачей является подготовка молодежи к жизни в нем. Внешний мир – целостная, взаимосвязанная система законов, представленная общностью сплоченных единой целью учреждений. Отдельные части этой системы имеют значение только постольку, поскольку являются ее компонентами, при этом не столь важны частные, личные цели, мнения и мысли. Одновременно в этой системе связаны склонности, увлечения и материальные интересы личности. Мир – это поле борьбы и постоянного взаимодействия обеих сторон во имя общей цели. В школе личные интересы и эгоизм

замолкают, нахождение в ней представляет собой череду занятий, посвященных преимущественно определенным представлениям и мыслям. Но когда школьная жизнь лишена эмоций, она не соответствует высшим интересам и целям учебного заведения, что может быть вредным для общественной жизни. В таком случае школьное обучение выступает лишь постепенной, методичной подготовкой к будущей жизни. Формирование индивидуума в рамках образовательного процесса – это развитие у учащегося способности участвовать в общественной жизни. Знания и умения, которые приобретаются в школе, достигают своей основополагающей цели только при применении их вне школы. В школе они принимаются во внимание только постольку, поскольку приобретаются, изучается не наука, а только теория, уже известная всем, исследуется ее элементарное содержание. Школьные знания являются тем, что другие давно постигли. Школьное обучение предполагает не полное освоение всей науки, а только знакомство с научными трудами.

Однако если содержание предмета, который изучается в школе, является чем-то давно сформированным, то личность учащегося, который получает образование в этой сфере, еще не сформировалась. И это развитие никогда не может быть окончено, можно лишь достичь его определенной ступени. То, что происходит в кругу семьи, имеет свой интерес и свою ценность преимущественно внутри нее. Процесс школьного обучения, а также оценки, награды и наказания в рамках него имеют относительную важность и законную силу только внутри школы. Учащаяся в школе молодежь находится в состоянии постоянного стремления. Тот, кто отстает от других, имеет потенциальную возможность роста над собой, возможно, он не нашел еще свою точку зрения, свой подлинный интерес или же не достиг такого момента времени, в котором себя проявит. Порой учащийся изначально отличается и показывает стремительный прогресс, однако при возрастающих требованиях он остается позади и походит на скалу, на которой семя сначала радостно всходило, но вскоре засохло. Другой учащийся, наоборот, часто кажется нераскрытым зерном и проявляет медленность в своем продвижении, но постепенно все глубже пускает корни, а затем будто разом и без усилий проявляет себя.

Из этого следует, что школьные отметки являются настолько несовершенным способом оценки, насколько не сформирована личность учащегося. Поэтому высшее правительство закрепило положение, согласно которому отметки учащихся не должны становиться достоянием общественности, их можно зачитывать вслух, но при этом следует объяснять, что они являются отражением субъективного мнения учителей, которое не оказывает непосредственного влияния на будущее жизненное предназначение и социальный статус учащихся. Поскольку задачей школы является подготовка к дальнейшей жизни, то и школьные отметки – это предубеждение... Они не есть что-то окончательное.

В конце учебного года составляется рейтинг успеваемости, определяется позиция каждого учащегося, а также его переход в следующий класс. Рейтинг успеваемости выступает в качестве общей оценки успехов учащегося. Оценка – это непостоянная величина... Ее функцией является отражение положения дел на настоящий момент. Сравнение рейтингов успеваемости за несколько лет показывает, как некоторые учащиеся вырвались вперед, а другие остались позади.

Я подробнее остановлюсь на том, что нужно принимать во внимание при составлении рейтинга успеваемости учащихся. Сравнить можно молодых людей только одного возраста, преимуществом обладает тот, который обгоняет своих сверстников. Однако в рамках одного класса это получается не всегда, поскольку зависит не только от успехов в учебе, но и от возраста поступления в учебное заведение. В случае если в образовательном процессе преуспевает тот, кто старше по возрасту большинства своих одноклассников, речь идет лишь об относительном преимуществе. Если же младшие по возрасту учащиеся занимают даже средние места среди старших ребят, это говорит о том, что они обладают большим преимуществом.

Следует помнить, что в старших классах место в рейтинге успеваемости все больше теряет свое значение. Ближе к старшим классам количество учащихся сокращается по той причине, что многие из них переходят в другие учебные заведения или идут работать. Каждый учащийся должен стремиться делать все, что от него требуется, ведь пассивное присутствие и немотивированное обучение недопустимы. При этом отстающие чувствуют себя некомфортно... находясь в поиске собственного предназначения. Главный принцип – не спешить перейти в старшие классы, потому что последовательность и упорство в начале образовательного процесса являются главным условием для того, чтобы развить способность к великим делам... Таким образом, тот, кто принимается в старшие классы, в целом уже выдержал некую проверку и опробовал свою способность идти дальше по пути школьного обучения.

Вместе с этим я должен обратить внимание на другое кажущееся неравенство. Оно связано с тем случаем, когда степень отставания учеников старших классов выше степени отставания

учеников младших классов. Если тот, кто достиг определенного возраста, обладает не выдающимися, но все же достаточными умениями для обучения в старшем классе, то при поступлении его зачисляют именно в этот класс (или переводят при наличии второго курса двухгодичного класса). Но того, кто показывает те же успехи, но отстает по возрасту, не стоит поторапливать, поскольку у него еще есть время на приобретение не просто достаточных, а полноценных умений, кроме того, ему не достает общей зрелости размышлений и поведения, т. е. нельзя пренебрегать возрастом даже при выдающихся умственных способностях ребенка. При этом действует принцип: уверенное овладение азами – главное условие для дальнейшего успешного развития и обучения, которое нельзя будет пройти в более зрелом возрасте.

Упомянутое неравенство касается и возраста, в котором дети поступают в учебное заведение. Это обстоятельство наводит меня на одну очень важную мысль: родители, которые намереваются доверить нашему учебному заведению обучение своих детей, должны понимать, что дети должны приступать к учебе в довольно сознательном возрасте, а именно на восьмом, девятом, самое позднее – на десятом году жизни. Родителям следует помнить, что продолжительность всего образовательного курса, как правило, составляет десять, а с подготовительными классами – 11–12 лет, поступивший на обучение ребенок независимо от возраста может быть зачислен только в класс для начинающих, и недопустимо нарушать иерархию ступеней обучения, ведь они тесно взаимосвязаны. Для молодых людей 11–12 и более лет это некомфортные условия: из-за отставания в латыни они должны быть переведены в младший класс, в то время как по возрасту и согласно успехам по другим предметам они способны посещать намного более сложные занятия, чем те, которые им могут предложить в младших классах. Тот, кто только приступает к изучению школьного курса на тринадцатом году жизни или даже позже и нацелен стремительно продвинуться вперед и нагнать пропущенное за двухгодичный курс, должен помнить, что он может поступить в университет на два, три, даже четыре года позже, чем если бы он своевременно приступил к обучению. Поэтому родители, которые планируют направить своих детей на учебу в университет или в наше учебное заведение, должны учитывать указанные требования и не откладывать начало занятий на слишком долгий срок.

Не будет лишним затронуть события в стенах нашего учебного заведения в минувшем учебном году. Наша гимназия получила отличительный знак заслуженного классного руководителя, которому болезнь не позволяет заниматься полноценной педагогической деятельностью. Речь идет о кандидате учебного ведомства Мейерляйне, давно известном в городе своими занятиями с молодежью. Он был назначен внештатным учителем.

Также в минувшем учебном году начался процесс оснащения кабинета физики. В средних классах впервые был проведен курс космографии, а в старших классах – курс экспериментальной физики, который в следующем году станет еще более обширным при условии переоборудования кабинета.

Также общество имело возможность наблюдать за образовательным экспериментом в нашей гимназии, в частности за такой формой занятий, как публичное выступление. Когда такой формат занятий обретет постоянную основу, интерес к ним возрастет. Настоящее, осмысленное чтение требует наличия ясного ума и предполагает изучение большого количества исследований, оно позволяет опираться на собственные знания, но в гораздо большей степени оно предполагает осмысление прочитанного. Такой способ обучения, связанный с рефлексией, позволяет выйти за пределы школьной среды и вступить в разговор с обществом и государством. Опыт, полученный в ходе публичного выступления, является настолько бесценным, что, пожалуй, можно отринуть большую часть привычных наставлений и объяснений на уроках в пользу такого формата занятий. Мы надеемся, что подобные занятия будут практиковаться постоянно и смогут выступать главным способом формирования личности.

С благодарностью следует упомянуть подарок, которого наша библиотека удостоилась в Мюнхене по милости главы королевского финансового ведомства господина Рота (мы очень обязаны ему). Речь идет об экспонатах для нашего кабинета минералов. Развитие кабинета минералов невозможно без усердия наших учеников. Нам остается лишь надеяться, что эта коллекция в следующем году будет использована на занятиях.

Кроме того, средства, которые предполагалось направить на поддержку нуждающихся учащихся гимназий и реальных училищ, освоены. Некоторая часть квартальных взносов в бюджет города уже направлена на подготовку и реализацию школьных программ учащихся специальных школ, а дальнейшие регулярные вложения в имеющийся целевой фонд обеспечат развитие системы образования. В текущем году стипендии из этого фонда, милостиво выделенные

и выплаченные королевским комиссариатом, составили 456 флоринов 44 крейцера с учетом 36 флоринов 44 крейцеров, которые были выделены ранее. Кроме того, 75 флоринов 58 крейцеров были потрачены на приобретение учебников и письменных принадлежностей. Это целесообразное вложение средств, которого удостоились действительно нуждающиеся и расположенные к учебе учащиеся, кроме того, есть возможность оказывать им более существенную помощь, поэтому для отдельных учащихся выплаты составили 40, 60 и 100 флоринов. Да будут благословенны наши набожные предки, которые оставили пожертвования на такие благородные цели, наши горожане, оказавшие безвозмездную финансовую помощь с теми же намерениями, и, наконец, королевское правительство, которое обеспечивает справедливое распределение средств согласно воле учредителей и налогоплательщиков, а также все более скрупулезно регулирует этот процесс.

Мы преисполнены надежды на то, что сможем успешно пройти предстоящую... аттестацию гимназии... на предмет использования государственного бюджета...

По результатам экзаменов в конце учебного года можно судить о том, какая работа была проведена в нашем учебном заведении. На церемонии вручения наград эти сведения становятся публичным достоянием. На торжестве присутствуют, с одной стороны, родители и другие члены семей учащихся, а с другой – представители королевского правительства. Семья и государство объединяют свои интересы. Родители, наблюдающие за тем, как их дети вырастают в школе и получают знаки отличия, имеют возможность почувствовать себя счастливыми. Государство же, наблюдающее за этим процессом, может увидеть плоды своей деятельности. Я обращаюсь к тем, кто сегодня получит знак отличия из рук королевского комиссариата. Ваши успехи сегодня обретут общественное признание. Вы завершаете свой путь в школе и начинаете взаимодействовать с обществом и государством. Эти награды – еще не последняя оценка, но заслуженная похвала вашему усердию и послушанию в минувшем учебном году. Также это вызов самим себе, ведь в будущем вы должны оправдать ожидания своей семьи и государства. В будущем ваши награды не должны стать упреком – они должны остаться приятным воспоминанием о том этапе жизни, который вы прошли достойно.

Библиографические ссылки

1. Гегель ГВФ. Речи директора гимназии. В: Гулыга АВ, редактор. *Работы разных лет. Том 1.* Москва: Мысль; 1970. с. 395–416.
2. Бакунин МА. Предисловие переводчика и перевод «Гимназических речей» Гегеля. *Московский наблюдатель.* 1838; книга 1:21–38.
3. Бакунин МА. Предисловие переводчика и перевод «Гимназических речей» Гегеля. *Московский наблюдатель.* 1838; книга 2:185–201.
4. Гриневиц ЕА, Верещако АИ, Стрелковская КВ, Дроздова АС. Предисловие к «Речам директора гимназии» Г. В. Ф. Гегеля. В: Адуло ТИ, редактор. *Философские исследования. Сборник научных трудов: научное издание. Выпуск 7.* Минск: Беларуская навука; 2020. с. 370–373.
5. Hegel GWF. *Nürnberg und Heidelberger Schriften, 1808–1817. Werke 4.* Frankfurt: Suhrkamp; 1986. 604 S.

References

1. Hegel GWF. [Speeches of the director of the gymnasium]. In: *Raboty raznykh let. Tom 1* [Works of different years. Volume 1]. Moscow: Mysl'; 1970. p. 395–416. Russian.
2. Bakunin MA. [Translator's preface and translation of Hegel's Gymnasium Speeches]. *Moskovskii nablyudatel'*. 1838; book 1:21–38. Russian.
3. Bakunin MA. [Translator's preface and translation of Hegel's Gymnasium Speeches]. *Moskovskii nablyudatel'*. 1838; book 2:185–201. Russian.
4. Grinevich EA, Verashchaka AI, Strelkovskaya KV, Drozdova AS. [Introduction to «The speech of the Gymnasium's Principle» G. W. F. Hegel]. In: Adulo TI, editor. *Filosofskie issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov: nauchnoe izdanie. Vypusk 7* [Philosophical research. Collection of scientific papers: scientific edition. Issue 7]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2020. p. 370–373. Russian.
5. Hegel GWF. *Nürnberg und Heidelberger Schriften, 1808–1817. Werke 4.* Frankfurt: Suhrkamp; 1986. 604 S.

Статья поступила в редакцию 11.11.2022.
Received by editorial board 11.11.2022.

**СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ
ПРАГМА-ДИАЛЕКТИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.:
ДЖ. Л. ОСТИН, ДЖ. Р. СЕРЛЬ И Г. П. ГРАЙС**

А. В. САРЫЧЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрыты концептуальные основания прагма-диалектики, становление которых сопряжено с развитием теорий речевых актов Дж. Л. Остина и Дж. Р. Серля и концепции речевого общения Г. П. Грайса. Обоснована роль рассматриваемых теорий в становлении прагма-диалектики. Для этого, во-первых, выявлена связь между раскрытыми Дж. Л. Остином концептами, связанными с деятельностным характером высказываний, условиями их успешности и классификацией речевых актов, и их отражением в моделировании прагматических ходов и формулировке мета-теоретических принципов в прагма-диалектике. Во-вторых, раскрыто влияние концептуальных идей Дж. Р. Серля, сложившихся в результате критического пересмотра классификации Дж. Л. Остина, иллокутивных речевых актов и правил взаимодействия, на формирование прагматических и нормативных аспектов в прагма-диалектике. Обоснованы роль и значение разработанной Г. П. Грайсом системы эффективного общения в построении модели рационального взаимодействия в прагма-диалектике.

Ключевые слова: анализ обыденного языка; классификация речевых актов; иллокутивный речевой акт; правила взаимодействия Дж. Р. Серля; постулаты общения Г. П. Грайса; коммуникативные импликатуры Г. П. Грайса.

**THE FORMATION OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS
OF PRAGMA-DIALECTICS IN THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY:
J. L. AUSTIN, J. R. SEARLE AND G. P. GRICE**

A. V. SARYCHEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the conceptual foundations of pragma-dialectics, the formation of which is associated with the development of the theories of speech acts by J. L. Austin and J. R. Searle, as well as the concept of speech communication by G. P. Grice. The role of the theory of J. L. Austin who revealed the activity nature of statements, the conditions of their success and made a classification of speech acts, which was reflected in the modeling of pragmatic moves and the formulation of the meta-theoretical principles of pragma-dialectics, was substantiated. The significance of the theory of J. R. Searle, who made the analysis of illocutionary speech acts, interaction rules and revision of J. L. Austin's classification, which influenced the formation of pragmatic and normative aspects in pragma-dialectics, has been revealed. The significance of the concept of G. P. Grice in the formation of conceptual foundations, including the principles and postulates of communication and communicative implicatures, which allows to build a rational interaction in the pragma-dialectics is revealed.

Keywords: analysis of ordinary language; classification of speech acts; illocutionary speech act; rules of interaction by J. R. Searle; communication postulates of G. P. Grice; communicative implicatures of G. P. Grice.

Образец цитирования:

Сарычева АВ. Становление концептуальных оснований прагма-диалектики во второй половине XX в.: Дж. Л. Остин, Дж. Р. Серль и Г. П. Грайс. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;1:17–24.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-17-24>

For citation:

Sarycheva AV. The formation of the conceptual foundations of pragma-dialectics in the second half of the 20th century: J. L. Austin, J. R. Searle and G. P. Grice. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;1:17–24. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-17-24>

Автор:

Анна Владимировна Сарычева – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент С. В. Воробьева.

Author:

Anna V. Sarycheva, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
phs.kupriyanav@gmail.com

Введение

Становление концептуальных оснований прагма-диалектики во второй половине XX – начале XXI в. непосредственно связано с развитием философии языка. Особую роль в этом становлении сыграли теории речевых актов Дж. Л. Остина [1–3] и Дж. Р. Серля [4–6], а также теория речевого общения Г. П. Грайса [7; 8]. Их актуальность для прагма-диалектики обусловлена разработанными в них прагматико-аналитическими основаниями. Благодаря этим основаниям, во-первых, стал возможным выход за пределы понимания языка с единственно возможной дескриптивной, или описательной, функцией, во-вторых, было преодолено толкование языковых выражений исключительно как описательных и констатирующих, в-третьих, был произведен анализ характера и силы «условий и факторов, которые управляют речевым общением» (в основном стремлениями Г. П. Грайса) [7, с. 219].

Особое значение теории речевых актов и речевого общения в развитии прагма-диалектики предопределено актуальными вопросами последней. Прагма-диалектика является перспективным направлением в современных исследованиях, в котором разрабатывается методологический инструментарий коммуникативного взаимодействия в двойственном

контексте: на пересечении прагматического поворота в философии языка и диалектического поворота в теории аргументации. Поэтому возникла необходимость в уточнении прагматических и диалектических факторов и критической оценке произрастающих из них теоретических и методологических стратегий. В историко-философском контексте уточнение и оценка базовых идей Дж. Л. Остина, Дж. Р. Серля и Г. П. Грайса, разработанных в рамках философии языка, обеспечивают возможность поиска аргументов преемственности и рецепции идей. Они необходимы для более глубокого понимания концепций, развившихся в последующем, в частности концепций формальной диалектики (Н. Решер, Е. М. Барт, Э. С. В. Краббе и др.) и непосредственно прагма-диалектики (Ф. Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст, Э. Т. Фетерис и др.). Такая аналитическая работа позволит осуществить корректировку и модификацию теорий речевых актов и речевого общения с учетом новых онтологических и эпистемологических обстоятельств современного мира.

Цель статьи – реконструировать становление концептуальных оснований прагма-диалектики во второй половине XX в. в контексте развития идей Дж. Л. Остина, Дж. Р. Серля и Г. П. Грайса.

Материалы и методы исследования

Материалы исследования включают работы Дж. Л. Остина [1–3], Дж. Р. Серля [4–6] и Г. П. Грайса [7; 8], а также ряд трудов, в которых излагаются результаты анализа проблематики, обозначенной авторами настоящей статьи [9–15].

В качестве научных методов использованы историко-философская реконструкция и системный анализ. Метод историко-философской реконструкции

позволил проследить развитие идей теорий речевых актов Дж. Л. Остина и Дж. Р. Серля и теории речевого общения Г. П. Грайса, а также их рецепцию в прагма-диалектике. Системный анализ обеспечил целостный подход при рассмотрении концепции речевых актов Дж. Л. Остина и Дж. Р. Серля, а также при анализе постулатов речевого общения и коммуникативных импликаций в концепции Г. П. Грайса.

Результаты и их обсуждение

В философском анализе языка, предпринятом Дж. Л. Остином, Дж. Р. Серлем и Г. П. Грайсом, методологически важно эксплицировать три персонифицированных аспекта, повлиявших на становление прагма-диалектики. Во-первых, в рамках концепции Дж. Л. Остина был осуществлен анализ обыденного языка через экспликацию деятельностной природы высказываний, классификацию речевых актов и анализ условий их успешности. Во-вторых, при рассмотрении иллокутивных речевых актов Дж. Р. Серля был произведен анализ правил, содержания и значения речевых актов, а также обозначены основания их классификации. В-третьих, в рамках концепции Г. П. Грайса были раскрыты принципы и постулаты общения, а также значение импликаций во взаимодействии между людьми. Поэтому необходимо понять, каким образом каждый элемент указанного

аспекта нашел свое продолжение в формировании прагма-диалектики как самостоятельного направления в истории философии, синтезировавшего прагматику и диалектику.

Указанные идеи являются значимыми при анализе прагматических аспектов в рамках прагма-диалектики. Как замечал Ф. Х. ван Еемерен, основные единицы анализа аргументативного взаимодействия – это «речевые акты или комбинации речевых актов»¹ [9, р. 5]. Использование и понимание этих актов регулируется четырьмя метатеоретическими принципами, составляющими базис прагма-диалектической концепции: принципами экстернализации, социализации, функционализации и диалектификации [10]. Их реализацию можно проследить в идеальной модели взаимодействия – критической дискуссии, которую можно определить через два ее

¹Здесь и далее перевод наш. – А. С.

ключевых вопроса: «Какие ходы может совершить человек на каждом этапе дискуссии? Какие нормативные аспекты приведут к эффективному взаимодействию?» Исходя из этого, для выявления концептуальных оснований прагма-диалектики важно уточнить речевые акты, соответствующие основным ее этапам: этапам конфронтации, открытия, аргументации и заключительной стадии. Кроме того, существенное значение имеет выявление правил и принципов, определяющих условия конструктивного взаимодействия и успешной реализации целей. Анализ данных аспектов следует начать с рассмотрения языка в рамках концепции Дж. Л. Остина.

Идеи Дж. Л. Остина выступают абсолютизированным прообразом главной идеи аналитической философии, в которой основной задачей являлось прояснение выражений обыденного языка. Решение данной задачи предполагало создание лингвистической феноменологии как теоретического синкретизма философии и лингвистики. Такой подход должен был обеспечить исследование логических явлений без отвлечения от их основного содержания. По его мнению, предмет лингвистической феноменологии должны составлять способы употребления естественного языка, а элементарной единицей анализа должно стать высказывание.

Высказывание, произносимое кем-то, является, согласно Дж. Л. Остину, актом производства, его вынесение «есть историческое событие», так как это событие ссылается на конкретное положение дел или ситуацию [2, с. 294]. Значение имеют указательные конвенции, которые позволяют соотнести утверждаемое в высказывании содержание с «историческими ситуациями... которые обнаруживают себя в мире» [2, с. 297]. Как писал Дж. Л. Остин, когда ставится вопрос о том, что необходимо сказать в определенной ситуации, «мы обращаемся не просто к словам (или к “значениям”, чем бы таковые ни являлись), но также к реалиям», т. е. к восприятию феноменов [3, с. 207]. Высказывание, таким образом, с некоторой определенностью соответствует исторически изменяющимся событиям.

Первоначальная классификация, предложенная Дж. Л. Остином, предполагает выделение двух видов высказываний: констативов и перформативов. В курсе лекций «Как совершать действия при помощи слов?» Дж. Л. Остин описывал данное разграничение как «разграничение между словом и делом» [1, с. 49]. Констативы понимаются как описательные высказывания. Высказывания такого типа должны иметь соответствующую историческую референцию, т. е. обращаться к описанию определенных фактов. Однако, по мнению Дж. Л. Остина, попытки принять все утверждения в качестве дескриптивных привели к ошибкам понимания и затруднениям в истории философии.

Ограниченный характер констатирующих высказываний раскрывается в коммуникации. В ней

встречаются утверждения, которые «частично призваны вызывать некие эмоции, или предписывать указания, или влиять на них определенным образом» [1, с. 15]. Дж. Л. Остин, рассматривая этические пропозиции, говорил, что они могут взывать к чувствам собеседника (например, «вам должно быть стыдно») или содержать предписания (например, «нельзя лгать» или «необходимо быть вежливым к оппоненту»). Перформативы, в отличие от констативов, нацелены не на описание какого-либо факта, а на совершение действия. Их употребление, как указывал Дж. Л. Остин, «является частью поступков или действий, которые в обычных случаях не описываются как говорение о чем-либо» [1, с. 17]. Совершение действий при помощи слов соотносено с влиянием внутренних факторов, определяющих «способность к пониманию, осознание ситуации, применение тех или иных принципов, планирование, контроль за исполнением» [3, с. 205]. В сравнении с констативами, по мнению Дж. Л. Остина, перформативы не следует анализировать в категориях истинности или ложности. Поэтому, как замечает И. А. Яременко, «критерием оценки перформативов является успешность или неуспешность» [11, с. 188].

Успех перформативного высказывания обусловлен наличием определенных обстоятельств и действий. Они в некотором смысле составляют нормативную модель коммуникации. Согласно этой модели, чтобы перформатив был успешным, необходимо соблюдать несколько условий. Во-первых, должна существовать процедура, принятая в рамках конвенции и описывающая «употребление определенных слов при определенных обстоятельствах» [1, с. 25]. Во-вторых, сами участники коммуникации и обстоятельства должны соответствовать принятой процедуре. В-третьих, ее осуществление должно быть корректным. В-четвертых, она должна быть выполнена полностью. В-пятых, лица, обладающие определенными мыслями, чувствами и намерениями и включенные в процедуру, должны «фактически обладать этими мыслями и чувствами» и последовательно реализовывать свои намерения [1, с. 25]. В дальнейшем, как утверждает И. П. Сусов, Дж. Л. Остин стал придерживаться мнения о том, что «жесткой границы между перформативами и констативами нет», поэтому философ пересматривал некоторые положения своего разделения высказываний на констативы и перформативы, совершив переход от «перформативности к иллокутивности» [12, с. 109].

Для раскрытия концептуальных оснований прагма-диалектического направления, где коммуникативные ходы, осуществляемые в дискуссии, понимаются как речевые акты, необходимо уточнить их классификацию Дж. Л. Остином [10]. Она включает локутивный, иллокутивный и перлокутивный речевые акты. Локутивный акт представляет собой произнесение высказывания, которое можно рассмотреть в отношении к «используемому в его ходе

языковым средствам» [1, с. 13]. Иллокутивный акт позволяет не только рассматривать содержательные особенности сообщения, но и эксплицировать его функции, что приводит к разделению на вердиктивы, экзерситивы, комиссивы, бехабитивы и экспозитивы. Благодаря перлокутивному акту человек может намеренно воздействовать на адресата для достижения определенного результата [1].

Идея речевых актов Дж. Л. Остина повлияла на становление прагма-диалектики, концептуально воплотившись в ее четырех метатеоретических принципах [9; 10]. В принципе экстернализации акцент делается на обязательствах, которые возможно раскрыть «в определенном контексте через речевые акты, совершаемые в аргументированной дискуссии или тексте» [10, р. 3]. В таком контексте тип речевого акта определяет необходимую последовательность действий относительно обсуждаемой проблемы. Принцип социализации указывает на необходимость принятия или отрицания тезиса в соответствии с аргументативными ходами, т. е. речевыми актами, произведенными в обсуждении. Функционализация указывает на целенаправленную вербальную деятельность в критической дискуссии. Анализ речевых актов в рамках этого принципа «позволяет определить, какой аргументативный ход делается на конкретном этапе процесса урегулирования» [10, р. 4]. В рамках диалектификации использование речевых актов в процессе дискуссии рассматривается как систематический процесс, соответствующий критическому идеалу разумности.

Дальнейшая реконструкция концептуальных оснований прагма-диалектики связана с экспликацией понятия речевого акта в работах Дж. Р. Серля, который критически проработал теорию Дж. Л. Остина. Прежде всего он указал на необходимость улучшения понимания иллокутивных речевых актов, а также обратил внимание на нечеткость границ между пятью обозначенными классами речевых действий в иллокутивном акте. Для преодоления данных недостатков Дж. Р. Серль выявил особенности иллокутивных актов через три исходных понятия (правила, суждения и значение), а также критически пересмотрел классификацию иллокутивных актов, произведенную Дж. Л. Остином.

Решение первой задачи позволяет расширить понимание нормативных прагматических аспектов, что методологически важно при построении критической дискуссии в прагма-диалектике. Коммуникация, по мнению Дж. Р. Серля, состоит из единиц языкового общения, которые представляют собой не «конкретный экземпляр символа, слова или предложения, а производство этого конкретного экземпляра в ходе совершения речевого акта» [5, с. 152]. Разрабатывая определение иллокутивного акта, Дж. Р. Серль указывал на то, что этот феномен представляет собой «производство конкретного

предложения в определенных условиях», а первым условием производства акта является его соответствие правилам [5, с. 152].

Экспликация Дж. Р. Серлем правил взаимодействия позволяет проследить их роль в моделировании определенных видов аргументации в прагма-диалектике. Это обусловлено тем, что в критической дискуссии важно то, «какие правила применяются к распределению речевых актов на разных стадиях критического обсуждения» [10, р. 22]. Дж. Р. Серль делил правила на регулятивные и конститутивные. Регулятивные правила позволяют изменять существующие формы поведения, регламентируя деятельность, «существование которой логически независимо от существования правил» [5, с. 154]. Например, правила этикета регламентируют межличностные отношения, существующие независимо от этих правил. Данные правила являются необходимыми для социального взаимодействия, однако Дж. Р. Серль подчеркивал, что, «если мы будем искать в семантике чисто регулятивные правила, мы вряд ли найдем что-либо интересное с точки зрения логического анализа» [5, с. 155]. Поэтому интерес представляет второй тип правил, которые характеризуются как конститутивные. Они «не просто регулируют, но создают или определяют новые формы поведения», устанавливающие границы использования иллокутивных речевых актов [5, с. 153, 155]. Например, принятие правил делает возможным осуществление критической дискуссии и отделяет ее от ссоры или дебатов [9].

Понимание собеседника играет важную роль в разрешении разногласий посредством критической дискуссии, поэтому раскрытие концептуальных оснований прагма-диалектики связано с дальнейшим анализом иллокутивных речевых актов и их значения. Дж. Р. Серль описывал значение иллокутивных актов с учетом пропозиционального показателя, позволяющего определить содержание суждения, и функционального показателя (показателя иллокутивной функции), демонстрирующего то, «как надо воспринимать данное суждение» [5, с. 155–156]. Дж. Р. Серль на основе анализа значения языковых выражений показывает, как определенный речевой акт может быть понят. Относительно языковых средств, которые помогают в производстве речевого акта, говорят, «что они имеют значение (meaning)» [5, с. 156]. О человеке, передающем посредством этих языковых средств информацию, говорят, что он «что-то имел в виду (meant)» [5, с. 157]. Чтобы эксплицировать данные компоненты, Дж. Р. Серль обращается к анализу работы Г. П. Грайса «Значение» [8].

По мнению Г. П. Грайса, анализ речевой деятельности, позволяющий понять, что человек имел в виду, определяется тем, какое воздействие он хотел оказать на слушателя [8]. П. Ф. Стросон рассматривал субъективное значение, которое отражает, «что

конкретный говорящий имеет в виду (nonnaturally means) под своим высказыванием» [13, с. 137]. Однако Дж. Р. Серль стремился расширить такое понимание субъективного значения через описание роли конвенций и правил в коммуникации. Основной вывод заключается в следующем: связь между тем, что имеет в виду человек во время говорения, и тем, что обозначает его языковое выражение, не является случайной. Экспликация значения речевого акта должна учитывать интенциональный и конвенциональный аспекты. Данный подход обеспечивает достижение коммуникативной цели посредством опознания оппонентами намерений говорящего. Например, в рамках критической дискуссии для разрешения разногласий необходимо проанализировать позиции, которые «люди выражают или проецируют в своих речевых выступлениях», и определить их значение в рамках конкретного контекста [10, с. 54].

Вторую задачу, связанную с устранением нечеткости границ в таксономии Дж. Л. Остина, Дж. Р. Серль решал в работе «Классификация иллокутивных актов» [6]. Пересматривая эту таксономию, он выделял пять типов речевых актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации. Классификация выстраивается исходя из 12 «значимых измерений, в которых происходит варьирование иллокутивных актов» [6, с. 172]. В этом контексте Дж. Р. Серль выделял три измерения, которые представляются ему наиболее важными и могут служить критериями их разделения. Во-первых, это иллокутивная цель, во-вторых, «различия в направлении приспособления между словами и миром» и, в-третьих, условие искренности [6, с. 172].

В качестве примера можно рассмотреть различия репрезентативов и директив в зависимости от иллокутивной цели. Репрезентативы выступают как акты, фиксирующие за человеком ответственность за истинность его тезиса. В то же время иллокутивная цель директив состоит в том, чтобы реципиент информации совершил определенный поступок. Анализируя экспрессивы и декларации в аспекте соотношения между языком и реальностью, следует отметить, что экспрессивы могут не обладать «каким-либо направлением приспособления» [6, с. 173]. Декларации же направлены на установление отношения между пропозициональным содержанием и реальностью. Условие искренности является более общим и подразумевает, что наравне с пропозициональным содержанием человек пребывает в некотором психологическом состоянии, связанном с этим содержанием. Возможность экспликации иллокутивной цели, пропозиционального содержания и искренности включает понимание небуквальных аспектов смысла, которые, по мнению Дж. Р. Серля, обнаруживают себя в косвенных речевых актах. Чтобы понять то, каким образом происходит экс-

пликация значения в ситуации, «когда слышимое и понимаемое им предложение означает еще нечто большее», необходимо обратиться к категориальному аппарату, выходящему за рамки теории речевых актов [4, с. 196]. Поэтому совместно с рассмотрением теории речевых актов, а также с экспликацией общих фоновых знаний участников взаимодействия необходимо проанализировать «некоторые общие принципы кооперативного речевого общения», разработанные Г. П. Грайсом [4, с. 197].

Анализ концептуальных оснований прагма-диалектики связан с формулированием Г. П. Грайсом общих принципов речевого общения. Решение данной задачи обусловлено игнорированием условий и факторов, управляющих речевым общением, и связано с анализом формального и неформального подходов к исследованию языка. Для формалистов важное значение имеет создание «идеального языка, включающего формальную символику», что обеспечит возможности однозначного определения истинности высказывания [7, с. 218]. Неформалистический подход рассматривает язык с точки зрения его способности «служить нуждам науки», поэтому основой рассмотрения является «более или менее несистематическая логика естественно-языковых аналогов формальных символов» [7, с. 218–219].

И. Д. Матько подчеркивает, что если «язык формальной логики исключает всякую неопределенность, имплицитную две или более интерпретации», то «в естественном языке это не выполняется с необходимостью» [14, с. 70]. Отсутствие такой необходимости означает, что «прагматические конфигурации» в различных дискурсивных практиках «предполагают множество случаев, в которых по той или иной причине дословная интерпретация», например, правового или религиозного текста, неприемлема, так как «не позволяет трактовать несовместимость как формальное противоречие» [15, с. 150]. Более того, «неизбежность несовместимости предполагает выбор, ограничивающий область применения, по крайней мере, одного из тезисов (мнений)» [15, с. 150].

Рассматривая формальный и неформальный подходы, Г. П. Грайс не принимал ни одну из сторон, указывая, что целью нового подхода должен стать анализ условий, которые помогают охарактеризовать особенности речевого общения. Такой анализ строится, во-первых, на описании основных принципов успешного общения, во-вторых, на выявлении имплицитур. Необходимые предпосылки для успешности коммуникативного взаимодействия Г. П. Грайс раскрыл и обосновал в работе «Логика и речевое общение», оформив их в виде принципа и постулатов. Основой коммуникации выступает принцип кооперации, который дополнен постулатами четырех видов: количества, качества, отношения и способа [7]. Философ подчеркивал, что принцип кооперации

обязывает участников взаимодействия внести некоторый коммуникативный вклад для достижения цели, а также указывает на необходимость соблюдения постулатов общения. Постулат, определенный категорией количества, обозначает необходимые для реализации целей объемы информации, постулат качества предписывает использование истинных высказываний, постулат отношения определяет тему обсуждения, а постулат способа призывает избегать непонятных и неоднозначных выражений [7, с. 223].

Становление концептуальных оснований прагматической диалектики связано с фундаментальным вопросом, обозначенным Г. П. Грайсом: «Почему люди должны следовать каким-либо принципам и постулатам в общении?» Ответ на этот вопрос неявно присутствует в позиции Г. П. Грайса, который рассматривает «говорение в качестве одного из видов целенаправленного – и, более того, рационального – поведения» [7, с. 224]. Канон речевого общения, таким образом, должен соблюдаться, а на вопрос о том, «почему это разумно, почему нам *не следует* отступать от этого канона», Г. П. Грайс дает несколько ответов [7, с. 225]. Первый аргумент в пользу соблюдения принципов характеризует следование канону как «квазидоговор, аналогичный тому, который действует за пределами сферы дискурса, то есть во внеречевом общении» [7, с. 225]. Однако этого недостаточно, поэтому следующий аргумент указывает на то, что каждый участник диалога «заинтересован в этом общении», а само общение «выгодно и полезно только при условии, что соблюдаются принцип кооперации и постулаты» [7, с. 226]. Исходя из этого, если участники хотят достичь поставленных целей, им необходимо следовать принципам речевого общения.

Второй значимой идеей, повлиявшей на процесс становления концептуальных оснований прагматической диалектики, является идея Г. П. Грайса о наличии импликатур. По его мнению, вывод реципиентом импликатуры является главным условием коммуникативного взаимодействия [7]. Обращаясь к термину «импликатура», И. П. Сусов указывает на то, что понятие включает в себя смыслы, которые неявно присутствуют в речевых актах и могут выводиться «с использованием определенных процедур интерпретации» [12, с. 144]. Интерпретация зависит как от объективных факторов, т. е. наличия определенных фоновых знаний, так и от факторов субъективных, т. е. способности реципиентов высказывания вывести импликатуру. Поэтому из одного и того же высказывания может быть выведено несколько импликатур.

Г. П. Грайс разделил импликатуры на две группы: конвенциональные и коммуникативные. Первые выводятся из значений используемых слов, вторые – из контекста [7]. Конвенциональные импликатуры, как считал Г. П. Грайс, могут быть эксплицированы в ситуации, когда «конвенциональное значение слов определяет не только то, что говорится, но и то, что имплицитно» [7, с. 221]. При рассмотрении конвенциональных импликатур особый интерес представляет интерпретация смыслов, которые могут быть обнаружены в сообщении.

Коммуникативная импликатура может представляться в следующей формуле: «Некто, сказав (или сделав вид, что он сказал), что *p*, тем самым имплицитно заявил, что *q*» [7, с. 226–227]. Таким образом, раскрывается пространство уточнения импликатуры как небуквальных аспектов значения и смысла. В отличие от конвенциональных импликатур коммуникативные должны быть выводимы не только интуитивно, но и логически. Успешность понимания импликатуры определяется тем, что реципиент информации, во-первых, опирается на понимание значения слов, т. е. обнаружение референтов, во-вторых, он обращается к принципу кооперации и постулатам, в-третьих, слушающий учитывает контекст высказывания, в-четвертых, реципиент учитывает фоновые знания, в-пятых, опирается на тот факт, что «вся указанная выше релевантная информация доступна для обоих участников коммуникации» [7, с. 227].

Обобщая положения, разработанные Г. П. Грайсом, необходимо указать, что выделение им принципов и постулатов общения может быть взято за основу конструирования модели обсуждения в формате критической дискуссии. Ф. Х. ван Еемерен замечал, что сама дискуссия невозможна «без общих правил обсуждения», в которых должны быть указаны условия выполнения речевых актов, способствующих разрешению разногласий [10, р. 139]. Поскольку эти принципы нацелены на построение рационального взаимодействия, они соответствуют принципу функционализации. В рамках данного принципа определяются «условия идентичности» и «условия корректности» речевых актов [9]. В контексте принципа диалектификации соблюдение таких требований и соответствие идеалу критической разумности являются условиями успешного разрешения разногласий. Рассмотрение коммуникативной импликатуры позволяет раскрыть содержательные аспекты, которые не выражены буквально. В прагматической диалектике это способствует пониманию позиции оппонента в дискуссии.

Заключение

Реконструкция становления концептуальных оснований прагматической диалектики во второй половине XX в. заключалась в прослеживании логики разви-

тия идей, теоретических положений и их аргументов в теориях Дж. Л. Остина, Дж. Р. Серля и Г. П. Грайса. Изучение такой логики позволило выявить источни-

ки формирования прагма-диалектики, определить их роль и значение, которые обусловлены функциональными особенностями языка, предопределяющими тенденцию к исследованию прагматических условий и факторов речевого общения. Результатом анализа обыденного языка, произведенного Дж. Л. Остином, стала экспликация деятельности природы высказываний, обоснование условий их успешности и классификация речевых актов. Рецепция данных в прагма-диалектике позволяет моделировать прагматические ходы. Она концептуально воплотилась в рамках метатеоретических принципов.

Развитие Дж. Р. Серлем идеи иллокутивных речевых актов, выделение правил взаимодействия и пересмотр классификации Дж. Л. Остина имеют значение в анализе концептуальных оснований прагма-диалектики при рассмотрении нормативных и прагматических аспектов дискуссии. Нормативные аспекты выражены в правилах, которые не только регламентируют речевую деятельность (регулятивные), но и создают новый аргументативный дискурс (конститутивные). Прагматические аспекты эксплицированы благодаря классификации речевых актов, позволяющей определить место и функцию каждого вида на разных этапах конфронтации.

Анализ принципов и постулатов речевого общения и выявление импликатур Г. П. Грайсом отражают необходимые аспекты, лежащие в основе взаимодействия между людьми в прагма-диалектике. Принципы и постулаты, эксплицирующие нормативные аспекты, позволяют эффективно вести коммуникацию, исходя из рациональных предпосылок кооперации участников дискуссии. Выявление импликатур в прагма-диалектике является основанием для раскрытия смыслов языкового сообщения, что обеспечивает понимание в дискуссии.

Анализ принципов и постулатов речевого общения и выявление импликатур Г. П. Грайсом отражают необходимые аспекты, лежащие в основе взаимодействия между людьми в прагма-диалектике. Принципы и постулаты, эксплицирующие нормативные аспекты, позволяют эффективно вести коммуникацию, исходя из рациональных предпосылок кооперации участников дискуссии. Выявление импликатур в прагма-диалектике является основанием для раскрытия смыслов языкового сообщения, что обеспечивает понимание в дискуссии.

Библиографические ссылки

1. Остин ДжЛ. Как совершать действия при помощи слов? В: Остин ДжЛ. *Избранное*. Макеева ЛБ, Руднева ВП, переводчики. Москва: Идея-Пресс; 1999. с. 13–138. Совместно с издательством «Дом интеллектуальной книги».
2. Остин ДжЛ. Истина. В: Остин ДжЛ. *Избранное*. Макеева ЛБ, Руднева ВП, переводчики. Москва: Идея-Пресс; 1999. с. 290–307. Совместно с издательством «Дом интеллектуальной книги».
3. Остин ДжЛ. Принесение извинений. В: Остин ДжЛ. *Три способа пролить чернила: философские работы*. Кирющенко В, переводчик. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2006. с. 200–231. Совместно с издательством «Дом интеллектуальной книги».
4. Серль ДжР. Косвенные речевые акты. В: Городецкий БЮ, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов*. Москва: Прогресс; 1986. с. 170–222.
5. Серль ДжР. Что такое речевой акт? В: Городецкий БЮ, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов*. Москва: Прогресс; 1986. с. 151–169.
6. Серль ДжР. Классификация иллокутивных актов. В: Городецкий БЮ, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов*. Москва: Прогресс; 1986. с. 170–194.
7. Грайс ГП. Логика и речевое общение. В: Падучева ЕВ, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика*. Москва: Прогресс; 1985. с. 217–237.
8. Grice HP. Meaning. *The Philosophical Review*. 1957;66(3):377–388.
9. van Eemeren FH, Houtlosser P. Argumentative indicators in discourse. *A pragma-dialectical study*. Netherlands: Springer; 2007. 239 p.
10. van Eemeren FH, Grootendorst R. *A systematic theory of argumentation: the pragma-dialectical approach*. New York: Cambridge University Press; 2004. 224 p.
11. Яременко ИА. Концепция речевых актов Дж. Остина как источник теории дискурса Ю. Хабермаса. *Актуальні проблеми духовності*. 2008;9:187–193.
12. Сусов ИП. *Лингвистическая прагматика*. Карабан ВИ, редактор. Винница: Нова Книга; 2009. 272 с.
13. Стросон ПФ. Намерение и конвенция в речевых актах. В: Городецкий БЮ, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов*. Москва: Прогресс; 1986. с. 131–150.
14. Матько ИД. *Коммуникативные функции дискурсивных модальных частиц во французском языке*. Гродно: ГрГУ имени Янки Купалы; 2008. 191 с.
15. Воробьева СВ. Стратегии исследования прагматических аспектов риторической коммуникации (концепции П. Грайса и Х. Перельмана). В: Кобзарь ВИ, редактор. *Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. Материалы VII Общероссийской научной конференции; 20–22 июня 2002 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: СПбГУ; 2002. с. 149–152.

References

1. Austin JL. [How to take action with words?] In: Austin JL. *Izbrannoe* [Selected]. Makeeva LB, Rudneva VP, translators. Moscow: Idea-Press; 1999. p. 13–138. Co-published by the «Dom intellektual'noi knigi». Russian.
2. Austin JL. [Truth]. In: Austin JL. *Izbrannoe* [Selected]. Makeeva LB, Rudneva VP, translators. Moscow: Idea-Press; 1999. p. 290–307. Co-published by the «Dom intellektual'noi knigi». Russian.
3. Austin JL. [Making apologies]. In: Austin JL. *Tri sposoba proilit' chernila: filosofskie raboty* [Three ways to spill ink: philosophical works]. Kiryushchenko V, translator. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta; 2006. p. 200–231. Co-published by the «Dom intellektual'noi knigi». Russian.
4. Searle JR. [Indirect speech acts]. In: Gorodetskii BYu, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts]. Moscow: Progress; 1986. p. 170–222. Russian.

5. Searle JR. [What is the speech act?] In: Gorodetskii BYu, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts]. Moscow: Progress; 1986. p. 151–169. Russian.
6. Searle JR. [Classification of illocutionary acts]. In Gorodetskii BYu, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts]. Moscow: Progress; 1986. p. 170–194. Russian.
7. Grice HP. [Logic and conversation]. In: Paducheva EV, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 16. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in foreign linguistics. Issue 16. Linguistic pragmatics]. Moscow: Progress; 1985. p. 217–237. Russian.
8. Grice HP. Meaning. *The Philosophical Review*. 1957;66(3):377–388.
9. van Eemeren FH, Houtlosser P. *Argumentative indicators in discourse. A pragma-dialectical study*. Netherlands: Springer; 2007. 239 p.
10. van Eemeren FH, Grootendorst R. *A systematic theory of argumentation: the pragma-dialectical approach*. New York: Cambridge University Press; 2004. 224 p.
11. Yaremenko IA. J. Austin's concept of speech acts as a source of J. Habermas's theory of discourse. *Actual Problems of Spirituality*. 2008;9:187–193. Russian.
12. Susov IP. *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic pragmatics]. Karaban VI, editor. Vinnitsa: Nova Knyga; 2009. 272 p. Russian.
13. Stroson PF. [Intention and convention in speech acts]. In: Gorodetskii BYu, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts]. Moscow: Progress; 1986. p. 131–150. Russian.
14. Mat'ko ID. *Kommunikativnye funktsii dickursivnykh modal'nykh chastits vo frantsuzskom yazyke* [Communicative functions of discursive modal particles in French]. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2008. 191 p. Russian.
15. Vorobyova SV. [Strategies of research of pragmatic aspects of rhetorical communication (concepts of P. Grice and H. Perelman)]. In: Kobzar' VI, editor. *Sovremennaya logika: problemy teorii, istorii i primeneniya v nauke. Materialy VII Obshcherossiiskoi nauchnoi konferentsii; 20–22 iyunya 2002 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Modern logic: problems of theory, history and application in science. Materials of the 7th All-Russian scientific conference; 2002 June 20–22; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2002. p. 149–152. Russian.

Статья поступила в редколлегию 19.10.2022.
Received by editorial board 19.10.2022.

ФЕНОМЕН ПЕРЕМЕН В КОНТЕКСТЕ СУДЬБЫ А. А. БЛОКА

ЛУ ЦЗИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрен опыт переживания революционных перемен поэтом А. А. Блоком, который является одним из наиболее чутких и принципиальных свидетелей этих изменений. Продемонстрированы примеры переживания конкретным субъектом нарушенного онтологического единства в эпоху перемен. Подчеркнут онтологический статус резких общественных преобразований и персонального максимализма как феноменов неподлинности (*Uneigentlichkeit*) в силу разрушения принципа середины, актуального для древней восточной и новейшей западной (М. Хайдеггер) философской традиции. Факт концептуальной общности этих традиций, между субъектами которой существует чрезвычайная отдаленность во времени и пространстве, позволяет говорить о предельной универсальности ее смыслов и, таким образом, об эффективности методологического применения в самых различных гуманитарных исследовательских практиках: историографии, философии и психологии истории, социологии и литературоведении.

Ключевые слова: время перемен; революция; середина; равновесие; подлинное – неподлинное.

THE PHENOMENON OF CHANGE IN THE CONTEXT OF THE FATE OF A. A. BLOK

LU JING^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The author considers the experience of experiencing revolutionary changes by the poet A. A. Blok, one of the most sensitive and principled witnesses of them. Examples of the experience of broken ontological unity in the era of change by a specific subject are demonstrated. The ontological status of abrupt social transformations as a phenomenon of inauthenticity (*Uneigentlichkeit*) is emphasised due to the destruction of the middle principle, which is equally relevant for the ancient Eastern and modern Western (M. Heidegger) philosophical tradition. The fact of this community, between the subjects of which there is an extreme remoteness in time and space, allows us to speak about the ultimate universality of its meanings and, thus, the effectiveness of methodological application in a variety of humanitarian research practices: historiography, philosophy and psychology of history, sociology and literary studies.

Keywords: time of change; revolution; middle; balance; genuine – inauthentic.

Введение

Существует закономерность, заключающаяся в том, что наиболее выдающиеся текстовые артефакты стали таковыми благодаря запечатлению кардинальных исторических сдвигов в определенных ареалах. Кризис раскрывает предельные основания бытия, локальные противоречия обретают

универсальный характер, а эпический размах и звучание эпосов волнуют через время и пространство. Таковы объединяющие начала мировых эпосов, представленных в Махабхарате и эпических (литературных и философских) сагах Новейшего времени (Т. Манн, У. Фолкнер, Г. Г. Маркес, Э. Ренан, О. Шпен-

Образец цитирования:

Лу Цзин. Феномен перемен в контексте судьбы А. А. Блока. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;1:25–33.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-25-33>

For citation:

Lu Jing. The phenomenon of change in the context of the fate of A. A. Blok. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;1:25–33. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-25-33>

Автор:

Лу Цзин – аспирантка кафедры русской литературы филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук Л. Л. Авдейчик.

Author:

Lu Jing, postgraduate student at the department of Russian literature, faculty of philology.
723311545@qq.com

глер, А. Тойнби и др.). Постоянно переживая кризисы глобализационного порядка (геополитические и ментальные), мы не можем объективно лицезреть и осознать данные кризисы посредством артефактов традиционного уровня охвата, их глубины и эмоционального воздействия. В этом и заключается особенность современной культурной ситуации. Эпический формат сегодня не актуален. Между тем, как показывает обобщенное содержание эпосов перемен, основное следствие последних резких перемен – кризис идентичности. Отсутствие зеркального отражения (как личностей, так и социальных групп) влечет за собой более трудные кризисы. На этом фоне особая роль принадлежит уже имеющимся свидетельствам кризисов перемен, т. е. не только литературным и философским, но и биографическим. Такие свидетельства, прочитанные соответствующим образом и соотне-

сенные с аналогами, способны рецептивно предоставить необходимый опыт зеркального отражения и идентифицирующей поддержки в мире ускользающих основ.

Конкретный пример переживания данной ситуации в литературном опыте А. А. Блока продемонстрировала С. З. Семерник: «Ситуация кризиса, ломки устоявшихся социокультурных стереотипов, диссоциации их на множество альтернативных ценностно-нормативных систем... выбивает человека из традиционного существования, включает его экзистенциальное самосознание: он вдруг находит себя в непривычном, непонятном и чужом мире, где гарантию собственного существования (социального, культурного и даже физического) может обрести лишь сам в себе» [1, с. 2–3]. Судьба и творчество этого поэта – реальный памятник революционных перемен в России начала XX в.

Материалы и методы исследования

Анализ биографических данных А. А. Блока соотнесен с основными парадигмами китайской классической философии (понятия середины, искренности, переживания вещей-сущест) и фундаментальной онтологии М. Хайдеггера (понятия-экзистенциалы в работе «Бытие и время» (1928) и базовые понятия

в книге «Вклад в философию» (1989)). В качестве эмпирического материала использованы письма, дневники, публицистические тексты и некоторые стихи А. А. Блока (в целом художественные артефакты оставлены для анализа в филологическом формате и дискурсе).

Результаты и их обсуждение

Как писал В. Н. Орлов, «душа поэта – чуткий сейсмограф, способный... уловить малейшее колебание исторической почвы» [2, т. 1, с. 3]. Безумная тревога А. А. Блока при жизни и полное духовно-душевное опустошение перед смертью – это сейсмическое отражение не просто колебаний, но и тектонических сдвигов почвы в эпоху, которую на Западе назвали концом привычного мира (*fin de siècle*). Историческое протекание конца привычного мира вызвало усталость от прошлого, напряженное внимание к настоящему, тревогу перед будущим, кризис ожиданий лучшего, восторг перед новым и отвращение к нему (эмоциональная хронология модернизма). Так чуткая душа поэта узнала эпоху зорь, сумрак безвременья, черноту реакции, апофеоз восторга перед стихией революции и предельное разочарование, совпавшее со смертью поэта. Значимость этой личной истории обусловлена ее репрезентативностью как на фоне конкретной эпохи и культуры, так и на фоне исторического движения в целом (в западном понимании это бытие «в становлении через гибель» (*das Werden im Vergehen*¹)).

Максимализм – мощный двигатель поэзии и одновременно одна из ключевых судьбоносных черт А. А. Блока. Установку, обеспечившую мощное горение своего таланта и трагическое выгорание, писатель отразил в следующих строках: «Жить стоит

только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного; верить не в “то, чего нет на свете”, а в то, что должно быть на свете» [3, т. 4, с. 233]. Одновременно это (т. е. максимализм) контекст, изнутри которого краски жизни казались ярче, звуки громче, тени резче, контуры отчетливей, и ракурс, позволявший «стереть случайные черты» и видеть дальше большинства людей, по сути, обладать пророческой способностью [4, т. 7, с. 328].

Чуткость сейсмографа, о котором идет речь, обусловлена происхождением поэта. Здесь имеется в виду не только статус семьи, фамильные корни, но и принадлежность культуре, сформировавшей тип гения, отзывчивого как в смысле сострадания, соучастия и содействия, так и в плане чуткости, чувствительности ко всему, т. е. противоположности «толстокожести». Традиционно русскость – это умиротворенность и умиленность простотой. Русская душа чутка к утрате таких ценностей, и, когда это происходит, они приобретают вселенское значение и сияние: *Белеет церковь над рекою, / За ней опять – леса, поля... / И всей весенней красотой / Сияет русская земля...* [4, т. 3, с. 469]. Таково запоздалое сожаление об усадьбе Шахматово, которую уничтожили большевики, – малой родине А. А. Блока, где сглаживались раны его максимализма и успокаивались

¹Жук И. В. Гельдерлин // Новейший филос. словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1999. С. 97–99.

вселенские надрывы. Другой мотив чувствительно-сострадательного восприятия России – надрывное переживание ее убогости: «Утром проснулся и смотрю из окна вагона. Дождик идет, на пашнях слякоть, чахлые кусты, и по полю трусит на кляче, с ружьем за плечами, одинокий стражник. Я ослепительно почувствовал, где я: это она – несчастная моя Россия, заплеванная чиновниками, грязная, забитая, слюнявая, всемирное посмешище. Здравствуй, матушка!» (цит. по [2, т. 2, с. 16]).

Обстоятельства воспитания А. А. Блока и немецкого поэта И. Х. Ф. Гёльдерлина весьма схожи. Оно проходило «в лоне семейного матриархата, без присутствия и воздействия мужского начала». В. Н. Орлов, биограф А. А. Блока, говорил в этом смысле об излишней рафинированности быта, «затянувшейся инфантильности», известной оторванности от реальности, рано развившейся душевной впечатлительности и, как следствие, о «беззащитности перед жизнью» [2, т. 1, с. 74]. Данные особенности и свойства повлияли на душевное здоровье И. Х. Ф. Гёльдерлина, отдав его, по словам М. Хайдеггера, «под покров ночи безумия» [5, с. 83]: «Чрезмерная яркость света столкнула поэта в темноту» [5, с. 87]. Кроме того, И. Х. Ф. Гёльдерлин тоже был поэтом перемен конца XVIII в. (первого в истории послереволюционного слома).

В автобиографической поэме А. А. Блока «Возмездие» встречается мотив, побуждающий провести параллель еще с одним явлением в мировой литературе, отразившем, в свою очередь, частную ситуацию на фоне эпохальных перемен: «Семья, идущая как бы на убыль...» (ситуация соответствует автобиографической и социальной основе романа Т. Манна «Будденброки») [4, т. 3, с. 462]. С одной стороны, это убыль традиционного (бюргерского) уклада в условиях ускорения темпа жизни, механизирования и обездушивания социальных и деловых связей, с другой – убыль семьи в лице потомка, который тяготится ею: *И меж своих – я сам не свой. Меж кровных / Бескровен – и не знаю чувств родства...* [3, т. 2, с. 334].

Значимым моментом взросления поэта была смерть его деда А. Н. Бекетова: *Пришел наш час – запомнить и любить, / И праздновать иное новоселье* [3, т. 1, с. 202]. Случайно или нет, но именно на это время приходится «Стихи о Прекрасной Даме» (1901–1902), как будто ранее бекетовская внушительная тень мешала разглядеть ее приход (Таинственной Девы, Незнакомки, Владычицы Вселенной, Вечной Жены) на фоне уже узанных зорь (зорь грядущих перемен) 1899–1900 гг.

Иное новоселье в ментальном смысле совпало с буквальной стороной блоковской жизни на фоне резко ускорившейся и далеко не респектабельной петербургской урбанизации: со времени рождения

поэта почти вдвое увеличилось население (большей частью притоком заводских рабочих), разительной стала нищета, процветали вульгарные развлечения, выросло число кабаков и кричащих реклам, а также усилился контраст парадной части города и остальных кварталов. Возвышенные абстракции чувств, которыми до этого жил А. А. Блок, и вставший в его сознание иной Петербург являли собой предельно несхожие миры. Чуткость и чувствительность поэта, а также потребность в сострадании нищете вели его, однако, в глубь этого невиданного города: в «переулочки», «зловонные дворы», лабиринт подворотен, питейных нор и публичных домов, мимо «заборов, как гробов» и гнилых канав – навстречу серости и мгле: *О, город! О, ветер! О, снежные бури! / О, бездна разорванной в ключья лазури! / Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!* («На серые камни ложилась дремота...», 1906) [3, т. 2, с. 203].

В цикле «Снежная маска» зафиксированы переживание «инога новоселья» (эмансипация от «стародворянскости») и его перспектива: *И, в новый мир вступая, знаю, / Что люди есть, и есть дела...* [3, т. 2, с. 216]. Узнанные зори, узренный приход вечной женственности, урбано-логические потрясения, приподнятость чувств на фоне бурного романа с Н. Н. Волоховой оформились в жажду действия, усилия. Впредь это станет лейтмотивом эпистолярия и публицистики А. А. Блока, но, по крайней мере до 1917 г., невозможно назвать предмет усилия и действия, очертить его нацеленность, можно говорить только об ощущении поэтом стояния на пороге (ему неизвестно то, что находится за порогом), т. е. стояния над бездной. Так порождается взвод, надрыв и вихрь блоковского само- и мироощущения: «Знаешь ли, что мы – те, от которых хоть раз в жизни надо, чтобы поднялся вихрь? *Мы сами ждем от себя вихрей...* Я и написать не могу всего, но то, чего я не могу высказать ясно, вертится все близ одного: хочу действенности, чувствую, что близится опять *огонь* (курсив наш. – Л. Ц.), что жизнь не ждет... Хочу много ненавидеть, хочу быть жестче... Близок огонь опять, – какой – не знаю. Старое рушится... Может быть, будет хорошо, кругом много гармонии... Какое важное время! Великое время! Радостно» (цит. по [2, т. 1, с. 213]).

Жесткость, ненависть, огонь, вихрь, гармония и радость – слова, описывающие отсутствие гармонии как единства и целостности, душевного равновесия, без которого невозможно ни дело, ни плодотворное усилие (действенность). Взвинченное и вихревое состояние в концептуальном плане можно трактовать в качестве яркого примера утраты середины относительно мира (**изначальное** (中)², **Dasein** в хайдеггеровской философии), т. е. в качестве расположенности, чуткого внимания

²Здесь и далее полужирным шрифтом выделены понятия-экзистенциалы, обоснованные М. Хайдеггером в ряде работ, прежде всего в книге «Бытие и время» (1928) и непереведенной (по крайней мере, официально) книге «Ereignis» [6; 7], о которой автор данной статьи судит по обзорному анализу В. М. Позднякова [8].

ко всему и тем самым возможности взаимодействия с миром как основы любого действия. Между тем приведенный пассаж относится ко времени, когда в сознании А. А. Блока начала оформляться мысль о судьбоносном предназначении России и необходимости участия в его осуществлении. Русский поэт был уникален, но не одинок ни в отношении подобных ожиданий, ни в ощущении стояния над бездной. Можно полагать, что дальнейшие взвихренные и взвинченные преобразования Октябрьской революции – это следствие максимализма не только и не столько большевиков, сколько дезориентированной (по сути, во Вселенной) духовной и интеллектуальной элиты страны и прежде всего тех, кто, обладая предельной сейсмической чуткостью, был наиболее харизматичным.

Наряду с inferнальными вихрями и взводом лейтмотивом блоковской жизни с 1910 по 1915 г. считается порыв к простоте и простору. Этот лейтмотив присутствует и в письмах (прежде всего к Андрею Белому), и в оценке декадентского искусства (слишком искусственным театром под руководством В. Э. Мейерхольда), и в обособленной позиции по отношению к символизму: «Я прежде всего – *сам по себе* и хочу быть все *проще* (курсив наш. – Л. Ц.)» [4, т. 8, с. 205]. Порыв к простоте проявлялся в стремлении вырваться за городскую черту: в хвойные и озерные дали, безлюдные дюны, на берег мелкого моря. Даже пристрастие к вину и простонародным кабакам в те годы было не банальным пьянством, а простейшим способом ощутить душевную простоту.

По мнению автора настоящей статьи, сосуществование блоковского максимализма и стремления к простоте можно объяснить тоской по подлинному. Хорошо известна надрывно максималистская дружба – вражда А. А. Блока и Андрея Белого. Они не раз прибегали к исповеди. Вот как она звучит у А. А. Блока: «Хочу вольного воздуха и простора... Я готов сказать... что я – очень верю в себя, что ощущаю в себе какую-то *здоровую цельность* и способность и умение быть человеком – вольным, независимым и честным... Чувствую, что всем, что пишу, делаюсь еще более чуждым Вам. Но я *всегда* (курсив наш. – Л. Ц.) был таким, почему же Вы прежде любите меня?» [9, с. 359]. Здесь очевидно, что А. А. Блок самоидентифицируется и одновременно дистанцируется, иначе говоря, остро чувствует свою самость, следовательно, не ошибается в себе. Утверждение перечисленных свойств звучит как самоубеждение уравновесить иные противоположные утверждения из потребности, т. е. приблизиться к середине. Таким образом, автор данной статьи назвал вольные, просторные и цельные побуждения А. А. Блока тоской по подлинному (в хайдеггеровском смысле это *Eigentlichkeit*).

Такое состояние определяется как следствие утраты опоры в ситуации, которую А. А. Блок понимал. Раньше ярче всего это прозвучало в мартовской лекции 1908 г., посвященной настоящему и будущему русского театра: «Та *действительно* (курсив наш. – Л. Ц.) великая, действительно мучительная, действительно переходная эпоха, в которую мы живем, лишает нас всех очарований, и на всех перекрестках подстерегает нас какая-то густая мгла» [3, т. 4, с. 73]. Вновь и вновь переходная эпоха вызывает А. А. Блока на дело и действие (как утверждал поэт, от «мглы перекрестков» переходной эпохи избавит только «дорога к делу»), но это дело трудно обрести. Ведь великое дело русской литературы, наследником которого остро ощущал себя А. А. Блок, вынуждало вести полемику с представителями новейших культурных веяний, не признававших прежде ценного для художника ореола общественности.

Дело является предметом напряженного поиска, а основание (тема) желаемых цели и целостности проступает отчетливо. В письме к К. С. Станиславскому от 9 декабря 1908 г. А. А. Блок писал: «Тема моя, я знаю это теперь твердо, без всяких сомнений, – живая, реальная тема... *тема о России* (вопрос об интеллигенции и народе, в частности). Этой теме я сознательно и бесповоротно *посвящаю жизнь*. Все ярче сознаю, что это – первейший вопрос, самый жизненный, самый *реальный*. К нему-то я подхожу давно, с начала моей сознательной жизни, и *знаю*, что путь мой в основном своем устремлении – как стрела, прямой... Несмотря на все мои уклонения, падения, сомнения, покаяния, – я иду. И вот теперь уже (еще нет тридцати лет) забрезжили мне, хоть смутно, очертания целого. Недаром, может быть, только *внешне* наивно, *внешне* бессвязно произношу я имя: *Россия* (курсив наш. – Л. Ц.)» [4, т. 8, с. 265].

Вопрос об интеллигенции и народе, как основа блоковской темы, неслучаен. Поэт болезненно ощущал противоречивость своего социального статуса. С одной стороны, он стремился приобщиться к народу как источнику простоты, целостности и «воли к жизни», с другой стороны, видел недоверие и даже враждебность народа к интеллигенции: между ними имеется «недоступная черта» («Народ и интеллигенция», 1908) [3, т. 4]. Болезненность ощущения этой черты обостряется на фоне предельно углубившегося неблагополучия рабочих Петербурга (ситуация на грани гуманитарной катастрофы). По мнению А. А. Блока, именно отсюда едва не рушился привычный миропорядок и назревал всемирно-исторический перелом. Социальная его подоплека была очевидна, так как требовалось подчеркнуть досоциальную и надсоциальную основу перелома, связи «между человеком и природой, между отдельными людьми», между «душой и телом» каждого были уничтожены («Стихия и культура», 1908)

[3, т. 4, с. 115]. Здесь фиксируется «уничтожение святей» не только на уровне китайской категории **изначальное (中)** (бытие посреди всего и в согласии со всем), но и на уровне европейской категории **λόγος** (в гераклитовском смысле это онтологическое единство как основание бытия).

А. А. Блок в последующие годы ощущал нарастающее смятение, болезненного неприятия современности, потерявшей опору в вечном, и современного же «балагана» – буржуазно-декадентского псевдоискусства: «Более, чем когда-нибудь, я вижу, что ничего из жизни современной я до смерти не приму и ничему не покорюсь. Ее позорный строй внушает мне только отвращение. Переделать уже ничего нельзя – не переделает никакая революция» [4, т. 8, с. 289]. В этом настроении создан цикл «Страшный мир» (1909–1916), отразивший демонический разгул низменных страстей (кипение «черной крови») и при этом «бездонной скуки ад», мир, где двойники и демоны терзают «стареющих юношей», где существуют «ад» и «пляски смерти». Таковы «прерванные времена» [4, т. 3, с. 13–60].

Именно в стихах этого цикла отчетливо проявилось нарушение онтологического единства, которое остро чувствовал поэт, т. е. отсутствие какого-либо единства человека и природы как отсутствие органичного переживания человеком своего сосуществования наряду с вещами-существами и вещами-сущностями. Вместо вещей-сущностей, о которых как о сути мироздания (в принципиальном контексте) говорится в китайской классической философии, имеются не самоценные (ср. **десять тысяч наличного (万现金)**), не равновесные и уравнивающие, а наделенные человеческими переживаниями и эмоциями предметы. В этих эмоциях есть негативный характер, и их воссоединение с пронизанными им вещами и вещным миром или единство немислимы. Такие эмоции, напротив, угнетают, страшат, ужасают и раздражают. Предметно-эмоциональная канва цикла «Страшный мир» такова, что у читателя складывается ощущение, будто поэт хочет стряхнуть этот мир с себя. Между тем, несмотря на социальные и другие вторичные коннотации, онтологически это все равно исходный, первозданный мир вещей-сущностей. Стряхнуть его с себя – еще одно основание ощущать холод, тоску, надрыв и одиночество. *В голубом морозном своде / Так приплюснут диск больной, / Заплевавший все в природе / Нестерпимой желтизной* («Жизнь моего приятеля», 1913) [3, т. 3, с. 49]. Знаменитая черная роза в бокале золотого аи является вариацией отраженного отсутствия открытого, приятного переживания **вещи (Ding)** («В ресторане», 1910) [3, т. 3, с. 25]. Искусно составленная картинка не имеет ничего общего ни с переживанием розы (ср. хайдеггеровское «переживание кафедры»),

ни с переживанием бокала золотого аи, ни с переживанием того и другого вместе, ибо это неприродное, неестественное, несуществующее (неподлинное) сочетание.

Особая тема исследования – отношение А. А. Блока к революции. Учитывая тот факт, что в советском литературоведении поэта считали ее безусловным адептом, это восприятие приходится корректировать прежде всего на основании несоциологических методик. Автор настоящей статьи исходит из того, что революционность А. А. Блока имела не столько политический, сколько экзистенциальный характер. Она зиждилась на том, что ситуация общественного застоя подавляла поэта, который погружался в **ничто (Nichts)** и **небытие (Unaiagentlich)**, т. е. **неподлинное бытие**, прозябание в бесполезной отжившей «древней сказке», «болотном тумане» под «колоколом пленным», где народ – «подземный крот», и выходом из прозябания может быть только **прыжок (Sprung) в просвет (Lichtung)**. Изначально речь шла о коллективном выходе и усилении масс как усилении мира, в котором и живет индивид (**In-der-Welt-Sein**). Тот факт, что поэт изначально принял революцию 1917 г., стоит объяснять принятием именно ее коллективного начала и соответствующего размаха. Задолго до большевистской риторики поднятия авторитета рабочих масс А. А. Блок с воодушевлением обращался к пролетариату («Рабочая песня», 1915; «Упорной колонной мы строимся там...», 1916). Факты и факторы несовершенства политического устройства и социальной несправедливости не озвучиваются А. А. Блоком последовательно и целенаправленно, а присутствуют лишь как фон книги «Страшный мир», возможно, в силу понимания вторичности этих материй. Для поэта гораздо важнее преодоление **ничто**, именно поэтому он часто использовал лексемы и образы со значением не просто смерти, но «мертвецкости», смерти при жизни (в произведении «Как тяжело мертвецу среди людей...» (1912) таковыми являются хроника дня и серия ощущений мертвеца). На фоне «мертвецкости», **небытия, ничто** революционность – это смелость **прыжка (Sprung)** в открывающуюся перспективу возможностей, а революция – очистительная буря, стихийный пожар, уничтожающий старый мир. Отсюда вытекает максималистская устремленность А. А. Блока к социальной революции как желаемой основе «революции духа».

Переживание поэтом течения революционных событий – цепь разочарований. Такова общая канва блоковской духовно-душевной жизни с середины 1917 г. Внимание к звеньям этой цепи позволит ощутить нарастание и расширение неудовлетворенности поэта, изначально прочувствованной на заре жизни и в финале неразличимо смешанной

с соматическими причинами смерти. В экзистенциальном плане это универсальный рисунок колебания революции (реакции, вихря; застоя, взлета; падения), т. е. неподлинности движения, чуждого «порядку без усилия» (不費吹灰之力之秩序 – категория, тесно связанная с категорией **искренность (誠)**)³.

Чем эмоциональнее звучали предшествующие рефрены переживания назревающей и совершающейся революции («новое», «полет», «стихия», «совершенно новый мир», «каждый день приносит новое», «содержание всей жизни», «полет и порыв», «мировой пожар», должный смести старый мир), тем острее были неудовлетворенность, разочарование и тоска. Для одинокого поэта, который хочет быть в миру и быть полезным миру, было важно не оставаться одиноким во время революции: «Революция – это: я – не один, а мы. Реакция – одиночество, бездарность, мять глину» [4, т. 7, с. 328]. Большевик А. А. Блок воспринимал родственным себе, потому что для него это являлось бесконечной и неуправляемой стихией. Она в социальном смысле и есть коллективный максимализм. В данном случае, как понимал поэт, это русская стихия, свершение русскости как возмездие за века социального и духовного угнетения, униженного рабства, полной блокировки жизненных сил и возможностей русского народа.

Первым значимым разочарованием стал итог работы в Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомства (далее – ЧСК) после Февральской революции 1917 г. По результатам проведенной ревизии деятельности царских властей А. А. Блок хотел создать не просто сухой отчет, но нечто близкое историко-политическому очерку-эпопее. Эта инициатива не получила поддержки со стороны юристов, составлявших костяк ЧСК. Они были практиками, не видевшими смысла ни в художественном стиле оформления официального документа, ни в подчеркнутой историзации документа. В июне 1917 г. А. А. Блок написал: «Революция там не ночевала» [4, т. 7, с. 268].

Между тем стоило «постичь смысл происходящего, проникнуть в душу революции и сказать об этом людям, России, всему миру» (цит. по [2]). Это своего рода программа оракула революции. Драма состояла в том, что желание создавать произведения пропало у А. А. Блока в 1916 г., после чего он не опубликовал ни одного стихотворения. Такое состояние было обусловлено резкой сменой обстоятельств из-за призыва на военную службу, затем длитель-

ной рутинной работой в ЧСК. Однако это был первый значимый итог безумного надрывного переживания общественного неблагополучия и личных драм, исторического перелома и банальных бытовых несурасностей.

Тем не менее русский поэт сразу решил работать с большевиками: «Крылья у народа есть, а в уменьях и знаньях надо ему помочь» [4, т. 7, с. 321]. Реконструкция старого театра, реформа орфографии и циклопические по прежним меркам издания классиков стали достойными сферами приложения имевшихся у А. А. Блока знаний и умений. По этому поводу В. Н. Орлов писал: «Он и здесь оставался самим собой – максималистом, вдохновенным романтиком, перед которым открылись невиданно широкие горизонты. Убежденный, что революционная эпоха не терпит малых масштабов, он стремился каждому, даже совсем небольшому, делу придать полный размах, подчас не считаясь с реальными возможностями и скудостью материальных средств» [2, т. 2, с. 254]. В результате А. А. Блок был недоволен своими соратниками, особенно Максимом Горьким, активным начинателем и руководителем, который «помогал народу умениями и знаниями»: «Все, что я слышу от людей о Горьком... меня бесит. Изозлился я так, что согрешил: маленького мальчишку, который, по обыкновению, катил навстречу по скользкой панели... толкнул так, что тот свалился. Мне стыдно, прости мне, Господи» (запись в дневнике от 4 января 1921 г.) [11].

Еще одним разочарованием стали несбывшийся коллективный максимализм (революция) в творческой среде и, таким образом, несбывшееся неодинокчество. Соотношение числа прореволюционно настроенных авторов и числа их антагонистов (Максим Горький, А. А. Блок, С. А. Есенин, В. В. Маяковский и др.) было далеко не в пользу первых. Об антисоветчиках А. А. Блок писал: «Если бы это – банкиры, чиновники, буржуа! А ведь это – интеллигенция!» (запись в дневнике от 5 января 1918 г.) [4, т. 7, с. 315].

Разочарование – ширящийся бюрократический формат революции. Запись в дневнике от 5 января 1918 г. говорит о следующем: «...инстинктивная ненависть к парламентам, учредительным собраниям... потому что рано или поздно некий Миллюков произнесет: “Законопроект в третьем чтении отвергнут большинством”» [4, т. 7, с. 315]. Помимо инстинкта, не приемлющего бюрократию, революцию не принимал инстинкт ненависти к реакции (т. е. неприемлемость реакции). Свои переживания 1917 г. А. А. Блок описывал так: «Я никогда не возьму в руки власть, я никогда не пойду в партию, никогда не сделаю выбора, мне нечем гордиться, я ничего не пони-

³Из конфуцианского памятника «Чжун юн» («Учение о Середине» или «Удержание Изначального» (中庸)): «Становление искренним – это путь человека. Искренний – тот, кто без усилия пребывает в изначальном, без стремления воплощает порядок, молчаливо позволяет всему совершаться, – таков наделенный мудростью» (цит. по [10, с. 134–135]).

маю. <...> Я могу шептать, иногда – кричать: оставьте в покое, не мое дело, как за революцией наступает реакция» [4, т. 7, с. 281].

Наконец, самое главное – разочарование в большевизме, желаемой и «родственной» стихии. Поэма «Двенадцать» (начало 1918 г.) показала, что А. А. Блок ощутил враждебность большевиков для себя и своего мира еще тогда, когда факт революции был для него «содержанием всей жизни»: «Чего нельзя отнять у большевиков – это их исключительной способности вытравлять быт и уничтожать отдельных людей. Не знаю, плохо это или не особенно. Это – факт. <...> Загажено все еще больше, чем в прошлом году. Видны следы гаженья сознательного и бессознательного. <...> И откуда им понимать коммунизм иначе, чем – как грабеж и картеж?» (запись в дневнике от 11 июня 1919 г.) [4, т. 7, с. 365–366].

Большевистская разрушительность не имела ничего общего с тем, что старомодно или нестаромодно называлось гуманизмом и культурой. В первые революционные годы было много споров о так называемом гуманизме в европейском значении человека и человечности как центра мироздания. Например, Максим Горький, Вяч. И. Иванов и другие писатели сходились на том, что с этим гуманизмом советской власти не по пути, и считали такой гуманизм западным, «буржуйским»: «А наш гуманизм – уже уличный: трамвайный разговор – самое дно» (запись в дневнике от 5 апреля 1919 г.) [4, т. 7, с. 365].

Итак, перемены сбылись, однако не оправдались: «Жизнь изменилась (она изменившаяся, но не новая, не nuova), вошь победила весь свет, это уже совершившееся дело, и все теперь будет меняться только в другую сторону, а не в ту, которой жили мы, которую любили мы» (запись в дневнике от 18 апреля 1921 г.) [4, т. 7, с. 415–416].

Верный себе в плане поиска концептуальных выражений для происходящего и (или) предчувствующего, А. А. Блок пытался подвести философское обоснование. Убедительнее всего оно звучит в письме В. В. Маяковскому: «Не так, товарищ! <...> Не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музеи. Но разрушение так же старо, как строительство... Разрушая, мы все те же еще рабы старого мира: нарушение традиций – та же традиция. <...> Одни будут строить, другие разрушать, ибо всему свое время под солнцем, но все будут рабами, пока не явится третье, равно непохожее на строительство и на разрушение» (запись в дневнике от 30 декабря 1918 г.) (цит. по [13]). **Третье** и есть **середина, равновесие, порядок без усилия**.

Парадоксально, что к **середине, логике**, жажде **порядка** без усилия и надрыва А. А. Блока приводят встречный надрыв и беспорядок, максимализм революции. Еще один показательный пример такой финальной позиции – запись в дневнике от 6 февраля 1921 г. за полгода до смерти: «Для того, чтобы уничтожить что-нибудь на том месте, которое должно быть заполненным, следует иметь наготове то, чем заполнить. Для того, чтобы соединить различное в одном месте, нужно, чтобы это место было... способно объединить... Заставить делать то, чего тот, кого заставляют, не умеет, бесполезно или даже вредно для дела. Для того, чтобы писать на каком-нибудь языке, следует... по крайней мере быть грамотным. Занимая время и тратя силы человека на пустяки, не следует рассчитывать, что он ухитрится это самое время и эти самые силы истратить на серьезное дело. <...> И много других простых изречений здравого смысла, которые теперь совершенно забыты» [4, т. 7, с. 404]. Простые изречения здравого смысла – итог пережитых бурь.

Заключение

Принципиальная черта личности А. А. Блока – максимализм как предчувствие и жажда беспрецедентно широких возможностей для страны и мира. Он болезненно переживал несоответствие текущего дня и настоящих обстоятельств грандиозным перспективам будущего. Социальная революция мыслилась поэту благотворной ареной становления лучшего мира (в глобальном смысле) и оптимальных возможностей развития России. Накануне ее А. А. Блок был одержим жадной деятельностью и надрывным безысходным переживанием отсутствия сферы и возможностей приложения усилий, отторгаемых реакционной интеллигенцией и коллегами по творческому цеху. Таковы основные мотивы поэзии, эпистолярия и публицистики А. А. Блока предреволюционных лет.

Революционность поэта основывалась на соединении его личного максимализма и максимализма (стихийности) революционной среды, встрече родственных начал. Расхождение обнаруживается в фундаментальном плане, т. е. если для А. А. Блока революция как таковая была решением вопроса: «Быть или не быть?», – то реальная революция предполагала «ломку», неподлинные (жестокие и разрушительные) перемены. Революционность А. А. Блока носила не социологический, а экзистенциальный характер.

Переживание поэтом хода революционных перемен является цепью разочарований: возникают непонятость со стороны соратников по культурным революционным проектам, чуждость большинству в стане поэтическом, отсутствие поэтического

вдохновения при стремлении играть роль оракула революции, бюрократическая подоплека будущих событий и, наконец, разочарование в большевизме как позитивной стихии.

Анализ совокупности эпистолярных и дневниковых фрагментов, которые связаны с переживанием поэтом назревающих, совершающихся и свершившихся в России революционных перемен, продемонстрировал суть последних как разрушения онтологического равновесия в отказе от гармоничной середины, что и было осознано А. А. Блоком в последние годы жизни. Его судьба, сознательно связываемая с судьбой России (трагедия поэта и трагедия его

отчизны), представляет собой явную и яркую анти-тезу данному в китайской классической философии и фундаментальной онтологии М. Хайдеггера обоснованию бытия как равновесной середины, внимательного и вдумчивого переживания мира, чуткого и сдержанного взаимодействия с ним. Метафорой экзистенциального равновесия и социологической стабильности являются следующие слова М. Хайдеггера: «Самородно-подлинное родится лишь тогда, когда человек одинаково и по-настоящему готов исполнять веления превышних небес и хрониться под защитой несущей его на себе земли» [13, с. 239].

Библиографические ссылки

1. Семерник СЗ. *Экзистенциальные состояния личности в социокультурном контексте переходного общества* [диссертация]. Гродно: ГрГУ имени Янки Купалы; 2002. 105 с.
2. Орлов ВН. *Гамаюн: жизнь Александра Блока. Том 1–2*. Москва: Терра; 1997.
3. Блок АА. *Собрание сочинений в 6 томах*. Ленинград: Художественная литература; 1980–1983.
4. Блок АА. *Собрание сочинений в 8 томах*. Москва: Гослитиздат; 1963.
5. Хайдеггер М. *Разъяснения к поэзии Гёльдерлина*. Ноткин ГБ, переводчик. Санкт-Петербург: Академический проект; 2003. Гёльдерлин и сущность поэзии; с. 63–99.
6. Хайдеггер М. *Бытие и время*. Бибикин ВВ, переводчик. Москва: Академический проект; 2013. 452 с.
7. Heidegger M. *Gesamtausgabe III. Abteilung: Unveröffentlichte Abhandlungen Vorträge – Gedachtes. Band 65. Beiträge zur Philosophie*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann; 1989. 530 S.
8. Поздняков МВ. «О событии» («Vom Ereignis») М. Хайдеггера. *Вопросы философии*. 1999;7:140–157.
9. Лесневский СС, редактор. *Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919*. Москва: Прогресс-Плеяда; 2001. 608 с.
10. Канаев ИА. Китайский классический текст «Удержание Изначального» в свете современной теории познания. *Вопросы философии*. 2018;8:127–138.
11. Блок АА. *Собрание сочинений. Том 7. Дневники* [Интернет]. Москва: Гослитиздат; 1962 [процитировано 1 декабря 2022 г.]. Доступно по: <https://www.litmir.me/br/?b=202881&p=84>.
12. Блок АА. В. Маяковскому. В: Медведев ПН, редактор. *Дневник А. А. Блока. Том 2. 1917–1921* [Интернет]. Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде; 1928 [процитировано 1 декабря 2022 г.]. Доступно по: <https://orpk.org/quotes/2033>.
13. Хайдеггер М. *Работы и размышления разных лет*. Михайлов АВ, переводчик. Москва: Гнозис; 1993. Просёлок; с. 238–241.

References

1. Semernik SZ. *Ekzistentsial'nye sostoyaniya lichnosti v sotsiokul'turnom kontekste perekhodnogo obshchestva* [Existential states of the personality in the socio-cultural context of a transitional society] [dissertation]. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2002. 105 p. Russian.
2. Orlov VN. *Gamayun: zhizn' Aleksandra Bloka. Tom 1–2* [Gamayun: the life of Alexander Blok. Volume 1–2]. Moscow: Terra; 1997. Russian.
3. Blok AA. *Sobranie sochinenii v 6 tomakh* [Collected works in 6 volumes]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura; 1980–1983. Russian.
4. Blok AA. *Sobranie sochinenii v 8 tomakh* [Collected works in 8 volumes]. Moscow: Goslitizdat; 1963. Russian.
5. Heidegger M. *Raz'yasneniya k poezii Gel'derlina* [Clarifications to Hölderlin's poetry]. Notkin GB, translator. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt; 2003. [Hölderlin and the essence of poetry]; p. 63–99. Russian.
6. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Bibikhin VV, translator. Moscow: Akademicheskii proekt; 2013. 452 p. Russian.
7. Heidegger M. *Gesamtausgabe III. Abteilung: Unveröffentlichte Abhandlungen Vorträge – Gedachtes. Band 65. Beiträge zur Philosophie*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann; 1989. 530 S.
8. Pozdnyakov MV. [«On the Event» («Vom Ereignis») by M. Heidegger]. *Voprosy filosofii*. 1999;7:140–157. Russian.
9. Lesnevskii SS, editor. *Andrei Belyi i Aleksandr Blok. Perepiska. 1903–1919* [Andrey Bely and Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919]. Moscow: Progress-Pleyada; 2001. 608 p. Russian.
10. Kanaev IA. Chinese classical text «Inception Retaining» in light of contemporary theory of knowledge. *Voprosy filosofii*. 2018;8:127–138. Russian.

11. Blok AA. *Sobranie sochinenii. Tom 7. Dnevnik* [Collected works. Volume 7. Diaries] [Internet]. Moscow: Goslitisdat; 1962 [cited 2022 December 1]. Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=202881&p=84>. Russian.

12. Blok AA. *V. Mayakovskomu* [V. Mayakovsky]. In: Medvedev PN, editor. *Dnevnik A. A. Bloka. Tom 2: 1917–1921* [Diary of A. A. Blok. Volume 2. 1917–1921] [Internet]. Leningrad: Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade; 1928 [cited 2022 December 1]. Available from: <https://orpk.org/quotes/2033>. Russian.

13. Heidegger M. *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and reflections of different years]. Mikhailov AV, translator. Moscow: Gnozis; 1993. [Country road]; p. 238–241. Russian.

*Статья поступила в редколлегию 07.06.2022.
Received by editorial board 07.06.2022.*

УДК 101.1+172

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ ЦИФРОВОМ МИРЕ: СЕМИОТИЧЕСКИЕ И РИТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

С. В. ВОРОБЬЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрыты семиотические и риторические аспекты исторической памяти с учетом вызовов глобального цифрового мира. Для этого выявлены онтологические основания и эпистемологические механизмы исторической памяти как ее стратегические ресурсы. Обосновано, что онтологические основания исторической памяти представляют собой соотношение фактичности, условности (индексации) и символичности коллективной и индивидуальной памяти, а также что эпистемологические механизмы исторической памяти формируются на пересечении способов восприятия мира (диахронии и синхронии) и риторических схем презентации (метафор) и репрезентации (метонимий). Концептуальная модель обоснования опирается на реконструкцию идей Ч. Пирса, Ч. У. Морриса, М. Хальбвакса, Дж. Э. Бараша, П. Нора, Й. Рюзена, Э. Левинаса, С. Галабрю, Э. Мешалона. Указаны причины уязвимости памяти сетевого индивида в экстерриториальных условиях глобального цифрового мира, затрудняющие гражданственно-патриотическую самоидентификацию: экзистенциальные разрывы во времени, космополитизм и следы истории. Намечены пути преодоления гетеротопии памяти.

Ключевые слова: историческая память; онтология исторической памяти; эпистемология исторической памяти; сетевой индивид; уязвимость памяти; гетеротопия памяти; космополитизм; следы истории.

Образец цитирования:

Воробьева СВ. Историческая память в глобальном цифровом мире: семиотические и риторические аспекты. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;1:34–44.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-34-44>

For citation:

Vorobyova SV. Historical memory in the global digital world: semiotic and rhetorical aspects. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023; 1:34–44. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-34-44>

Автор:

Светлана Викторовна Воробьева – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Svetlana V. Vorobyova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
cherbourg@mail.ru

HISTORICAL MEMORY IN THE GLOBAL DIGITAL WORLD: SEMIOTIC AND RHETORICAL ASPECTS

S. V. VOROBYOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the semiotic and rhetorical aspects of historical memory, taking into account the challenges of the global digital world. For this, the ontological foundations and epistemological mechanisms of historical memory have identified as its strategic resources. It has substantiated that, firstly, the ontological foundations of historical memory are the ratio of factuality, conventionality (indexation) and symbolism of collective and individual memory. Secondly, that the epistemological mechanisms of historical memory are formed at the intersection of ways of perceiving the world (diachrony and synchrony), and rhetorical schemes of presentation (metaphors) and representation (metonymy). The conceptual model of justification is based on the reconstruction of the ideas of C. Peirce, C. W. Morris, M. Halbwachs, J. A. Barash, P. Nora, J. Rusen, E. Levinas, S. Galabru, E. Mechoulan. The reasons for the vulnerability of the memory of a network individual in the extraterritorial conditions of the global digital world, which impede civic-patriotic self-identification, are indicated: existential gaps in time, cosmopolitanism, traces of history. Ways to overcome memory heterotopia had outlined.

Keywords: historical memory; ontology of historical memory; epistemology of historical memory; networked individual; memory vulnerability; memory heterotopia; cosmopolitanism; traces of history.

Введение

Актуальность исторической памяти в глобальном цифровом мире подтверждается, по меньшей мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, очевидными стали вызовы исторической памяти как диахроническому свойству государственности. Это обусловлено экстерриториальными, трансграничными и наднациональными факторами релятивности пространственно-временного континуума, фрагментирующего идентичность. В данных условиях необходима активизация поиска надлежащих способов и форм «производства памяти о прошлом, ее сохранения, трансляции, присвоения и потребления» [1]. Во-вторых, наблюдается рост непредсказуемости будущего, становящегося все более иллюзорным, что усиливает манипуляции с аргументами «от времени». В них субъективно комбинируются обобщения и детализации, ассоциации и диссоциации, порождающие временные или безвременные линии. Эскизно границы иллюзий и манипуляций можно очертить в контексте смены типов утопий. Социалистические утопии светлого будущего заменены в глобальном мире на либеральные утопии прекрасного настоящего, из чего Ф. Фукуяма сделал вывод о конце истории, который приближается именно в связи с исчезновением ощущения наступления будущего. В качестве атрибутов конца истории он называл экономический расцвет, технические и экологические проблемы, а также удовлетворение запросов потребителей «здесь и теперь» [2, с. 137], в соответствии с которыми продвигается идеология трансгуманизма, развиваемая, например, Ю. Н. Харари (советником К. Шваба). Из указанных ракурсов выводимо нетривиальное следствие: разрыв времен отводит исторической памяти особую роль, которая нуждается в теоретико-методологической оценке.

Это позволяет перейти к постановке проблемы и формулировке цели и задач.

Разработанные подходы к пониманию исторической памяти [3–11] остаются открытыми, предоставляя возможность концептуализации и развития отдельных элементов ее содержания, которые не имеют таких строгих определений, как система в целом. В данном контексте актуализация исторической памяти обусловлена необходимостью решения методологических проблем, связанных с семиотическими и риторическими аспектами [12; 13], вытекающими из ее знаковой и технологической сущности. Практически они подтверждаются различными тенденциями в политике исторической памяти [14]. Это, например, дискредитация монолитной государственной памяти в пользу множественной космополитической памяти, которая в качестве своего источника допускает национализм, скрывая истинный смысл его использования [10; 11] и ревизии исторической памяти [15]. Проблемные вопросы семиотики исторической памяти в ценностном аспекте связаны с семантическими и прагматическими структурами социально-культурного контекста, предопределяющими идеологию преодоления разрывов между языком воспоминаний и использующим его сообществом [16]. Подобные структуры составляют предмет социальной семиотики, которая, сопоставляя исторический и текущий ментальный опыт, стремится осмыслить ценности и ресурсы общественного сознания, раскрыть связь индивидуальной и общественной памяти [17] и найти ответы на вызовы мультимодальности, обусловленные расширением знаковых средств конструирования смыслов и формирования идентичности [18, с. 78]. Проблемные вопросы риторики опосредованы

символизацией событий, определяющих их важность в качестве предтечи чего-то иного. На таком запланированном результате выстраивалась, например, колониальная политика Запада в XIX – начале XX в. Подтверждением этого в настоящее время являются полемические ответы риторики мусульманских стран, вес и значение которых определяются силой противовеса секуляризму и падению нравов, вызванных влиянием Запада [19, с. 6].

Методология понимания исторической памяти в глобальном цифровом мире обусловлена взаимозависимостью ее знаковой и технологической сущности, обнаруживаемой, например, в информационных смысловых войнах. Риторика демонстрирует изменение обстоятельств в зависимости от семиотики, поэтому применительно к исторической памяти она предполагает управление процессами, связанными с бытием внутри поколений. Технологии такого управления осложняются тем, что существование человека оказывается глубоко погруженным в семиотику цифровой среды [20]. Се-

миотические особенности цифрового существования человека проявляются в ускоренных режимах «отхода от нарративов непосредственно к перформативам» [21, с. 37] и бегства от территории смысла к практикам номадизма [22]. В такой гетеротопии, с одной стороны, легко порождается множество образов, речевых конструкций и смыслов, которые, скорее, разъединяют людей, нежели объединяют, так как означают для различных групп и слоев социума разные вещи, с другой стороны, обмен информацией ограничивается небольшим набором слов и редуцируется преимущественно к обмену визуальными образами. В соответствии с проблемным полем поставлена цель: раскрыть семиотические и риторические аспекты исторической памяти с учетом вызовов глобального цифрового мира. Основные исследовательские задачи заключаются в выявлении онтологических оснований и эпистемологических механизмов исторической памяти и обосновании семиотических и риторических аспектов исторической памяти как ее стратегических ресурсов.

Материалы и методы исследования

Материалы исследования включают теоретические разработки зарубежных ученых в области исторической памяти [3–11] и семиотики [23–25], а также работы российских исследователей [12–17; 20; 21; 26–28].

В качестве методов исследования использованы системный и компаративный анализ. Систем-

ный анализ позволил прояснить функциональные особенности семиотических и риторических аспектов исторической памяти в глобальном цифровом мире. Компаративный анализ обеспечил выявление общего и особенного в трактовках исторической памяти.

Результаты и их обсуждение

Семиотический подход к исследованию исторической памяти как системы устойчивых представлений о прошлом обусловлен ее знаковой сущностью, которую методологически важно раскрывать в контексте типологии знаков Ч. Пирса, а также с учетом структуры семиотики, разработанной Ч. У. Моррисом. На основе признака, выражающего степень связности чувственно воспринимаемой и умозрительной сторон знаков, Ч. Пирс разделил их на знаки-иконы, знаки-индексы и знаки-символы [23, с. 77]. Таким способом он дополнил логическую структуру референции герменевтической структурой коннотации, в процессе которой устанавливается субъективное отношение между означающим и означаемым знака [29, с. 291]. Означающая сторона знака отсылает к предмету чувственно воспринимаемого мира, замещаемому данным знаком. Означаемая сторона связана с формированием эйдетического образа, или представления, на основе означающей стороны. Знаки-иконы, связанные с обозначаемыми объектами как прототипами, выступают их подобиями и составляют онтологические основы аналогового мышления и чувственно-эмоциональной сферы человека, поэтому их именуют также знаками-копиями, или образами. Знаки-символы, напро-

тив, не имеют никакого отношения к обозначаемым ими объектам, так как означающее и означаемое в них не имеют аналоговой (фактической) связи. Они составляют онтологические основания дискретно-абстрактного мышления, посредством которого символическое содержание, не доступное чувственному восприятию, становится доступным разуму.

Применительно к исторической памяти из различения знаков-иконов и знаков-символов вытекает нетривиальный вывод относительно оппозиционности фактической и символической сторон ее содержания. Это значит, что исторические события следует рассматривать «между фактом и символом» [26], т. е. в сфере знаков-индексов. Их особенности, по Ч. Пирсу, обусловлены тем, что обозначаемые ими объекты образуют органически согласованные пары, но «интерпретирующий ум» не имеет с ними «ничего общего», лишь отмечая эти соединения после того, как они установлены [23, с. 93]. Поскольку знак-индекс «физически связан со своим объектом», он содержит в себе информацию о каком-либо факте [23, с. 93], что позволяет, например, установить причину по ее следствиям или восстановить целое на основе его частей. Знаки-индексы, в отличие от знаков-иконов, не замещают объекты, а сосуществуют

с ними в пространстве (синхрония), времени (диахрония) или языке (ассоциации), поэтому связь означаемого и означающего в них опосредована условиями сосуществования, составляющими основы референций и коннотаций.

Индексирующая сущность памяти проявляется посредством взаимодействующих механизмов исторической и личностной ретенций и воспоминаний. Механизмы исторических ретенций заключаются в удержании и накоплении общественно-коллективного опыта, а механизмы личностных ретенций – в удержании и накоплении индивидуального опыта, но в контексте исторических ретенций. Механизмы воспоминаний представляют собой способы актуализации и активации образов прошлого, локализирующие событие в контексте взаимосвязей синхронии и диахронии, а также индивидуальных и исторических ассоциаций. Исследуя точки пересечения индивидуальной и коллективной памяти, Е. О. Труфанова акцентировала внимание на текущих действиях, осуществляемых «на основе уже усвоенных и “запомненных” социальных механизмов – устоявшихся образцов поведения, традиций» [27, с. 20–21]. Процессы усвоения и запоминания происходят с помощью механизмов эмпатии как способности «переживать “не свою” память, а память Другого» [27, с. 21]. Это возможно благодаря способности ставить себя на место этого *Другого*, переживая исторические события, связанные с ним. Триггерами эмпатии выступают исторические документы, художественные произведения и др. [27, с. 21].

Каким образом возможно переживание памяти *Другого* раскрыл П. Нора, трактуя историческую память в ракурсе семиотической методологии. Он подчеркивал принадлежность мест памяти «двум царствам», которые определяют их, с одной стороны, как естественный объект интереса, открывающийся непосредственно чувственно-наглядному опыту, с другой стороны, как сложный искусственный объект, подлежащий абстрактному анализу. Таким способом П. Нора указывал на логическую противоположность, образующую семиотическую целостность, – фактическую и символическую стороны исторической памяти. Эту целостность он определял посредством «сосуществующих трех смыслов самого места», или пространства, памяти: «материального, символического и функционального, но проявляющегося в очень разной степени» [5, с. 39]. Такую семиотическую тройственность смысла П. Нора иллюстрировал понятием «поколение», наглядно поясняя типологические различия его трактовки как знака. Оно «...материально по демографическому содержанию, функционально в соответствии с нашей гипотезой, поскольку... осуществляет одновременно кристаллизацию воспоминания и его передачу. Но оно и символично по определению, поскольку, благодаря событию или опыту, пережитому неболь-

шим числом лиц, оно характеризует большинство, которое в нем не участвовало» [5, с. 39].

Семиотический поворот, начатый Ч. Пирсом, был углублен Ч. У. Моррисом, который обосновал необходимость различения в знаковых процессах трех уровней: синтаксиса, семантики и прагматики [25, с. 50]. Они определяют особенности семиотических структур организации человеческой субъективности и углубляют понимание трансцендентальной и феноменологической идеи о структурированности опыта способностями (И. Кант) и мотивами (Э. Гуссерль). Данные семиотические структуры – синтаксические, семантические и прагматические – выражают отношение знаков к знакам, знаков к объектам и знаков к интерпретатору соответственно [25, с. 51, 58]. Применительно к человеческой субъективности это означает, что «бессознательное организовано как синтаксис, подсознание – как семантика, сознание – как прагматика» [28, с. 558–559]. Сознание, организованное как прагматика, выступает объектом когнитивной семиотики, в которой ведущий принцип утверждает следующее: аргументация имеет место в сознании, а не в тексте [30, р. 158]. Толкование аргументации в ее связи с сознанием предполагает учет семиотических свойств коннотации – фактичности, условности и символизма, которые обуславливают интерпретационные значения, придаваемые знаку как «иконе умопостигаемых отношений» [24, с. 224]. Если, по Ч. У. Моррису, функциональное содержание знаков в фактическом (иконическом) ракурсе обусловлено ценностями и мотивами, то такое содержание в условном (индексирующем) ракурсе – направленностью внимания [25, с. 72, 93]. Знак-индекс «означает лишь то, на что направляет внимание», поэтому он характеризует не свой денотат, а исключительно его пространственно-временные координаты [25, с. 64]. Поскольку индексирующие знаки лежат в основе человеческих связей, из которых вырастает ценностная иерархия жизненных взаимодействий как способов восприятия, постольку они «направляют внимание интерпретатора на части окружения» посредством очерчивания «границ общего ожидания» [25, с. 72]. Например, как утверждал Ч. У. Моррис, ссылаясь на сочинение Аристотеля «Об истолковании», слова, как условные знаки мыслей, «общие для всех людей» [25, с. 70], поэтому для прагматики исторической памяти важно то, «как ценятся, воспитываются и развиваются те или иные формы восприятия» в обществе [19, с. 81].

Риторический подход к исследованию исторической памяти неотделим от семиотических свойств коннотации, так как, во-первых, непосредственно связан со способами восприятия, имеющими фактические, условные и символические границы, во-вторых, предполагает установление данных границ в контексте диахронии и синхронии. В диахрони-

ческом контексте восприятие имеет дело со временем, устанавливая отличие объекта от самого себя, в синхроническом контексте – с пространством, в котором устанавливается отличие объекта от других объектов [9, р. 87–88]. Если диахрония опирается на «зримость» метафор как знаков-икон, то синхрония – на метонимические рекомбинации временных, пространственных и смысловых связей. Данную особенность обосновал Ф. Ницше, подчеркнув, что пафос истины составляет «подвижная армия метафор, метонимий и антропоморфизмов», т. е. «сумма человеческих отношений» [31, с. 440]. Это означает, что истина рождается в диапазоне *буквальное – фигуральное*, поэтому ее критерии зависят от разницы между узусом и инновацией как, соответственно, между общеупотребительным и редким (уникальным), привычным и новым. Например, героизм, патриотизм, победа – это метафоры, символическое содержание которых зависит от непосредственной или опосредованной данности в опыте соответствующей исторической реальности и которые определяют государственно-национальный концепт свободы и независимости. Способы данности в опыте предопределены размерностью пространства. Если исходить из идеи Г. Лейбница о том, что пространство – это отношения между вещами, то их значимость обусловлена длительностью или силой влияния в истории государства, делая одно ничтожным, забываемым, другое – значительным, запоминаемым, наделяемым особой ценностью. Как подчеркивал Ч. У. Моррис, «ведь символы в конечном счете, подразумевают иконические знаки, а иконические знаки – знаки-индексы» [25, с. 65]. Разрывы в такой семиотической связи, фиксируемые как фрагментарность сознания, неясность образов, нечеткость мышления, являются причинами выпадения из истории, поэтому наблюдаемое в глобальном цифровом мире доминирование визуально-образного опыта стало концептуально оформляться как «иконический поворот» [32, с. 189], или как визуальная риторика.

Метафоры и метонимии связаны с построением кортежей знаков. В их пределах появляются дополнительные значения и смыслы, которых нет у этих знаков в отдельности. Таким способом реализуются функции исторической памяти по восстановлению целостности по немногим признакам и фрагментам. В качестве примера данных кортежей можно рассматривать социальные рамки памяти, раскрытые М. Хальбваксом [4]. Они включают четыре компонента, которые участвуют в построении и закреплении воспоминаний: язык как коллективную форму мыслей, используемую для обозначения предметов, людей и мест; время, включающее даты, исторические события, обычное течение дней и месяцев; пространство, измеряемое расстоянием и длительностью перемещений; понятийный опыт. Опираясь на эту структуру, М. Хальбвакс обосновал идею о не-

возможности индивидуальной памяти без коллективной памяти, аргументируя ее доводом своего учителя А. Бергсона, в котором утверждается, что все «наши идеи приходят к нам от других» [4, с. 209]. Историческая память не просто воспроизводит события прошлого, а прагматически подправляет их, адаптируя к тем приемам мышления и репрезентациям, которые приемлемы для современного состояния социума [4, с. 209]. Правки и адаптация прошлого обусловлены, в одном ракурсе, реконструктивными возможностями установленных обществом воспоминаний [3, с. 8], которые составляют метафорические механизмы памяти, в другом ракурсе, сознанием, пребывающим в социальных рамках памяти, что не позволяет избежать метонимических реконструкций самих воспоминаний [4, с. 56].

Идею коллективной памяти М. Хальбвакса, погибшего в Бухенвальде, французский профессор Дж. Э. Бараш сравнивал с аналогичной идеей Р. Козеллека, воевавшего солдатом вермахта на Восточном фронте. Дж. Э. Бараш утверждал, что «прошлое и настоящее оказываются связанными в поле опыта современных поколений» благодаря непрерывности коллективной памяти и ее символическим артикуляциям, имеющим два уровня значений [33, с. 30]. На первом уровне символы не доступны непосредственному чувственному опыту, а на втором становятся очевидными из-за пространственно-временных форм и логического порядка. Таким способом «благодаря этим символическим конфигурациям в общественной жизни формируется структура спонтанных знаний интеллигентного характера» [33, с. 30]. В результате «коллективная память укореняется в сети символических конфигураций, проникая в многочисленные слои, воздействуя на пространственно-временное восприятие и концептуальную логику, развитию которых она придает мощный импульс» [33, с. 31].

Историческая память предопределена взаимным дополнением коллективной и индивидуальной памяти, которые, как комплементы, отражают двойственность агрегатной и элементной трактовки общества. Это можно подтвердить доводом, вытекающим из номиналистического процесса формирования гражданской и политической субъективности, невозможного без реалистической коллективистской самоидентификации. Роль и значение исторической памяти в качестве ведущей формы коллективной памяти раскрывается в контексте пространства и времени как рассудочных априорных форм чувственного познания, поэтому в глобальном цифровом мире критическим становится вопрос о том, каким образом человек привносит в свою жизнь представления о последовательности событий (время) и порядке (пространство). Различия в понимании времени и пространства влекут различия в механизмах самоидентификации, т. е. в способах

мышления, моделях мира и образах жизни. Феноменальный уровень самоидентификации, ограниченный самостью, соответствует деперсонализации индивида, находящегося вне надындивидуальной целостности. Поэтому для понимания особенностей исторической памяти в условиях «глобальной цифровой деревни» значимы два концепта: «места памяти» П. Нора [5, с. 39] и «утрата исторической последовательности» Й. Рюзена [6, с. 9].

Согласно мемориальной логике П. Нора места памяти формируются «игрой памяти и историей» [5, с. 39], которые определяются друг через друга в их постоянном взаимодействии. Факторами взаимодействия выступают желание помнить, а также «объекты, достойные воспоминания» [5, с. 39]. Исходя из них П. Нора устанавливал критерии различения памятного и исторического: если отсутствует желание помнить, то место является местом истории, а не памяти [5, с. 39]. «Право мест памяти на существование» обусловлено стремлением материализовать нематериальное, «чтобы заключить максимум смысла в минимум знаков», потому что они представляют собой непредсказуемое переплетение их значений [5, с. 40]. Такая непредсказуемость обусловлена тем, что память «открыта диалектике запоминания и амнезии», ибо она «не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна манипуляциям и способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления» [5, с. 19].

Й. Рюзен принимает в качестве исходного условия установленное П. Нора отличие места истории от места памяти – отсутствие желания помнить, но делает акцент на двух обстоятельствах. Первое касается различий в решении проблемы последовательности истории в модернизме и постмодернизме, второе – обоснования памяти в качестве объединяющего принципа в самой последовательности истории. Кроме того, Й. Рюзен раскрывал историческую память в контексте утраты последовательности времени, подготовленной постмодернизмом. Этот контекст породил «сомнение относительно познавательных принципов исторического мышления», сформированных в эпоху модерна [6, с. 9]. Историческое мышление модерна он определял как умственную деятельность «по интерпретации прошлого ради понимания настоящего и ожидания будущего» [6, с. 26]. Для этого настоящее, во-первых, «синтезирует события прошлого со смысловыми критериями, эффективными в сегодняшней практической жизни», во-вторых, «руководит действиями в перспективе будущего» [6, с. 26]. Данные особенности исторического мышления модерна подверглись постмодернистской критике, в контексте которой появилась тема исторической памяти.

Согласно первой особенности исторического мышления модерна в трактовке Й. Рюзена устанавливаемая связь настоящего и прошлого была

направлена на создание впечатления о том, что «прошлое движется к современной ситуации», соединяясь «с современной ситуацией в одну линию исторического развития» [6, с. 19, 21]. Этой же идеи придерживаются П. Нора и М. Хальбвакс. Первый утверждал, что память – «переживаемая связь с вечным настоящим» [5, с. 19], второй раскрывал историческую память как форму коллективной памяти [3]. Постмодернисты выступили против такого осмысления, призывая «вернуть прошлому его собственное достоинство» и не объединять прошлые формы человеческой жизни с нашими формами [6, с. 19]. Подобное противостояние тенденций модернизма и постмодернизма воплотилось в оппозиции антикваризма и презентизма [12, с. 48–54], которые направлены на построение объясняющей и понимающей истории соответственно. Согласно второй особенности связь с будущим определялась посредством онтологического и эпистемологического содержания категорий «развитие» и «прогресс». В условиях нарушенной временной последовательности историческое мышление теряет идею будущего, что, по Й. Рюзену, связано с европоцентристской идеологией, которая разрушает «все другие формы культурной идентификации», так как направляется «не рациональной аргументацией... а стремлением европейских народов к власти над остальным миром» [6, с. 18]. Это означает, что оно вследствие своего деструктивного характера не открывает никаких других «перспектив в будущее», кроме катастрофы [6, с. 18].

Появление исторической памяти в качестве самостоятельной темы в постмодернизме стало следствием осмысления подобных деструкций и необходимости разработки новых методологических подходов к истории. Такие исследования были обусловлены поиском иных источников смысла и необходимостью сохранения последовательности истории посредством памяти. В постмодернизме историческая память стала рассматриваться как средство «для воссоздания прошлого и превращения его... в одну из движущих духовных сил сегодняшней жизни» [6, с. 22]. Согласно трактовке Й. Рюзена сила такого движения обусловлена синергизмом трех сфер культурной практики, предопределяемых концептом «смысл истории»: когнитивной, эстетической и политической. Каждая из них имеет свое измерение: содержательное, формальное и функциональное [34, с. 24], – фиксируемое, соответственно, вопросами о том, что передает смысл, заимствованный в прошлом, как и для чего это делается. Ответы на «вопрос вопросов»: «Как возникает смысл?» [35, с. 6, 9] – нужно искать в контексте культуры как системе осмысления и знаковой регуляции [35, с. 17–26]. Развитие таких систем сопряжено с риторикой как исторически первой формой прагматики [25, с. 70].

В концепции Й. Рюзена прослеживается методологическая оценка соотношения истории и традиции в контексте противостояния аргументации модерна и постмодерна, опирающихся на разные риторики. Модернистская риторика основана на просвещенческой идеологии и идее развития и прогресса. Постмодернистская риторика, напротив, исходит из множественности соперничающих идеологий, по-разному интерпретирующих указанную идею, но проявляющих единодушный скептицизм к трактовкам действительности на реалистической основе разума, универсализма и объективности, ведущий к возрастанию номиналистической неопределенности и релятивности. Постмодернистская риторика политизировала культуру и сферу образования посредством превращения индивида в сумму частных (расовых, гендерных и др.), сместив акценты с его универсальных оснований как условий стабильности обществ на «текущую» идентификацию, редуцируя историческую память к любительской истории и личным сюжетам. Й. Рюзен уточнял, что историческая память имеет место только тогда, когда она «выходит за пределы жизненного пространства личности или группы» и опирается на «рационально выработанные формы» – репрезентации, в которых интерпретации прошлого включены «в концепты значимости», представляемые как повествования (нарративы) [6, с. 13]. Репрезентации сюжетов прошлого сопровождаются метафорически выраженными моральными оценками (например, «вина», «покаяние», «травма», «геноцид»).

Вызовы исторической памяти проистекают из двух внутренне противоречивых тенденций в развитии современного мира: глобализации, подразумевающей интеграцию без барьеров и универсализацию человечества, но демонстрирующую лишь рост конфликтов в мире, и цифровизации, расширяющей возможности человека, но вытесняющей классические аспекты в образовании, экономике, науке и других сферах. Это означает, что по-прежнему «мир не везде одинаков, несмотря на глобализацию» [19, с. 93], а постмодернистская экстерриториальность виртуальных сетей ограничивает идентичность человека цифровыми механизмами самоидентификации, исключая привязки к пространственно-временному контексту в практиках номадизма [22, с. 121]. Оперативность и импульсивность сетевых синхронизаций индивида в глобальной цифровой среде, а также его излишняя публичность ведут к гетеротопии памяти, обусловленной нечеткостью синтаксических, семантических и прагматических границ значений и смыслов, что затрудняет приобщение к коллективной исторической памяти. В результате исторические воспоминания начинают характеризовать в большей степени современность, чем те времена, к которым относятся их содержание. Причины заключаются в ото-

рванности от семиотических механизмов коллективных воспоминаний (М. Хальбвакс, Дж. Э. Бараш) и неспособности к преодолению экзистенциальных разрывов (П. Нора, Й. Рюзен). Э. Левинас пояснил эти причины в контексте отсутствия синхронизации с диахронией, остающейся сокрытой и неразгаданной [8, с. 330]. Вследствие сокрытой и неразгаданной диахронии значение определяется включенностью в ситуации, которые связаны только с настоящим [9, р. 89], как это происходит, например, в диалоговой синхронизации без привлечения диахронических разрывов во времени, но что делает память еще более уязвимой, а субъекта – фрагментированным.

В условиях глобальной цифровой медиатизации фрагментация субъекта, как подчеркивает С. Галабрю, обостряется «уязвимостью памяти»¹, которая проявляется в двух направлениях: как «разрывы во времени, переживаемые самостью» и как риски для индивидуальной и коллективной идентичности [10, р. 125]. Первое направление она связывает с трактовкой памяти Э. Левинасом как возвращением из состояния потери и забывания посредством удерживания «взгляда Другого», который выступает источником значения, а его наличие открывает путь к себе и своей идентичности [10, р. 126]; второе – с трактовкой памяти П. Рикёром как механизмом идентичности, непрочность которого влечет «непрочность идентичности для “я” или для “мы”» [10, р. 128]. Таким способом С. Галабрю косвенно указывает на опасность беспамятства для будущего. Поэтому важно понимать, что если аргументация Й. Рюзена сосредоточена в большей степени вокруг объяснения изменений в установлении связи настоящего с прошлым, то аргументация П. Нора – на поиске приемлемых условий преодоления экзистенциальных разрывов во времени и обостряемого в глобальном цифровом мире чувства прерывности. В связи с этим П. Нора раскрывал историческую память через проект коммеморации, ассоциируя ее с великими датами собственной истории. Согласно его подходу существуют две причины интереса к местам памяти. Первая связана с тем, что исторической памяти больше нет, значит, нарушен «доступ к осознанию себя под знаком того, что завершилось навсегда» [5, с. 17]; вторая – с осознанием «разрыва с прошлым», которое сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве еще достаточно памяти, чтобы ее воплотить, значит, можно восстановить чувство непрерывности, которое и «находит свое убежище в местах памяти» [5, с. 17].

Роль исторической памяти в глобальном цифровом мире определяется противодействием негативным тенденциям, концептуально обозначенным П. Нора посредством понятийной связи космополитизм – следы истории – неуловимость идентичности, раскрываемой в контексте семиотики (как ее интерпретации) и риторики (как ее презентации

¹Здесь и далее перевод наш. – С. В.

и репрезентации). Относительно космополитизма П. Нора подчеркивал, что в прошлом мы знали, чьи мы сыновья, а сегодня мы – дети мира, которые ничего не знают о том, «из чего будет сконструировано прошлое», а неуверенное беспокойство превратит все в след, «в возможный признак, в намек истории» [5, с. 36]. В условиях доминирования «следов прошлого» идентичность становится неуловимой, так как перестает быть происхождением, связью и становится дешифровкой того, «что мы есть, в свете того, чем мы не являемся больше» [5, с. 37].

Космополиты, по Ч. Тейлору, исключают два атрибута социального бытия: коллективную идентичность и чувство солидарности с соотечественниками, без которых невозможны совместные действия [36]. В частности, М. Нуссбаум, поддерживая надгосударственное гражданство, прибегает к тактике дискредитации патриотизма и определяет космополитизм посредством предикатов «рассудочный» и «сознательный», а патриотизм – посредством предикатов «эмоциональный» и «аффективный» [37]. В своем оправдании она ссылается на довод Диогена, который рассматривал космополитизм как «своего рода изгнание... из комфорта локальных истин, из теплого гнезда патриотизма, из всепоглощающей драмы гордости собой и “своими”» (цит. по [37, с. 118]). Путая патриотизм с национализмом, М. Нуссбаум противопоставляет реальности патриотизма утопизм космополитизма, предлагающий «лишь разум и любовь к человечеству, которая иногда может казаться менее яркой, чем другие источники принадлежности» [37, с. 118].

Историческая память выступает сдерживающим фактором негативных тенденций «следов истории»,

предохраняя идентичность от уязвимости неопределенным будущим, так как именно прошлое включает настоящее в будущее. Негативные последствия увлеченности следами истории для культуры памяти и для идентичности раскрывает Э. Мешулан, обосновывая идею о том, что происходящая от П. Нора нынешняя «одержимость следами проникает повсюду и во что угодно» [11, р. 15]. Следы «принимают величественный след руин, которые затем должны быть инсценированы и сделаны доступными для блаженной (и платной) публики» [11, р. 121]. Феномен мгновенного общественного успеха заключается в том, что он легко порождает, например, заботу об уличных перилах в Квебеке, которые становятся «материальным наследием городского планирования Нового времени» [11, р. 121]. Это означает следующее: «тоска памяти и увлечение следами того, что исчезло или исчезает», опасны тем, что они могут сделать наш мир «вечным музеем повседневной жизни» [11, р. 14]. Таким способом Э. Мешулан стремится решить две задачи: объяснить возрастающий интерес к памяти в культуре постмодернистских и постиндустриальных обществ, условия которых не обеспечивают трансляцию ценностных идей, принципов и форм совместного бытия; понять, каким способом память обретает социальную силу, заменяющую традиционные культурные механизмы. Солидарную мысль высказала С. Галабрю, отождествляя историческую память с социальной силой, направленной на преодоление страха, который всегда связан с будущим. В подтверждение она привела аргумент Э. Левинаса о том, что «время возникает из отношения к другим», а не из конечности человеческого существования [10, р. 125].

Заключение

Глобальный цифровой мир видоизменил пространство и время как формы восприятия мира, в котором непредсказуемость и рискованность будущего могут быть сняты только аргументами исторической памяти. Становясь неотъемлемой частью настоящего, историческая память открывает новую проблематику, проясняемую в контексте ее семиотических и риторических аспектов как факторов интерпретации, презентации и репрезентации событий прошлого.

Семиотические аспекты исторической памяти обусловлены структурно-функциональными особенностями знаков как ее онтологической основы. Эти особенности определяют фактическое, индексирующее и символическое содержание, различаемое в зависимости от способа связи означающего и означаемого, устанавливаемого в исторической памяти. Семиотические связи, как условие интерпретации, подразумевают отсылку символического содержания к фактическому содержанию, сопряженному с аналоговым мышлением, а фактически-

го – к индексирующему содержанию, определяющему направленность внимания этого мышления. Разрывы в семиотических связях составляют причины «выпадения» из истории и коллективных воспоминаний, экзистенциальные разрывы в идентичности.

Риторические аспекты связаны с эпистемологическими механизмами воспоминаний, которые формируются на пересечении форм восприятия мира (диахронии и синхронии) и способов презентации и репрезентации. Основы презентаций составляют знаки-иконы, или метафорические образы, в которых означающее и означаемое связаны и составляют подсознательный эмоционально-чувственный опыт в качестве ресурсов аналогового мышления, а значит, и источника мотивов, мотиваций и происходящих из них ценностей и убеждений. Основы репрезентаций составляют знаки-символы, в которых отсутствует отношение к обозначаемому объекту, вследствие чего эти знаки нуждаются в риторических перформативных (действенных) технологиях,

направленных на формирование пространства (синхронии) как образа исторических событий в коллективной памяти посредством организации воспоминаний и осмысления пережитого опыта (место памяти как локус внимания).

Раскрытые аспекты исторической памяти составляют стратегии ее интерпретаций и репрезентаций. В контексте вызовов глобального цифрового мира их разработка подразумевает учет противостояния исторической памяти, во-первых, космополитической ге-

теротопии сети как экстерриториального пространства (гетеротопии памяти), во-вторых, фрагментации сетевого индивида, способствующего «ускользанию» от гражданско-патриотической самоидентификации. Риски стратегий интерпретации обусловлены постмодернистской увлеченностью следами истории, ведущими к рассогласованию единства коллективного прошлого, настоящего и будущего, а риски стратегий репрезентации – уязвимостью памяти сетевого индивида, переживающего разрывы во времени.

Библиографические ссылки

1. Зверева ГИ. Память о прошлом в цифровой среде: когнитивные ориентиры для исторического исследования. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* [Интернет]. 2021 [процитировано 20 июля 2022 г.];12:8. Доступно по: <https://history.jes.su/s207987840016865-0-1>.
2. Фукуяма Ф. Конец истории? Замошкин ЮА, переводчик. *Вопросы философии*. 1990;3:134–155.
3. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*. 2005;2–3:8–27.
4. Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. Зенкин СН, переводчик. Москва: Новое издательство; 2007. 348 с.
5. Нора П. Проблематика мест памяти. В: Нора П, Озуф М, де Пюимеж Ж, Винок М; Хапаева Д, переводчик. *Франция-память*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 1999. с. 17–50.
6. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории. Антощенко АВ, переводчик. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2001;7:8–27.
7. Ассман А. *Новое недовольство мемориальной культурой*. Хлебников Б, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2016. 232 с.
8. Левинас Э. Ракурсы. В: Левинас Э. *Избранное: Тотальность и бесконечное*. Маньковская ИБ, Вдовина ИС, Дубин БВ, Ямпольская ЛВ, переводчики. Москва: Университетская книга; 2000. с. 292–349.
9. Lévinas E. Diachronie et représentation: à la recherche du sens. *Revue de l'Université d'Ottawa*. 1985;55:85–98.
10. Galabru S. Paul Ricœur et Emmanuel Lévinas: vulnérabilité mémoire et narration: Peut-on raconter la vulnérabilité? *Études Ricœuriennes / Ricœur Studies*. 2019;10(1):125–139.
11. Méchoulan É. *La culture de la mémoire*. Montréal: Presses de l'Université de Montréal; 2008. 261 p.
12. Демин ИВ. Семиотический подход к истории: между презентизмом и антикваризмом. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. 2015;4:48–54.
13. Тульчинский ГЛ. Лиминальность: «глубокая» семиотика и самоопределение. *Семиозис и культура*. 2010;6:16–28.
14. Аникин ДА, Бубнов АЮ. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти. *Вопросы политологии*. 2020;10(1):19–28.
15. Васильев ИВ, Кузнецов АН. Историческая память как фактор патриотического воспитания граждан. *Власть*. 2021;29(3):142–148.
16. Радченко ОА. Школа «слов и вещей»: закат одной научной парадигмы. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2013;5:150–158.
17. Сиверц ван Рейзема ЯВ. *Информатика социального отражения. Информационные и социальные основания общественного разума*. Москва: Литрес; 2022. 919 с.
18. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности. *Политическая наука*. 2016;3:77–100.
19. Эрнст К. *Суфизм*. Горькавы А, переводчик. Москва: ФАИР-ПРЕСС; 2002. 320 с.
20. Тульчинский ГЛ. Историческое сознание и экранная культура. *Наука телевидения*. 2017;13(1):110–127.
21. Тульчинский ГЛ. Экран и фактор скорости: от нарративов к перформативам. *Наука телевидения*. 2019;15(2):29–40.
22. Воробьева СВ. Цифровая идентичность в сетевом обществе: практики номадизма и пограничные состояния. В: Слемнев МА, Давлятова ЕВ, Рудковский ЭИ, редакторы. *Феномен границы в глобализирующемся мире*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2020. с. 121–124.
23. Пирс Ч. Икона, индекс, символ. В: Пирс Ч. *Начала прагматизма. Том 2*. Кирющенко ВВ, Колопотин МВ, переводчики. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. с. 76–97.
24. Пирс Ч. Пролегомены к апологии прагматизма. В: Пирс Ч. *Начала прагматизма. Том 1*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. с. 219–287.
25. Моррис ЧУ. Основания теории знаков. В: Степанов ЮС, составитель. *Семиотика. Антология*. Москва: Академический проект; 2001. с. 45–97.
26. Репина ЛП. Между фактом и символом: исторические события в макроструктуре национально-государственного нарратива. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2019;161(2–3):9–23.
27. Труфанова ЕО. Индивидуальная и коллективная память: точки пересечения. *Вопросы философии*. 2020;6:18–22.
28. Бродский АИ. Неизвестный солдат: философская апология войны и ее истоки. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2019;35(4):551–562.
29. Воробьева СВ. Семиотические основания когнитивной герменевтики. В: Демин ИВ, редактор. *История. Семиотика. Культура. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 250-летию Фридриха Шлейермахера; 23–24 ноября 2018 г.; Москва, Россия*. Самара: Самарская гуманитарная академия; 2018. с. 289–296.
30. den Hoven PV. Cognitive semiotics in argumentation: a theoretical exploration. *Argumentation*. 2015;29(2):157–176.

31. Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле. В: Ницше Ф. *Полное собрание сочинений. Том 1. Часть 2. Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг.* Бакусев В, Берман Я, Герцык А, Завалишина Л, Небезина В, Эбаноидзе ИА, переводчики; Эбаноидзе ИА, редактор. Москва: Культурная революция; 2013. с. 433–448.
32. Инишев ИИ. «Иконический поворот» в теориях культуры и общества. *Логос*. 2012;1:184–211.
33. Бараш ДжЭ. Анализ понятий памяти и истории в контексте идеи времени: интерпретация концепции коллективной памяти в полемике с теорией Райнхарта Козеллека. Мачульская ОИ, переводчик. *Философские науки*. 2020; 63(9):18–34.
34. Линченко АА. Проблема исторического сознания в философии и теории истории Йорна Рюзена. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2013;13(4):22–26.
35. Тульчинский ГЛ. *Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. Философско-семиотический анализ*. Санкт-Петербург: Алетея; 2019. 470 с.
36. Тейлор Ч. Почему демократия нуждается в патриотизме. *Логос*. 2006;2:130–131.
37. Нуссбаум М. Патриотизм и космополитизм. *Логос*. 2006;2:110–119.

References

1. Zvereva GI. Remembrance of the past in a digital environment: cognitive landmarks for historical research. *Electronic Scientific and Educational Journal «History»* [Internet]. 2021 [cited 2022 July 20];12:8. Available from: <https://history.jes.su/207987840016865-0-1>. Russian.
2. Fukuyama F. [The end of history?]. Zamoshkin YuA, translator. *Voprosy filosofii*. 1990; 3:134–155. Russian.
3. Halbwachs M. [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2005;2–3:8–27. Russian.
4. Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [The social framework of memory]. Zenkin SN, translator. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2007. 348 p. Russian.
5. Nora P. [The problem of places of memory]. In: Nora P, Ozouf M, de Pyuimezh Zh, Vinok M; Khapaeva D, translator. *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta; 1999. p. 17–50. Russian.
6. Rusen J. [Loosing the order of history]. Antoshchenko AV, translator. *Dialogue with time. Intellectual history review*. 2001;7:8–27. 392 p. Russian.
7. Assmann A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [New discontent with memorial culture]. Khlebnikov B, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2016. 232 p. Russian.
8. Lévinas E. [Foreshortening]. In: Levinas E. *Izbrannoe: Total'nost' i beskonechnoe* [Selected: Totality and Infinity]. Man'kovskaya IB, Vdovina IS, Dubin BV, Yampol'skaya LV, translators. Moscow: Universitetskaya kniga; 2000. p. 292–349. Russian.
9. Lévinas E. Diachronie et représentation: à la recherche du sens. *Revue de l'Université d'Ottawa*. 1985;55:85–98.
10. Galabru S. Paul Ricœur et Emmanuel Lévinas: vulnérabilité mémoire et narration: Peut-on raconter la vulnérabilité? *Études Ricœuriennes / Ricœur Studies*. 2019;10 (1):125–139.
11. Méchoulan É. *La culture de la mémoire*. Montréal: Presses de l'Université de Montréal; 2008. 261 p.
12. Demin IV. The semiotic approach to history: between presentism and antiquarism. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 2015;4:48–54. Russian.
13. Tulcjinsky GL. Liminality: «deep» semiotics and self-determination. *Semiozis and Culture*. 2010;6:16–28. Russian.
14. Anikin DA, Bubnov AYU. Politics of memory in virtual space: the Internet as a mediator of memory. *Voprosy politologii*. 2020;10(1):19–28. Russian.
15. Vasil'ev IV, Kuznetsov AN. Historical memory as a factor of patriotic education of citizens. *The Authority*. 2021; 29(3):142–148. Russian.
16. Radchenko OA. The «Words and Things» School: on the decline of a scientific paradigm. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2013;5:150–158. Russian.
17. Siewerts van Reesema YaV. *Informatika sotsial'nogo otrazheniya. Informatsionnye i sotsial'nye osnovaniya obshchestvennogo razuma* [Informatics of social reflection. Informational and social foundations of public reason]. Moscow: Litres; 2022. 919 p. Russian.
18. Kress G. Social semiotic and the challenge of multimodality. *Political Science*. 2016;3: 77–100. Russian.
19. Ernst K. *Sufizm* [Sufism]. Gor'kavy A, translator. Moscow: FAIR-PRESS; 2002. 320 p. Russian.
20. Tulcjinsky GL. Historical consciousness and screen culture. *The art and sciences of television*. 2017;13(1):110–127. Russian.
21. Tulcjinsky GL. Screen and factor of speed: from narratives to performatives. *The art and sciences of television*. 2019;15(2):29–40. Russian.
22. Vorobyova SV. [Digital identity in the networked society: nomadic practices and border conditions]. In: Slemnev MA, Davlyatova EV, Rudkovskii EI, editors. *Fenomen granitsy v globaliziruyushchemsya mire* [The phenomenon of the border in a globalizing world]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2020. p. 121–124. Russian.
23. Peirce C. [Icon, Symbol, Index]. In: *Nachala pragmatizma. Tom 2* [The beginnings of pragmatism. Volume 2]. Kiryushchenko VV, Kolopotin MV, translators. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. p. 76–97. Russian.
24. Peirce C. [Prolegomena to the apology of pragmatism]. In: *Nachala pragmatizma. Tom 1* [The beginnings of pragmatism. Volume 1]. Kiryushchenko VV, Kolopotin MV, translators. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. p. 219–287. Russian.
25. Morris CW. [Foundations of the Theory of Signs]. In: Stepanov YuS, compiler. *Semiotika. Antologiya* [Semiotics. Anthology]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2001. с. 45–97. Russian.
26. Repina LP. Between the fact and symbol: Historical events in the macrostructure of a national-state narrative. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2019;161(2–3):9–23. Russian.
27. Trufanova EO. Individual and collective memory: intersection points. *Voprosy Filosofii*. 2020;6:18–22. Russian.

28. Brodsky AI. An unknown soldier: philosophical apology of war and its origins. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2019;35(4):551–562 Russian.

29. Vorobyova SV. Semiotic bases of cognitive hermeneutics. In: *Istoriya. Semiotika. Kul'tura. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchenoi 250-letiyu Fridrikha Shleiermakhera; 23–24 noyabrya 2018 g.; Moskva, Rossiya* [History. Semiotics. Culture. Collection of materials of the International scientific conference dedicated to the 250th anniversary of Friedrich Schleiermacher; 2018 November 23–24; Moscow, Russia]. Samara: Samara Humanitarian Academy, 2018. p. 289–296 Russian.

30. den Hoven PV. Cognitive semiotics in argumentation: a theoretical exploration. *Argumentation*. 2015;29(2):157–176.

31. Nietzsche F. [On truth and lies in an extramoral sense]. In: Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 1. Chast' 2. Nesvoevremennye razmyshleniya. Iz naslediya 1872–1873 gg.* [Complete Works. Volume 1. Part 2. Untimely thoughts. From the legacy of 1872–1873]. Bakusev V, Berman Ya, Gertsyk A, Zavalishina L, Nevezhina V, Ebanoidze IA, translators; Ebanoidze IA, editor. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; 2013. p. 433–448. Russian.

32. Inishev IN. [The «Iconic Turn» in the Theories of Culture and Society]. *Logos*. 2012;1:184–211. Russian.

33. Barash JA. The temporal articulations of memory and of history: an interpretation of collective memory in debate with the work of Reinhart Koselleck. *Russian journal of philosophical sciences*. 2020;63(9):18–34. Russian.

34. Linchenko AA. The problem of historical consciousness in the Jörn Rüsen's philosophy and theory of history. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2013;13(4):22–26. Russian.

35. Tulcjinsky GL. *Telo svobody: otvetstvennost' i voploshchenie smysla. Filosofsko-semioticheskii analiz* [The body of freedom: responsibility and embodiment of meaning. Philosophical-semiotic analysis]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2019. 470 p. Russian.

36. Taylor C. [Why democracy needs patriotism]. *Logos*. 2006;2:130–131. Russian.

37. Nussbaum M. [Patriotism and Cosmopolitanism]. *Logos*. 2006;2:110–119. Russian.

Статья поступила в редакцию 14.11.2022.
Received by editorial board 14.11.2022.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОЦЕНКИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Д. А. СМОЛЯКОВ^{1), 2)}

¹⁾Линнаньский педагогический университет,

ул. Цуиньцзин, 29, Чикан, г. Чжаньцзян, провинция Гуандун, Китай

²⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Интернационализация высшего образования является актуальным направлением междисциплинарных исследований. В рамках этого направления одной из наиболее сложных проблем выступает методология исследования и оценки. Философия обладает необходимым инструментарием, способным приблизить решение данной проблемы в контексте узкоспециализированной характеристики эффективности и более широкой дискуссии относительно современных методов гуманитарных исследований. Предложенный в статье метод таргетирования контекста является дальнейшим развитием методологических инструментов постнеклассической философии, включающих анализ нарративов и дискурсов. В рамках предлагаемого метода исследования и оценки работа университета или национальной системы высшего образования рассматривается в качестве контекста, внутри которого определяется набор из чувствительных элементов, и наблюдение за ними позволяет выявить происходящие изменения или отсутствие таковых. По итогу подобного наблюдения исследователь приобретает объективные данные, позволяющие судить о характере интернационализации высшего образования, а также оценивать ее результативность.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования; таргетирование контекста; методология исследования и оценки; методология науки.

SOCIO-PHILOSOPHICAL RESEARCH AND EVALUATION METHODOLOGY OF THE INTERNATIONALISATION OF HIGHER EDUCATION

D. A. SMALIAKOU^{a, b}

^aLingnan Normal University, 29 Cunjin Road, Chikan District, Zhanjiang, Guangdong Province, China

^bInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, building 2, Minsk 220072, Belarus

The internationalisation of higher education is an important direction of modern interdisciplinary research, where one of the most difficult problems is the research and evaluation methodology. Philosophy consists of the necessary methodological tools that may assist for accurate solution of this problem, both in the terms of efficiency, and within the framework of a broader discussion regarding modern methods of research in humanities. The proposed context targeting method is the further development of postmodern methodological tools, such as narratives and discourses analysis. Within the framework of the proposed research and evaluation method, the university or national higher education system activity is considered as context, where should be determined for observation a set of sensitive elements, that assists to identify ongoing changes or the absence of such. As a result of such an observation, the researcher acquires objective data that allows to judge the nature of the internationalisation of higher education, as well as to evaluate its efficiency.

Keywords: internationalisation of higher education; context targeting; research and evaluation methodology; science methodology.

Образец цитирования:

Смоляков ДА. Социально-философская методология исследования и оценки интернационализации высшего образования. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;1:45–50. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-45-50>

For citation:

Smaliakou DA. Socio-philosophical research and evaluation methodology of the internationalisation of higher education. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;1:45–50. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-45-50>

Автор:

Дмитрий Анатольевич Смоляков – кандидат философских наук; старший научный сотрудник^{1), 2)}.

Author:

Dzmitry A. Smaliakou, PhD (philosophy); senior researcher^{a, b}. d.smaliakou@live.com

Введение

Интернационализация высшего образования является одним из наиболее актуальных направлений современных междисциплинарных гуманитарных исследований. Традиционно научная деятельность реализуется как в теоретической, так и в практической области. Поиски истины направлены на концептуальное описание интернационализации высшего образования с точки зрения ее места и роли в актуальных процессах глобальной социодинамики. Практическая область работы, как правило, заключается в поиске механизмов совершенствования эффективности международного измерения академической среды и последующего улучшения качества высшего образования за счет расширения международных связей и взаимодействия между преподавателями, студентами и другими представителями учреждений высшего образования.

При пересечении теоретического и практического направлений актуализируется проблема методологии исследования и оценки интернационализа-

ции высшего образования, так как, с одной стороны, это теоретический вопрос, связанный с пониманием природы и сущности самого явления, с другой стороны, это важнейший практический аспект, определяющий фундаментальное понимание эффективности работы учреждений образования, их структурных подразделений и отдельных сотрудников. В этой связи вопрос методологии исследования и оценки представляет собой важное направление социально-философского поиска, потому что его решение связывается с пониманием эффективности конкретных процессов международного образовательного взаимодействия, а также разъясняет особенности совершенствования современной методологии гуманитарных наук в целом. В данной статье предложен новый подход к методологии исследования и оценки интернационализации высшего образования, реализованной на основе анализа проблемных моментов уже задействованных методологических инструментов.

Теоретические основы

Работая над концептуальным обоснованием интернационализации высшего образования, ученые опираются на узкий круг коллективных монографий («Стратегии интернационализации высшего образования: сравнительное исследование Австралии, Канады, Европы и США» (1994) [1], «Качество и интернационализация в высшем образовании» (1999) [2], «В направлении к глобальному: определяя тренды и драйверы международного образования» (2012) [3], «Настольная книга международного высшего образования» (2012) [4] и др.). Отмеченные работы в самых общих чертах указывают ориентиры для поиска методологических подходов к исследованию и оценке интернационализации высшего образования, но в большей степени они посвящены концептуальному описанию данного феномена.

На концептуальной основе перечисленных монографий реализован ряд работ методологической направленности, среди которых стоит отметить статьи Дж. Ли и Дж. Каммера [5], Л. А. Брэскампа [6], Н. Нгуена, М. Байдермана и Л. Р. Макнари [7], М. Хаммера [8], Д. Б. Мораиса и А. Огдена [9]. В целом перечисленные авторы стремятся построить шкалу оценки динамических характеристик интернационализации высшего образования исходя из количественных показателей инвентаризации международного измерения академической среды.

Обобщая итоги перечисленных работ, следует заключить, что на современном этапе интернационализация высшего образования исследуется и оценивается посредством инвентаризации международного измерения университета или национальной системы высшего образования. Такая инвентар-

изация может проходить путем оценки природы и целей академических событий, взглядов и ценностей (преподавателей, студентов, администрации), в том числе их изменений, а также путем смены глобальных перспектив развития учреждения высшего образования или отдельных направлений его деятельности, например научного направления. Оцениваться могут и иные параметры: уровень межкультурной адаптивности отдельного университета или национальной системы высшего образования в целом, пути решения межкультурных конфликтов в университете, изменчивость стратегий обучения в условиях межкультурных различий или уровень продвижения универсальных академических и мировоззренческих стандартов (так называемая шкала глобального гражданства).

Объединяет перечисленные подходы фокус исследовательской оптики на траекториях развития международного взаимодействия академических систем на разных уровнях. С практической точки зрения рассматриваемые подходы исследования и оценки интернационализации высшего образования представляются эффективными, так как они позволяют анализировать развитие международных интеграционных процессов во взаимосвязи с изменением качества высшего образования. Иными словами, перечисленные инструменты помогают анализировать и оценивать то, каким образом межкультурное сближение и международное академическое сотрудничество влияют на академическую среду университета с учетом изменений во взглядах и ценностях конкретных преподавателей и студентов. Изучаемая методология имеет су-

ществленные проблемы, связанные с особенностью гуманитарных исследований и частными нюансами

анализа динамических систем, в которых прогностическая функция преобладает над ретроспекцией.

Результаты и их обсуждение

Проблемами методологии являются изменчивость и относительная скрытость предмета исследования. В связи с тем что любые формы международного сотрудничества интерпретируются и оцениваются в соответствии с политической необходимостью, зачастую проблематично удостовериться в реальности заявленных изменений или объективно оценить их. Соответственно, это требует определения взаимной корреляции между риторическими оборотами и институциональными изменениями.

Исследование интернационализации высшего образования и оценка ее эффективности сопряжены со спекуляциями, так как они часто находятся под непосредственным влиянием настоящего момента. Это происходит не только по причине закрытости международных переговоров для прямого научного анализа, но также из-за дискурсивного характера обсуждаемых вопросов, где на исследователя изначально воздействует риторический контекст. В данном случае язык власти может восприниматься как языковая и институциональная реальность, что не всегда определяется верно. В результате отмеченного несоответствия усугубляется проблема телеологии: прогностические модели уступают место перманентной переоценке прошлого.

Процесс интернационализации высшего образования, сформированного на пересечении векторов международной интеграции и совершенствования качества образования, также входит в ряд рассматриваемых проблем. В зависимости от изменений в глобальных и локальных вопросах отмеченные векторы могут как притягиваться, так и отталкиваться, поэтому возникают трудности с определением причин и следствий взаимодействия, что также негативно сказывается на подаче долговременных оценок. В силу постоянной изменчивости ситуации ученому сообществу приходится опираться на декларативные документы, которые составляют основной массив открытых источников. Между тем нередко планы работы и международные договоренности остаются нереализованными, а потому оценка и анализ таких документов не всегда являются продуктивным подходом к поиску и оценке институциональных изменений.

Исследование и оценка интернационализации высшего образования тоже становятся проблемами методологии. Эти процессы строятся с учетом интересов той или иной заинтересованной стороны (субъекта интернационализации высшего образования). В случае когда данные интересы консолидированы, ситуация проясняется, и это существенно облегчает аналитическую работу. Чаще всего, к сожалению, приходится иметь дело с конфликтом инте-

ресов, который может обнаруживаться внутри даже, казалось бы, проясненной ситуации. В этих условиях легко допустить ошибку внимания, что чревато опасностью упустить момент коррекции или разворота ситуации.

В XX в. решение отмеченных методологических затруднений философскими методами, как правило, опиралось на анализ языка, который рассматривался в качестве объекта исследования и пространства социальных изменений, доступного для научного или философского анализа. В то же время внимание к созвучию, единству или родству считается малоэффективным. Изменения обнаруживаются скорее в противопоставлении событий и явлений, на что обращал внимание М. Фуко: «Может быть, мы обнаружим дискурсивное единство, если будем искать его не в связности понятий, а в их одновременном или последовательном возникновении, в их отклонении, в разделяющей их дистанции, а иногда и в их несовместимости» [10, с. 87].

Представляется важным уделить внимание социально-динамическому локусу, в котором общность среды объясняет значительно больше, чем общность родства. Связь, установленная не как прямое порождение (в силу наличия общего корня), а как результат борьбы или конкуренции, также выступает эффективным подходом к реализации социально-философского анализа. Так, М. Фуко предлагал «...заменить загадочное богатство “вещей”, существующих до дискурса, на закономерное формирование только в нем вырисовывающихся объектов. Определить эти объекты, не ссылаясь на сущность вещей, но соотнося их с совокупностью правил, позволяющих сформировать их как объекты дискурса и, таким образом, определяющих условия их исторического появления» [10, с. 109].

Указанный подход расширяет поле анализа, позволяя исследовать и оценивать происходящие изменения с точки зрения взаимозависимости возникающих противоречий. Проблема анализа дискурсов заключается в том, что такое исследование исходит из приоритета внутренней ситуации, а потому объяснение международного контекста реализуется исходя из локальных причин, хотя эти причины часто являются порождением международного контекста. Внимание к надзорной составляющей дает много информации о природе процессов внутри конкретного государства или социума, однако в рамках межгосударственного взаимодействия это является хоть и важной, но второстепенной информацией.

Дискурсивная методология, столь эффективная в условиях анализа власти, оказывается непродуктивной при исследовании взаимовлияния векторов

международной интеграции и качества высшего образования. В силу наличия разных властей и заинтересованных сторон проблематично обнаружить доминирующую власть и вычленив доминирующий дискурс, особенно когда международная повестка мгновенно переформатируется. Подобный анализ часто сопряжен со спекуляциями, в рамках которых исследователь оперирует скорее личными предпочтениями, заблуждениями или верой, в то время как любые изменения, выходящие за границы установленного фокуса, идентифицируются как неожиданные, спонтанные и стихийные, т. е. не поддающиеся прогнозированию.

Отдельно стоит отметить инертность среды, которая препятствует мгновенной реализации институциональных изменений. В основе развития международных контактов лежит постепенное накопление точек взаимодействия, что на определенном этапе приводит к качественному изменению эффективности академического сотрудничества. При политической неудовлетворенности даже наиболее долговременная интеграция, особенно в сфере высшего образования, будет считаться неэффективной, а при политической удовлетворенности минимальные контакты позиционируются как прорыв в международном взаимодействии. В описанных условиях любые изменения могут представляться мгновенными и фундаментальными, что противоречит отмеченной инертности. В этой связи интернационализация высшего образования предполагает обнаружение изменений в рамках институционального развития, а не в этюдах отдельных программ и единичных проектов.

Отмеченные методологические проблемы исследования и оценки склоняют к поиску таких элементов социальной реальности, которые наиболее тонко и детально запечатлевают происходящие изменения. Как отметили современные методологи гуманитарных исследований А. Дуранти и Ч. Гудвин, «одним из наиболее распространенных видов социальной деятельности, которой занимаются люди, является общение»¹ [11, р. 1]. Таким образом, представляется вполне эффективным обратиться к той реальности, которая заполняет собой существенную часть времени, отведенного на общественную жизнь. Разговоры – это некое фактическое поле наличия дискурсов, среда, включающая элементы проявления власти и личного мнения, испытывающего влияние широкого комплекса факторов, в том числе предрасудков и заблуждений. Отдельный разговор состоит из единства настоящего и археологических комплексов прошлого, в котором переплетаются коллективный и личный опыт, идеи предыдущих поколений, наложенных на нелинейные наслоения сменяющих друг друга идеологий, новостных повесток средств массовой информации и личных убеждений.

Особенностью разговора является существенная деривация общения, т. е. его нить может развиваться очень своеобразно, наполняясь необязательными для аналитической задачи элементами. В этой связи А. Дуранти и Ч. Гудвин предлагали обратиться к историям (рассказам): «Разговор внутри рассказа организует контекст для другого разговора, в то время как другая речь создает соответствующий контекст для рассказа самого по себе» [11, р. 3]. Рассказы отсылают к широкому контексту, включающему в себя совокупность научной, социальной, политической и индивидуальной реальности. Методологически анализ контекста позволяет отделить элементы подчинения от частных императивов говорящего, что позволяет более четко оценивать и улавливать институциональные изменения в социальной среде, если таковые имеются.

В то же время для полноценной реализации контекстуального анализа требуется наличие определенных условий. При описанной настройке исследовательской оптики важность обретают фокальные события, привлекающие внимание исследователя. Фокальность вырывает событие из контекста, одновременно объясняя его в неотрывной связанности с ним. Отношение между фокальным событием и контекстом часто сравнивается с отношением между организмом и средой [11, р. 4], т. е. отмечается прямая эволюционная и экологическая взаимосвязь, обеспечивающая совместное изменение общего и частного.

Указанная взаимозависимость среды и организма накладывает еще одно ограничение, связанное с личностью исследователя. Производя социально-историческое знание, исследователь не оторван от социальной среды, а пребывает непосредственно в ней, где люди выступают «средой друг для друга» [11, р. 5]. Внутри индивидуального рассказа сохраняется отражение других рассказов, а потому важно понимать, что контекст отнюдь не одномоментное явление, а естественный способ работы со временем (у человека). Исследователь и исследуемая социальная среда – это совокупность свершившихся изменений, в картине которых требуется обнаружить новые преобразования и оценить их глубину.

Попытаться преодолеть указанное методологическое затруднение можно при помощи нарративного анализа, который способен темпорально упорядочить контекст [12]. У такого подхода имеются и другие проблемы. Во-первых, трудность представляет процедура определения фокального события: контекст и событие могут меняться местами, затрудняя понимание природы и векторов их взаимовлияния. Во-вторых, сохраняется проблема нарратива, связанная с особенностями внутренней логики и ее релевантности. Как сам рассказчик, так и его история формируются в рамках коммуникативной среды, где

¹Здесь и далее перевод наш. – Д. С.

доминирует определенная риторика или даже конкретное заблуждение. Так, М. Фуко показал, что внимание к указанным элементам социальной реальности нередко выступает ключом к пониманию среды, но вместе с тем этот подход не всегда релевантен, так как и риторика, и заблуждение могут быть приметой групповой принадлежности, а не инструментом работы с реальностью.

В силу описанных проблем важно произвести методологическое смещение из пространства нарративов самих по себе в сторону интересующих исследователя конкретных элементов: тем, риторических приемов, методологических, ценностных и мировоззренческих убеждений. Еще более важное значение обретают объективные данные, которые влияют на исследуемый предмет или оказываются под его влиянием. В частности, при рассмотрении изменений в рамках высшего образования зачастую более эффективным является анализ не столько непосредственно деятельности того или иного учреждения образования, сколько динамики картины занятости населения в целом. Иными словами, данные об основных способах заработка населения, его привычках и способах производства информируют о системе высшего образования значительно больше, чем анализ непосредственно самой системы высшего образования.

Констатация изменения контекста – задача интерпретации, поскольку анализируется символический уровень, т. е. не сами вещи, а отношение к ним. Смена контекста не предполагает тотального изменения его полного объема. Скорее, имеет место трансформация отдельных характеристик или частей, позволяющих сделать подобное заключение. Фокусировка на отдельных элементах контекста позволяет не распылять внимание на полном его объеме, а потому способствует выработке соответствующей методологии. Эффективным в этой связи представляется метод таргетирования, заключающийся в выявлении и удержании (в исследовательском фокусе) отдельных элементов в динамике их индивидуального развития.

Заключение

Таким образом, методологическая рамка исследований интернационализации высшего образования сформировалась на основе достижений гуманитарной науки последнего времени и тяготеет к средствам объективного наблюдения. Одним из наиболее востребованных направлений в этой парадигме являлось изучение языковой реальности, в рамках которой были предложены такие методы, как анализ контекста и нарративный анализ. Вместе с тем в силу международной природы интернационализации высшего образования, многообразия заинтересованных сторон, а также определенной скрытости происходящих изменений требует-

Первоначально метод таргетирования использовался в экономике (в частности, для контроля над инфляцией). Впоследствии его элементы задействуются в контекстной рекламе (таргетинг позволяет выделить целевую аудиторию, что удешевляет рекламный процесс и делает его более эффективным), географии (геоповеденческий таргетинг является инструментом анализа перемещений индивида для определения его привычек и пристрастий), медицине (таргетная терапия используется для воздействия на молекулярном уровне лекарственного препарата на пораженные ткани в целях купирования патологического процесса).

Таргетирование предусматривает фиксацию внимания на наборе из чувствительных элементов среды, что не размывает усилие в рамках наблюдения всего контекста в целом. Существенно нивелируется проблема предыдущих методологий, выделяющих основной, или главенствующий, фактор изменений.

Метод таргетирования контекста также обременен определенным затруднением, которое, однако, значительно проще преодолеть в рамках постановки исследовательских задач. Таким образом, исследователь должен отобрать для наблюдения такие элементы, изменение которых будет указывать на изменение контекста в целом. В зависимости от исследовательской задачи этими точками внимания могут быть рынок труда, технологическая и экономическая картина занятости населения, элементы политического устройства и т. д. В отношении интернационализации высшего образования на уровне учреждения высшего образования точками внимания могут быть кадровая политика, структура управления, результаты научной деятельности, отношение к плагиату, уважение к интеллектуальной собственности, особенности подходов к процессу обучения и др. Важно отметить, что исследование изначально формируется на основе отсутствия единственного фактора изменений, а множественность объектов наблюдения пересобирается исследователем в зависимости от целей и задач изучения имеющегося контекста.

усовершенствование предыдущих методологических подходов, одним из которых может стать метод таргетирования контекста. В рамках предложенной методологии работу конкретного университета, национальной системы высшего образования и наднациональных объединений этих систем целесообразно рассматривать в качестве контекста. Внутри контекста определяется ряд наиболее чувствительных элементов, наблюдение за которыми позволит выявить институциональные изменения или их отсутствие. С помощью такого подхода, с одной стороны, успешно отслеживается изменчивость отдельных элементов академической среды,

с другой стороны, упрощается процесс выявления накопленных изменений, позволяющих судить об эффективности интернационализации высшего образования и оценивать ее результаты. Предложенный подход помогает вполне достоверно верифици-

ровать институциональные изменения, исследовать их и, соответственно, оценивать направление, структуру и качество интернационализации конкретного университета или национальной системы высшего образования.

Библиографические ссылки / References

1. Wit H. *Strategies for internationalisation of higher education: a comparative study of Australia, Canada, Europe and the United States of America*. Amsterdam: EAIE Secretariat; 1994. 176 p.
2. Wit H, Knight J. *Quality and internationalisation in higher education: institutional management in higher education*. Paris: OECD; 1999. 268 p.
3. Stiasny M, Gore T. *Going global: identifying trends and drivers of international education*. London: Emerald Group Publishing; 2012. 250 p.
4. Deardorff DK, Wit H, Heyl JD, Adams T, editors. *The SAGE handbook of international higher education*. California: SAGE Publishing; 2012. 552 p.
5. Lee J, Hammer J. Gamification in education: what, how, why Bother? *Academic Exchange Quarterly* [Internet]. 2011 [cited 2020 September 10];15(2):1–5. Available from: https://www.academia.edu/570970/Gamification_in_Education_What_How_Why_Bother.
6. Braskamp LA. Internationalizing a campus: a framework for assessing its progress. *Journal of College and Character*. 2010;10(7):1–8.
7. Nguyen NT, Biderman MD, McNary LD. A validation study of the Cross-cultural adaptability inventory. *International Journal of Training and Development*. 2010;14(2):112–129.
8. Hammer MR. Solving problems and resolving conflict using the intercultural conflict style model and inventory. In: Moodian MA, editor. *Contemporary leadership and intercultural competence: exploring the cross-cultural dynamics within organizations*. Thousand Oaks: Sage; 2009. p. 219–232.
9. Morais DB, Ogden AC. Initial development and validation of the global citizenship scale. *Journal of Studies in International Education*. 2011;15(5):445–466.
10. Foucault M. *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Rakova MB, Serebryannikova AYU, translators. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya; 2004. 416 p. Russian.
11. Duranti A, Goodwin Ch, editors. *Rethinking context: language as an interactive phenomenon: (studies in the social and cultural foundations of language)*. Cambridge: Cambridge University Press; 1992. 363 p.
12. Webster L, Mertova P. *Using narrative inquiry as a research method: an introduction to critical event narrative analysis in research, teaching and professional practice*. London: Routledge; 2007. 144 p.

Статья поступила в редколлегию 10.04.2022.
Received by editorial board 10.04.2022.

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ЧЖЭН ЖЭНЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Определены истоки философии образования в Беларуси, различающиеся предметным полем, категориальным аппаратом и используемыми теоретическими подходами: философские идеи белорусских просветителей, советская традиция философских вопросов педагогики, теория марксизма, а также западная философская традиция. Дальнейшее развитие философии образования в Беларуси характеризуется доминированием одного из данных подходов или синтезом таких подходов. Социально-политические и экономические изменения белорусского общества оказали существенное влияние на институционализацию философии образования. Они также воздействовали на проблемное поле, используемые методы и применяемые подходы данной научной дисциплины. Выделены этапы развития философии образования как академической дисциплины (этап становления (1990–2000-е гг.) и современный этап развития (начало XXI в. – настоящее время)) и области специальных исследований в Беларуси.

Ключевые слова: философия образования; философская мысль Беларуси; белорусская философская традиция; образование в Беларуси; марксизм; западная философия образования.

PHILOSOPHY OF EDUCATION IN BELARUS: PROBLEM FIELD AND PROSPECTS

ZHENG REN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article identifies the origins of the philosophy of education in Belarus – the philosophical ideas of the Belarusian enlighteners, the Soviet tradition of «philosophical questions of pedagogy», the theory of Marxism, as well as the Western philosophical tradition, differing in the subject field, categorical apparatus, theoretical approaches used. The further development of the philosophy of education in the Belarus is characterised by the dominance of one of these approaches or their synthesis. The change in the political and socio-economic situation in Belarus has had a decisive impact on the very possibility of the existence of the philosophy of education, on the ideas about the problem field of the philosophy of education, the methods used and the approaches used. The following stages of the development of the philosophy of education as an academic discipline (the stage of formation (1990–2000s) and the modern stage of the development (the beginning of the 21st century – present time)) and field of research in Belarus are highlighted.

Keywords: philosophy of education; philosophical thought of Belarus; Belarusian philosophical tradition; education in Belarus; Marxism; Western philosophy of education.

Образец цитирования:

Чжэн Жэнь. Философия образования в Беларуси: проблемное поле и перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;1:51–56.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-51-56>

For citation:

Zheng Ren. Philosophy of education in Belarus: problem field and prospects. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;1:51–56. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-51-56>

Автор:

Чжэн Жэнь – аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент В. С. Сайганова.

Author:

Zheng Ren, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
155352257@qq.com

Введение

Образование – стратегически важный ресурс прогресса любого общества, от состояния которого зависит не только жизнь отдельной личности, но и благосостояние и безопасность общества и государства в целом. Формирование и совершенствование высококачественной национальной системы образования, государственная и общественная поддержка ее приоритетного развития являются значимыми факторами научно-технического, социально-экономического и культурно-духовного прогресса, а также способствуют становлению творческих, интеллектуальных и производительных сил нации. Обеспечить устойчивый и долговременный экономический рост страны можно только посредством создания национальной системы образования, которая будет соответствовать современным глобализационным процессам, что, в свою очередь, предполагает необходимость философского осмысления феномена образования и рефлексии над основными образовательными концептами.

Формирование философского знания неизбежно вовлекает в свое проблемное поле вопросы образования. Теоретическое осмысление роли воспитания и образования в жизни общества является важной характеристикой философии Беларуси. Великие белорусские просветители (Евфросиния Полоцкая, Кирилл Туровский, Франциск Скорина, Николай Гусовский, Симон Будный и др.) подчеркивали важность образования в формировании личности и эволюции общества. Несмотря на их интерес к таким вопросам истоки возникновения философии образования в Беларуси относятся к концу XX в. Как академическая дисциплина и область философской рефлексии, философия образования в Беларуси получила быстрое развитие, однако оно не было качественно и количественно равномерным. Это позволяет выделить отдельные этапы, для каждого из которых характерны свои подходы к определению проблемного поля философии образования, что и является предметом исследования данной статьи.

Истоки и традиции философии образования в Беларуси

Можно отметить следующие истоки философии образования в Беларуси: философско-педагогические идеи белорусских просветителей, советская педагогическая традиция, теория марксизма и западная философия образования.

Особое значение воспитания и образования в развитии личности подчеркивали известные белорусские мыслители эпохи Просвещения. Просветительская деятельность в области христианской книжности Евфросинии Полоцкой и Кирилла Туровского сыграла важную роль в распространении письменности и образования на белорусских землях.

По мнению Евфросинии Полоцкой, книги повышают образованность народа, укрепляют душу и веру человека, помогают ориентироваться в сложных жизненных обстоятельствах, способствуют сохранению лучших духовных устремлений людей и усиливают связь между поколениями. Кирилл Туровский также формулировал первостепенное значение в жизни человека книжных знаний, гуманитарной науки и познания. Он считал, что фундаментом совершенствования духовного мира каждой личности и общества в целом является развитие грамотности и просвещения.

Значительное влияние на распространение знаний и образования оказал Франциск Скорина, педагогические идеи которого поднимали вопросы о значимости воспитания, образования и просвещения в жизни общества. Такие идеи нашли отражение в притчах и предисловиях этого белорусского первопечатника, содержащихся в каждой его книге. Вслед за Сократом, Платоном и Демокритом Фран-

циск Скорина утверждал, что мудрость – это условие нравственных качеств и добродетельной жизни. Он считал целесообразным разностороннее (умственное, нравственное, трудовое и патриотическое) воспитание на родном языке. Просветитель полагал, что оно должно способствовать познанию человеком самого себя.

Белорусский поэт-гуманист Николай Гусовский изложил социально-педагогические воззрения в произведении «Песнь о зубре». По его мнению, личности необходимо трудовое, физическое и умственное воспитание. Приоритет просветитель отдавал нравственному воспитанию: «Государство опирается больше на доблесть духа, чем на силу тела...» [1, с. 57]. Николай Гусовский выступал за творческое освоение античного наследия и интеллектуального опыта современной ему Европы с учетом особенностей белорусской культуры.

Такие интеллектуальные деятели белорусских земель, как Симон Будный и В. Н. Тяпинский, широко развивали идею обучения на родном языке, считая, что произведения на нем способствуют воспитанию гражданских чувств и нравственных качеств.

Социально-педагогический характер носили воззрения известного просветителя Симеона Полоцкого. Обращаясь к вопросу о развитии человека, мыслитель утверждал, что ребенок формируется под воздействием окружающей его среды. Воспитанию просветитель отводил роль преобразующей силы, направляющей развитие человека в позитивное русло и ограждающей от дурного влияния: «...детям запрещать плохое сообщество, не допускать дружить

с лукавыми... так общающиеся с добром обучаются доброте или по крайней мере не привыкают делать зла» [1, с. 344].

Существенное значение в последующем развитии общественно-педагогического движения за создание народной школы в Беларуси имела деятельность по возрождению белорусского языка А. Е. Богдановича, Тётки, Якуба Коласа и Янки Купалы. Они подчеркивали уважение к человеку труда и необходимость просвещения народа на родном ему языке, а также участвовали в образовательных реформах своего времени.

Таким образом, философско-педагогические идеи белорусских просветителей явились важнейшим источником развития и становления белорусской философии образования, ее предмета и круга проблем и оказали значительное влияние на формирование концепции белорусской национальной школы.

Распространение идей марксизма в белорусской философской традиции привело к использованию их для объяснения процессов, происходящих в различных сферах жизни общества, в том числе в образовании. К наиболее известным представителям марксистской теории образования в Беларуси можно отнести С. Я. Вольфсона [2] и П. Я. Панкевича [3], изучавших роль педагогических явлений в классовой борьбе. Они указывали на прямую зависимость педагогических идей от социально-экономической жизни, а при определении значения педагогических идей критически оценивали их с позиций классового подхода.

На рубеже 1980–90-х гг. начинается качественно новый этап в развитии педагогической мысли Беларуси. Постепенно осуществляется переход от марксистско-ленинской методологии к философскому и гносеологическому осмыслению педагогики. В белорусской философии и психолого-педагогической науке того времени, несмотря на отсутствие термина «философия образования», осуществлялись исследования, связанные с философскими вопросами педагогики и образования. Широкое распространение получило изучение вопросов теории воспитания. Так, например, «И. Соловьев изучал воспитательные

возможности ученического коллектива и разрабатывал методику его формирования, а С. Павлович разрабатывал теорию трудового воспитания и политехнического образования» [4, с. 238]. Предметом особого интереса являлась проблема обоснования условий, способствующих установлению гуманитарных отношений в многонациональных учебно-воспитательных и трудовых коллективах. Психологи и педагоги уделяли внимание теории создания благоприятной для ребенка среды воспитания [5, с. 40–46].

В философии образования советского периода существовал широкий спектр подходов к образовательной проблематике (кибернетический и интеллектуально-деятельностный подходы, проблемное обучение, диалогический и культурологический подходы и др.). Результатом такого теоретического многообразия подходов стало включение образовательной проблематики в дискурс философской науки как необходимой составляющей ее концептуального содержания.

Становление в Беларуси философии образования как области философского знания и учебной дисциплины относится к концу XX в. и связано с влиянием прагматизма Дж. Дьюи на теорию и практику образования. Интерес к философии образования Дж. Дьюи в белорусской педагогической мысли существовал и ранее, он был обусловлен тем, что педагоги Беларуси признавали ценность индивидуальности обучающегося и считали необходимым вовлекать школу в социальную жизнь. Однако вплоть до 1990-х гг. в советской философской традиции прагматизм рассматривался как субъективный идеализм, обладающий чертами иррационализма и волюнтаризма, которые на тот момент противоречили методологии диалектического материализма. Возрождение интереса к педагогическим идеям Дж. Дьюи в 1990-х гг. были обусловлены осознанием ценности рефлексивной модели образования, гражданского воспитания, школы общения и интерактивных методик. Исследовательский интерес и критический анализ педагогических взглядов Дж. Дьюи встречаются в работах Т. Н. Буйко [5], А. В. Кузнецова [6] и др.

Становление и развитие предмета философии образования в Беларуси

Социально-политические и экономические изменения белорусского общества повлияли на институционализацию философии образования, а также на представления о проблемном поле философии образования. Выделяются следующие этапы развития философии образования в Беларуси: становление философии образования в Беларуси (1990–2000-е гг.) и современный этап развития философии образования (начало XXI в. – настоящее время).

Белорусская философия образования, как академическая дисциплина и область философской реф-

лексии, основана на аккумулировании традиций истории философской мысли Беларуси и богатого опыта педагогической мысли советского периода, а также на результате заимствования, адаптации и развития идей западной философии образования XX в.

Так, вплоть до 1990-х г. образование рассматривалось с нескольких мировоззренческих ракурсов: с позиции марксистско-ленинской философии, с позиции психолого-педагогической науки, а также через призму позитивистской философии и социологии,

утверждающих научное знание в качестве основы содержания образования. Отход от марксистско-ленинской идеологии привел к необходимости поиска новых теоретико-методологических и идеологических оснований образования. Это и стало причиной обращения белорусских ученых к сущностным основаниям образовательной реальности в рамках дисциплины «Философия образования».

Среди основных причин, повлиявших на возникновение и развитие философии образования в белорусской науке, многие исследователи выделяют кризисный характер основных процессов в белорусском образовании; потребность в реформировании системы образования; социальную потребность в непрерывном образовании; необходимость в гибкости и мобильности образования; проблемы, выходящие за пределы сугубо педагогических компетенций; неготовность имеющихся отраслей знания решать назревшие проблемы в системе образования и др.

С начала 1990-х гг. проблема определения дисциплинарного статуса философии образования находится в центре внимания как белорусских философов, так и отечественных педагогов-теоретиков. Первые такие публикации связаны с именами В. Г. Бондарева [7], Н. И. Латыша [8] и др. В философских и педагогических научных изданиях («Вопросы философии», «Педагогика», «Адукацыя і выхаванне» и др.) регулярно публикуются статьи и проводятся круглые столы, посвященные определению перспектив развития философии образования в постсоветской системе социально-гуманитарных дисциплин. Начинают выходить сборники научных статей с обсуждением философско-образовательной проблематики и перспектив развития данной отрасли философского знания, появляются реферативные обзоры и научные монографии (В. П. Старжинский¹, А. И. Левко [9], Т. Н. Буйко [5], Н. И. Латыш [8] и др.), посвященные определению философских подходов к образованию и обоснованию плодотворности философских исследований в сфере образования.

Проблемное поле и перспективы философии образования в Беларуси

Основанием для структурирования проблемного поля философии образования выступает термин «образование» в предельно общем философском его понимании, развертываемом в ходе анализа данного слова в социокультурном контексте.

Актуальным проблемам философии образования посвящены монография и диссертационное исследование Т. Н. Буйко [5]. В них отмечено, что понятие «философия образования» отражает существующую совокупность проблем, конституирующих особый

Понятие «философия образования», обозначенное в разных традициях различными терминами, отражает реально существующую совокупность проблем, конституирующих особый предмет исследования образовательной сферы. Этим предметом являются сущностные основания образования как социокультурного феномена и атрибута человеческого бытия [5]. Исследователи выделяют три подхода к предмету философии образования в данный период. Первый подход заключается в использовании методов философии для осмысления проблем образования. Философия образования рассматривается в качестве основы теории образования. Согласно второму подходу следует исследовать проблемы образования с философской перспективы, а философию образования – как область философского знания. Образование, как предмет философской рефлексии, предстает в виде предельно общего понятия (универсалии культуры) в его взаимодействии с другими универсалиями культуры и философскими категориями. В рамках третьего подхода философия образования должна изучать цели и ценностные основания образования, а также принципы формирования его содержания и направленности [5].

На современном этапе в Беларуси возникла относительно единая версия философии образования как раздела философского знания, призванного раскрыть наиболее общие закономерности и тенденции функционирования и развития образования в качестве особой сферы духовного производства общества. Как предмет философской рефлексии, образование предстает прежде всего в виде универсалии культуры во взаимодействии с другими философскими категориями [5, с. 186–192]. Таким образом, философия образования вычленяет и изучает глубинные основания функционирования образования, детерминанты, движущие силы, цели, функции и содержание образования, а также средства, методы, формы образования (образовательные учреждения и уровни образования) и участников образовательного процесса.

предмет исследования образовательной сферы, т. е. предельные основания образования как социокультурного феномена и атрибута человеческого бытия. Западную философию образования автор оценивал с позиции философских универсалий и их роли в обобщении опыта человечества, организации мышления и построении мировоззрения человека. Данное исследование во многом подытожило работу Ученого совета философии непрерывного образования при Национальном институте образо-

¹Старжинский В. П. Гуманизация инженерного образования: философско-конструктивный подход : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08. Минск, 1997. 39 с.

вания Министерства образования Республики Беларусь, который был создан по инициативе доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля образования Республики Беларусь Н. И. Латыша.

Смысл и логика образования, как считает Н. И. Латыш, заключается в постижении самого важного и в то же время самого трудного из всех искусств, т. е. искусства жить. Он писал: «...система образования выступает одной из тех органичных частей общества и культурной жизни, которая не может рассматриваться и оцениваться отдельно. Она выполняет свою миссию успешно только тогда, когда осознает и обеспечивает интересы личности, нации, общества и государства на различных исторических этапах» [8, с. 6].

Представители образовательной деятельности широко обсуждают философский анализ проблем образования, что обусловлено объективной потребностью общества в социально ориентированном типе личности, способной в условиях глобализации и быстрого роста объема знаний творчески мыслить, находить правильные решения в нестандартных ситуациях и осознавать свое место в современной культуре. Исследования философских проблем образования в Беларуси и в мире в целом нашли свое отражение в работах и научных публикациях А. И. Левко, В. П. Старжинского, М. И. Вишневого и А. Д. Короля [10].

Сегодня в Беларуси сформировалось масштабное научное общество, изучающее область философии образования. В него входят исследователи, представители школ и коллективы, работающие как в Национальной академии наук Беларуси, так и в учреждениях высшего образования страны.

На основе анализа белорусских исследований в сфере философии образования можно выделить следующие особенности современной философии образования в Беларуси:

- углубление и детализацию предметного поля философии образования (из философии образования выделились этика образования и эстетика об-

разования, а также философия высшего и общего образования);

- усиление междисциплинарного характера и интернационализацию исследований в области философии образования (для изучения проблем человеческого существования, развития техники, технологии, глобализации и экономики знаний требуется концептуальный аппарат философии образования в комплексе с другими науками);

- активизацию критической функции философии образования (ее суть заключается в эксплицировании и критическом осмыслении допущений и предпосылок существующих теорий, практик и реформ образования);

- повышение экспертной линии философии образования, проявляющегося максимально в период разработки образовательных реформ и выражающегося в координированной работе коллегиального экспертного философского и педагогического сообществ [11, с. 35–36];

- возрастание идеологической функции философии образования (образование заключается не только в овладении знаниями, но и в формировании у молодого поколения ценностей, убеждений и идеалов).

Отличительной чертой исследовательских программ философии образования в современной Беларуси является ориентация не на личностно-экзистенциальные, а на социокультурные аспекты образовательной реальности. Однако следует отметить, что, несмотря на многообразие поднимаемых и решаемых философией образования проблем, до сих пор координация усилий отдельных авторов и исследовательских групп не находится на должном уровне, а имеющиеся разработки в области философии образования весьма разнятся в семантическом и методологическом плане. Существуют также расхождения представлений белорусских философов относительно сути образования, истории его становления и развития, роли университетского и общего образования и т. д.

Заключение

На становление и развитие белорусской философии образования повлияли философские идеи белорусских просветителей, советская педагогическая традиция, а также западная философия образования. Философия образования в Беларуси возникла в сложном социально-политическом и социально-экономическом контексте, который оказал влияние на развитие данной учебной дисциплины и области академических исследований. Формирование белорусской философии образования демонстрирует возможность плодотворного существования

философии образования как независимой области философского знания, исследующей сущность, природу, формы и исторический опыт образования, его модели, цели и идеалы.

Однако дискуссии о статусе философии образования в системе современного знания, понятийно-методологическом аппарате, теоретическом и практическом потенциале продолжают и находят новые решения для перспективных и актуальных для Беларуси исследований в сфере философии образования.

Библиографические ссылки

1. Бабишин СД, Митюрлов БН, составители. *Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв.* Москва: Педагогика; 1985. 367 с.
2. Вольфсон СЯ. *Марксизм и педагогика.* Минск: Белтрестпечатъ; 1924. 47 с.
3. Панкевич ПЯ. *Гісторыя педагогікі.* Минск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва; 1929. 335 с.
4. Сергейко СА, составитель. *История образования и педагогической мысли.* Гродно: ГрГУ имени Янки Купалы; 2010. 251 с.
5. Буйко ТН. *Философия образования: старая традиция или новая дисциплина?* Минск: НИО; 2000. 210 с.
6. Кузнецов АВ. Проблемы образования в свете новой эколого-футурологической парадигмы социального мышления. В: Кухарчик ПД, Бушчик ВВ, Андарало АИ, редакторы. *Педагогическое образование и наука: история и современность (к 95-летию со дня образования БГПУ). Материалы Республиканской научно-практической конференции. Часть 1; 21 октября 2009 г.; Минск, Беларусь.* Минск: БГПУ; 2009. с. 42–43.
7. Бондарев ВГ. *Современные парадигмы образования: на пути к целостности и самоорганизации.* Минск: НИО; 2003. 128 с.
8. Латыш НИ. *Образование на рубеже веков.* Минск: НИО; 2000. 215 с.
9. Левко АИ. *Теоретико-методологические проблемы образования: социокультурный анализ.* Минск: Бестпринт; 2003. 311 с.
10. Король АД. Куда идет педагогика: «Логос» и «Дао» образования. *Беларуская думка.* 2016;6:64–67.
11. Сайганова ВС. Функциональный статус образования в современном мире. *Философия и социальные науки.* 2015;3:33–36.

References

1. Babishin SD, Mityurov BN, compilers. *Antologiya pedagogicheskoi mysli Drevnei Rusi i Russkogo gosudarstva XIV–XVII vv.* [Anthology of pedagogical thought of Ancient Russia and the Russian state of the 14th–17th centuries]. Moscow: Pedagogika; 1985. 367 p. Russian.
2. Vol'fson SYa. *Marksizm i pedagogika* [Marxism and pedagogy]. Minsk: Belrestpechat'; 1924. 47 p. Russian.
3. Pankevich PJa. *Gistoryja pedagogiki* [The history of pedagogy]. Minsk: Belaruskae dzjarzhawnae vydavectva; 1929. 335 c. Belarusian.
4. Sergeiko SA, compiler. *Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoi mysli* [The history of education and pedagogical thought]. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2010. 251 p. Russian.
5. Buiko TN. *Filosofiya obrazovaniya: staraya traditsiya ili novaya distsiplina?* [Philosophy of education: an old tradition or a new discipline?]. Minsk: National Institute of Education; 2000. 210 p. Russian.
6. Kuznetsov AV. [Problems of education in the light of the new ecological and futurological paradigm of social thinking]. In: Kukharchik PD, Bushchik VV, Andaralo AI, editors. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka: istoriya i sovremennost' (k 95-letiyu so dnya obrazovaniya BGPU). Materialy Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chast' 1; 21 oktyabrya 2009 g.; Minsk, Belarus'* [Pedagogical education and science: history and modernity (on the occasion of the 95th anniversary of the formation of Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank). Proceedings of the Republican scientific and practical conference. Part 1; 2009 October 21; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 2009. p. 42–43. Russian.
7. Bondarev VG. *Sovremennye paradigmy obrazovaniya: na puti k tselostnosti i samoorganizatsii* [Modern paradigms of education: on the way to integrity and self-organisation]. Minsk: National Institute of Education; 2003. 128 p. Russian.
8. Latysh NI. *Obrazovanie na rubezhe vekov* [Education at the turn of the centuries]. Minsk: National Institute of Education; 2000. 215 p. Russian.
9. Levko AI. *Teoretiko-metodologicheskie problemy obrazovaniya: sotsiokul'turnyi analiz* [Theoretical and methodological problems of education: socio-cultural analysis]. Minsk: Bestprint; 2003. 311 p. Russian.
10. Korol' AD. Where pedagogy goes: «Logos» and «Dao» of education. *Belaruskaja dumka.* 2016;6:64–67. Russian.
11. Sayganova VS. Functional status of education in modern society. *The Journal of Philosophy and Social Sciences.* 2015; 3:33–36. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.12.2022.
Received by editorial board 12.12.2022.

УДК 316.772.5:004.738.5(476)

МЕСТО СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И МЕССЕНДЖЕРОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ

М. А. КУДРЕВИЧ¹⁾, Е. В. ШКУРОВА¹⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Проанализированы различные аспекты цифровой коммуникации, возрастная специфика медиапотребления, а также разница методологических подходов к медиаизмерению. Дано определение понятия «информационное пространство». На основе данных социологического исследования населения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, рассмотрена структура пользователей интернета. Выделены основные акторы информационного пространства Беларуси. Сформулирована роль интернета в пространстве медиапотребления. Сделан вывод о преобладании новых медиа (интернет-ресурсы, социальные сети и мессенджеры) в информационном поле. Определены основные проблемы освоения цифровых технологий представителями старшей возрастной группы. Эксплицирован вопрос пересечения семантических полей старшей и младшей возрастных групп ввиду использования различных информационных источников. Интернет-пространство рассмотрено как феномен, претендующий на обладание самостоятельной реальностью. Описаны устройства, с помощью которых осуществляется доступ в интернет. Мобильность подключения и постоянная возможность получать актуальную информацию представлены как характеристики, обеспечивающие быстрое распространение сетевых технологий среди экономически активного населения. Проведено сравнение данных исследований Института социологии НАН Беларуси и международного исследования *DataReportal*. Рассмотрено место социальных сетей и мессенджеров в структуре медиапотребления, а также проанализирована популярность отдельных социальных сетей и мессенджеров среди населения Беларуси с учетом возрастных различий. Определена общая специфика интернет-пространства Беларуси.

Ключевые слова: цифровая коммуникация; информационное пространство; интернет; СМИ; новые медиа; социальные сети; мессенджеры.

Образец цитирования:

Кудревич МА, Шкурова ЕВ. Место социальных сетей и мессенджеров в информационном пространстве Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2023;1:57–64. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-57-64>

For citation:

Kudrevich MA, Shkurova AV. The position of social networks and messengers in the information space of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2023;1:57–64. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-57-64>

Авторы:

Максим Александрович Кудревич – аспирант кафедры управления и экономики высшей школы. Научный руководитель – Е. В. Шкурова.

Елена Валерьевна Шкурова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры управления и экономики высшей школы.

Authors:

Maxim A. Kudrevich, postgraduate student at the department of management and economics of higher school. tsmok21@gmail.com

Alena V. Shkurova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of management and economics of higher school.

vogel_82@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1214-0783>

THE POSITION OF SOCIAL NETWORKS AND MESSENGERS IN THE INFORMATION SPACE OF BELARUS

M. A. KUDREVICH^a, A. V. SHKUROVA^a

^aNational Institute of Higher Education, 15 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

Corresponding author: A. V. Shkurova (vogel_82@mail.ru)

The article analyses various aspects of digital communication. The concept of information space is defined. The structure of Internet users is considered based on sociological study of the population by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus. The main actors of the information space in Belarus are singled out. The role of the Internet in the space of media consumption is determined. The conclusion about the predominance of new media (Internet resources, social networks and instant messengers) in the information field is made. The age specificity of media consumption is analysed. The main problems of mastering digital technologies by representatives of the older age group are highlighted. The problem of the intersection of the semantic fields of the older and younger age groups is explicated due to the use of various information sources. The Internet space is considered as a phenomenon that claims to have an independent reality. The devices that provide access to the Internet are described. Mobility of connection and constant access to up-to-date information are presented as characteristics that ensure the rapid spread of network technologies among the economically active population. The data of the study of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus and the international study *DataReportal* are compared. The difference of methodological approaches to media measurement is analysed. The place of social networks and messengers is considered in the structure of media consumption, and the popularity of individual social networks and messengers among the population of Belarus is analysed, taking into account age differences. The general specificity of the Internet space of Belarus is determined.

Keywords: digital communication; information space; Internet; mass media; new media; social networks; messengers.

Введение

Расширение значения интернета в современном мире представляется очевидным и закономерным. Цифровая коммуникация, возможность которой во многом определяется распространением сетевых технологий, постепенно становится основной формой взаимодействия между различными социальными субъектами (люди, общности, институты). Проблемами в формулировании последствий такой трансформации являются неточность самих исходных понятий и концепций (цифровизация, сетевое пространство, новые медиа, социальные сети и др.) и их принципиальная трансдисциплинарность,

а также расположенность между социально-гуманитарными и компьютерными науками. Такая локализация объекта исследования ставит перед учеными задачи либо двигаться наощупь (тем самым позитивистки описывать все возникающие в обществе интернет-феномены) и надеяться увидеть нечто общее среди всего многообразия, либо искать единое основание и пытаться синтезировать различные научные подходы к описанию сетевого пространства и цифровых объектов. Целью данной статьи является построение контекста для будущих исследований сетевого пространства и его особенностей в Беларуси.

Методология исследования

Эмпирической базой настоящей работы служат материалы исследования¹, проведенного в октябре 2021 г. Институтом социологии НАН Беларуси. В качестве генеральной совокупности рассматривалось население страны старше 18 лет. Использовался метод опроса «лицом к лицу» по репрезентативной случайной республиканской территориальной выборке с проверкой квот на последнем этапе. Замеры осуществлялись во всех регионах Беларуси с соблюдением пропорционального представительства по основным социально-демографическим характеристикам генеральной совокупности

(пол, возраст, образование). Объем выборочной совокупности составил 1501 человек (ошибка выборки – 2,5 % при уровне значимости, равном 0,05). Выборочная совокупность репрезентативна по семи регионам республики (шесть областей и г. Минск) и зонам проживания (областные центры (с населением свыше 250 тыс. человек), крупные города (от 100 до 250 тыс. человек), большие города (от 50 до 100 тыс. человек), города с населением от 10 до 50 тыс. человек и малые города (с населением менее 10 тыс. человек), а также поселки городского типа и сельские населенные пункты).

¹Исследование проведено по заказу Министерства информации Республики Беларусь в рамках выполнения научно-исследовательской работы «Разработка рекомендаций и предложений по повышению уровня доверия населения к различным видам СМИ».

Результаты и их обсуждение

Результатом семантической деятельности человека является формирование информационной сферы (пространства). Интерес к данному феномену в системе социального знания обусловил появление множества интерпретаций, при обобщении которых можно говорить о том, что категория «информационное пространство» понимается в широком и узком смысле. Информационное пространство в широком смысле – пространство создания, передачи и потребления информации [1], т. е. все семантическое пространство. В более частном смысле, в котором подчеркивается технологическая часть информационной сферы, это совокупность банков и баз данных, технологий их сопровождения и использования, а также телекоммуникационных систем, обеспечивающих информационное взаимодействие и удовлетворение информационной потребности². Разница двух определений заключается в том, что в первом случае не подчеркивается значение хранения информации и ее агрегирования, а во втором нивелируется значение созидания информации (исключается функция наполнения баз и банков данных акторами информационного пространства). Для целей анализа проведенного исследования уместной представляется интерпретация, ориентированная на процессуальный и деятельностный аспекты, когда под информационным пространством понимается особая форма социального пространства, «сутью которой является наличие социальной коммуникации как процесса, т. е. акта, действия, деятельности» [2, с. 7]. В условиях цифровой трансформации происходит смена системы групповых интересов и способов социального взаимодействия. Меняются не качественные характеристики социальных субъектов, а те аспекты их деятельности, которые детерминированы использованием новых технологий [3, с. 180].

Таким образом, первой задачей данного исследования является определение тех акторов и институтов, благодаря которым происходит циркулирование информационных потоков в Беларуси. Можно по-

разному их классифицировать и категоризировать, но авторы настоящей статьи исходили из технологического разделения на традиционные СМИ и новые медиа (интернет-медиа в узком смысле). Под традиционными СМИ понимаются телевидение, радио, печатная пресса (периодические издания), а также книжные издания. К новым медиа относятся интернет-ресурсы (сайты, форумы, блоги), социальные сети (*ВКонтакте*, *Facebook*, *Instagram*, *TikTok* и др.) и мессенджеры (*Telegram*, *Viber*, *WhatsApp* и др.). Кроме того, для полноты картины в структуру информационных ресурсов включаются традиционные формы коммуникации: личное общение и общение с коллегами.

Ввиду того что доступ к новым медиа предполагает наличие навыков использования всемирной сети (цифровых навыков в более широком смысле), необходимо определить ареал интернет-пространства, прежде чем приступать к картографированию информационного пространства Беларуси. Первыми вопросами в определении значения интернета для современного белорусского общества выступают общее количество потребителей (среди населения старше 18 лет) и частота использования сети. В соответствии с материалами исследования 77,1 % респондентов являются пользователями интернета, а 71,1 % из них обращаются к нему ежедневно (табл. 1). Такие данные в целом согласуются с информацией, представленной в статистическом сборнике «Информационное общество в Республике Беларусь», подготовленном Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь. Согласно этим данным по состоянию на 2021 г. 85,1 % населения Беларуси используют интернет и 71,3 % респондентов делают это ежедневно. Статистические данные также позволяют наблюдать динамику увеличения удельного веса пользователей: с 2014 г. общее количество пользователей сети выросло на 21,5 %, а число активных (ежедневных) пользователей – на 30,0 % [4, с. 22].

Таблица 1

Доля ответов респондентов на вопрос:
«Как часто Вы пользуетесь интернетом?» – в зависимости от возраста, %

Table 1

Share of respondents' answers to the question:
«How often do you use the Internet?», depending on age, %

Ответ	Доля ответов	Возраст		
		18–30 лет	31–50 лет	51 год и старше
Практически каждый день	71,1	98,0	87,5	36,4
Несколько раз в неделю	4,9	1,1	5,0	7,6
Раз в неделю	0,8	0,0	0,6	1,6

²Информационное пространство: основные понятия и термины [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finam.ru/dictionary/wordf00276/> (дата обращения: 08.07.2022).

Окончание табл. 1
Ending table 1

Ответ	Доля ответов	Возраст		
		18–30 лет	31–50 лет	51 год и старше
Реже, чем раз в неделю	0,3	0,0	0,2	0,7
Не пользуюсь	22,3	0,7	6,3	52,5
Затрудняюсь ответить	0,6	0,2	0,4	1,2

При анализе пользовательской аудитории интернета можно наблюдать неравномерность ее возрастной структуры. Так, использование интернета характерно для 99,1 % молодых людей (18–30 лет) и 93,3 % представителей средней возрастной группы (31–50 лет). Значительно меньшее его потребление наблюдается у респондентов старшей возрастной группы (51 год и старше): 46,3 % опрошенных пользуются интернетом, из которых 36,4 % делают это ежедневно. Кроме того, 52,5 % представителей этой возрастной группы не используют интернет вообще. Данная возрастная структура, таким образом, позволяет обозначить несколько особенностей функционирования интернет-пространства. Медийное наполнение рассматриваемой сети в большей степени коррелирует с социальными запросами молодежи и средней возрастной группы как естественной целевой аудитории и главными контент-мейкерами данного канала информации. Интернет является наиболее перспективным информационным каналом, так как практически полностью охватывает экономически активное население Беларуси.

Естественный возрастной разрыв между представителями молодого и старшего поколений усугубляется ввиду слабой пересекаемости их семантических полей, потому что пользовательская активность старшей возрастной группы в интернете низкая.

Интернет-ресурсы, наряду с телевидением, сейчас являются основным информационным каналом: доля их пользователей составляет 63,2 и 61,3 % соответственно. Помимо интернет-ресурсов и телевидения, в условный топ-5 информационных каналов входят личное общение (59,3 %), социальные сети (51,0 %) и мессенджеры (35,5 %) (табл. 2). Таким образом, новые медиа (интернет-ресурсы, социальные сети и мессенджеры), как информационный канал, уже доминируют над традиционными СМИ (телевидение, пресса, радио и др.). Трансформация информационного пространства в Беларуси произошла в пользу современных технологических решений, и, как следствие, вопрос определения новой информационной политики, поиска других средств его регуляции, а также оценки его внутренней специфики становится все более актуальным.

Таблица 2

**Доля ответов респондентов на вопрос:
«Из каких источников Вы обычно получаете информацию?» –
в зависимости от возраста, %**

Table 2

**Share of respondents' answers to the question:
«From what sources do you usually get information?», depending on age, %**

Ответ	Доля ответов	Возраст		
		18–30 лет	31–50 лет	51 год и старше
Из интернет-ресурсов	63,2	84,9	79,4	32,6
Из телевидения	61,3	29,8	59,9	86,0
Из личного общения	59,3	63,4	57,1	58,1
Из социальных сетей	51,0	83,7	58,7	19,8
Из мессенджеров	35,5	63,0	38,4	12,5
Из общения с коллегами	23,3	24,7	30,8	15,8
Из прессы (газеты, журналы)	23,0	4,1	21,1	38,9
Из радио	16,6	8,3	15,6	23,7
Из книжных изданий	13,4	19,0	10,0	12,3
Затрудняюсь ответить	0,4	0,5	0,4	0,4

Для всех возрастных групп, кроме старшей, доминирование новых медиа как источника информации является трендом. Обращение к современным медиа особенно характерно для молодежи, среди которой за получением информации к интернет-ресурсам обращаются 84,9 % респондентов, к социальным сетям – 83,7 % опрошенных, к мессенджерам – 63,0 % представителей молодежи. Единственным информационным источником, который составляет конкуренцию интернет-сфере и может разбавить ее содержание, становится личное общение (63,4 %). В отношении традиционных СМИ и их информационного наполнения молодежь остается закрытой, т. е. не использует данные источники.

Противоположная ситуация характеризует старшее поколение, для которого основным информационным каналом, составляющим его семантическое пространство, являются традиционные СМИ, в частности телевидение (86,0 %). Проблема освоения семантики интернет-пространства старшим поколением раскрывается двояко. С одной стороны, для представителей данной группы существует естественный цифровой барьер. Далеко не у всех возникает необходимость переформатировать свою

повседневность, складывающуюся десятилетиями, в пользу освоения интернета, где приходится заново учиться работать с информационными источниками. С другой стороны, для старшей возрастной группы оно становится не инклюзивным даже при учете того, что представители этой группы преодолели технологические пороги вхождения в интернет-пространство. Семантическое пространство интернета отлично от аналогичного пространства несетевой реальности, и для ориентации в первом требуется не только освоение пользовательского интерфейса, но и понимание правил и специфики его использования. Интернет-пространство в целом претендует на статус отдельной реальности со своими законами функционирования и организации.

Существуют характеристики, способствующие развитию популярности интернет-технологий. Одна из них – мобильность. Так, чаще всего для выхода в сеть 92,3 % белорусов используют мобильные телефоны и смартфоны (табл. 3), иными словами, это те пользователи, которые имеют постоянный доступ к интернету. Помимо смартфонов, для подключения к сети респонденты используют ноутбуки (32,5 %), стационарные компьютеры (23,6 %) и планшеты (11,5 %).

Таблица 3

**Доля ответов интернет-пользователей на вопрос:
«Какие устройства Вы чаще всего используете для выхода в интернет?» –
в зависимости от возраста, %**

Table 3

**Share of Internet users' answers to the question:
«What devices do you most often use to access the Internet?», depending on age, %**

Ответ	Доля ответов	Возраст		
		18–30 лет	31–50 лет	51 год и старше
Стационарный компьютер	23,6	20,1	25,6	25,5
Ноутбук	32,5	45,3	26,9	22,4
Планшет	11,5	15,6	10,4	7,3
Мобильный телефон, смартфон	92,3	96,3	95,1	81,2
Другое	0,3	0,7	0,2	0,0
Затруднюсь ответить	0,8	0,4	0,4	2,0

Особенности технологического обеспечения доступа к информации в контексте возрастной специфики определяются двумя тенденциями. Удобство использования обуславливает абсолютное лидерство смартфона как доминирующего средства доступа к информации в интернете для всех возрастных групп. Ключевым аспектом, определяющим выбор технического устройства для молодежи, является его мобильность. Если стационарный компьютер, как средство доступа к сети, в средней и старшей возрастных группах использует каждый четвертый респондент, то среди молодежи – каждый пятый. По-

пулярность ноутбуков и планшетов в молодежной среде вдвое выше, чем в старшей возрастной группе.

В отличие от других технических средств доступа к информации смартфоны и мобильные телефоны становятся неотъемлемой частью нашей жизни. Таким образом, осуществление почти всех повседневных практик сопровождается использованием данных гаджетов. Это в том числе определяет специфику форм подачи информации: сегодня актуальной задачей разработки и поддержания работоспособности любого сайта является наличие мобильной версии, а в случае с наиболее популярными

источниками – вывод ресурса в отдельное приложение для смартфона.

Популярность смартфонов сказывается и на специфике восприятия пользовательских практик. Ежегодно аналитиками *DataReportal*³ при поддержке *Hootsuite*⁴ и *We are social*⁵ издается отчет о мировых трендах использования цифровых и интернет-технологий, который затрагивает и ситуацию в Беларуси. Так, 2022 г. не стал исключением⁶. Согласно данным февральского отчета количество мобильных подключений на начало 2022 г. в Беларуси составляло 11,64 млн (или 123,3 % от общего населения). За год прирост интернет-пользователей составил 70 тыс. человек (0,6 %), и по состоянию на январь 2022 г. их было 8,03 млн человек (85,1 % населения). Кроме того, впервые за десятилетнюю историю измерений численность пользователей сети снизилась за год на 7 тыс. человек (1,0 %). По результатам измерений белорусы преимущественно выходят в сеть с помощью ноутбуков и компьютеров (57,0 %). Тем не менее доля использования указанных устройств снижается в пользу смартфонов (42,0 % пользователей в 2022 г. с учетом ежегодного прироста в 13,2 % человек).

Таким образом, данные агрегатора отличаются от собственных оценок пользователей интернет-пространства, для которых смартфон является неотъемлемой частью жизни. Специфика используемых технических средств частично сказывается на особенностях востребованности информации. Особую значимость приобретает не только познавательная, но и коммуникативная функция, что способствует популяризации социальных сетей и мессенджеров как источников информации.

Согласно данным *DataReportal* количество пользователей социальных сетей возросло за год на 450 тыс. человек и составило 4,35 млн человек (46,1 % от численности населения). Кроме того, 95,7 % пользователей выходят в социальные сети с мобильных устройств. Фактическое число пользователей может быть ниже за счет возможности создания нескольких аккаунтов. Агрегатор демонстрирует, что на первом месте среди социальных сетей у пользователей стоит *Instagram* и *TikTok* (табл. 4), значительно им уступают *LinkedIn* и *Facebook* (здесь следует учитывать, что статистика пользователей социальных сетей российских правообладателей не ведется).

Таблица 4

Количество пользователей социальных медиа

Table 4

Number of social media users

Социальное медиа	Пользователи, тыс. чел.	Доля пользователей от населения Беларуси, %	Доля пользователей от тех, кому доступна регистрация, %	Доля пользователей от интернет-аудитории страны, %
<i>Facebook</i>	0,706 1	7,50	8,8 (старше 13 лет)	8,8
<i>Instagram</i>	3,700 0	39,20	46,3 (старше 13 лет)	46,1
<i>TikTok</i>	3,080 0	32,60	41,0 (старше 18 лет)	38,3
<i>Facebook Messenger</i>	0,222 1	2,40	2,8 (старше 13 лет)	2,8
<i>LinkedIn</i>	0,730 0	7,70	9,7 (старше 18 лет)	9,1
<i>Twitter</i>	0,187 4	1,99	2,3 (старше 13 лет)	2,3

Примечание. Составлено авторами на основе данных отчета [4].

Очевидно, что регистрация аккаунта в социальной сети не означает активный кастомный режим. В этой связи интерес представляет специфика самооценки пользовательской аудитории социальных сетей и мессенджеров. Так, 75,3 % опрошенных указали, что пользуются хотя бы одной социальной сетью (85,6 % от числа молодежи, 74,9 % от числа представителей средней возрастной группы и 59,89 % от числа респондентов старшей возрастной группы). Структура пользовательских предпо-

чтений имеет принципиальные возрастные отличия (табл. 5). Лидирующее место среди молодежи занимают такие ресурсы, как *ВКонтакте* (61,9 %) и *Instagram* (59,5 %). Вторыми по значимости являются *TikTok* (16,3 %) и *Facebook* (14,8 %). На последнем месте оказалась сеть *Одноклассники* (13,5 %). Представители средней возрастной группы используют *ВКонтакте*, *Instagram* и *Одноклассники* относительно равномерно при лидерстве *ВКонтакте* (38,3 %). Социальной сетью *Facebook* пользуются

³*DataReportal* – аналитическая платформа по изучению интернет-аудитории.

⁴*Hootsuite* – платформа для управления социальными сетями.

⁵*We are social* – агентство, специализирующееся на онлайн-коммуникациях и нативной рекламе

⁶Digital 2022: Belarus [Electronic resource]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-belarus> (date of access: 04.10.2022).

17,6 % опрошенных, а *TikTok* – лишь 7,1 % респондентов. Для пожилых людей ключевую роль играет социальная сеть *Одноклассники*: число ее пользова-

телей приближается к половине интернет-аудитории, доля пользователей других социальных сетей не превышает 15,0 %.

Таблица 5

Доля ответов респондентов на вопрос:
«Какие социальные сети Вы используете?» – в зависимости от возраста, %

Table 5

Share of respondents' answers to the question:
«What social networks do you use?», depending on age, %

Ответ	Доля респондентов	Возраст		
		18–30 лет	31–50 лет	51 год и старше
<i>ВКонтакте</i>	41,5	61,9	38,3	15,2
<i>Instagram</i>	37,3	59,5	33,2	10,1
<i>Одноклассники</i>	29,1	13,5	33,2	46,3
<i>Facebook</i>	14,0	14,8	17,6	6,3
<i>TikTok</i>	9,2	16,3	7,1	1,9
Другие*	5,6	7,2	5,7	3,6
Не пользуюсь социальными сетями	11,0	2,0	12,2	22,8
Затрудняюсь ответить	13,7	12,4	12,9	17,4

Примечание. *Среди других ресурсов респонденты отметили *YouTube*, *Twitter*, *Google+* и *Мой мир*. Доля их пользователей не превышает 3,3 %.

Возрастные отличия характеризуют и пользователей мессенджеров (78,0 % от общего числа интернет-пользователей): представители старшего поколения (67,7 %) пользуются ими заметно реже по сравнению с молодежью (82,7 %) и представителями среднего поколения (80,7 %). Первым по популярности мессенджером для интернет-аудитории всех возрастов является *Viber*. Доля молодых людей, использующих *Telegram*, почти в 2 раза превышает аналогичный показатель среди среднего положе-

ния и в 3,5 раза – среди старшего поколения. Сервис *WhatsApp* занял последнее место в рейтинге ресурсов для обмена сообщениями. Он также предпочтительнее среди молодежи. Тот факт, что социальные сети зачастую называют мессенджерами, отражает, с одной стороны, размытость представлений части пользовательской аудитории о составе интернет-ресурсов, с другой стороны, значимость возможности обмена сообщениями и коммуникации при их использовании.

Таблица 6

Доля ответов респондентов на вопрос:
«Какие мессенджеры Вы используете?» – в зависимости от возраста, %

Table 6

Share of respondents' answers to the question:
«What messengers do you use?», depending on age, %

Ответ	Доля респондентов	Возраст		
		18–30 лет	31–50 лет	51 год и старше
<i>Viber</i>	70,7	70,5	75,3	63,3
<i>Telegram</i>	27,6	42,0	23,5	12,3
<i>WhatsApp</i>	15,6	19,6	15,2	10,0
Другое*	2,6	4,5	1,0	2,2
Не пользуюсь мессенджерами	9,0	3,9	8,6	17,7
Затрудняюсь ответить	12,6	13,4	10,7	14,6

Примечание. *Среди других ресурсов респонденты отметили *QIP*, *Skype*, а также социальные сети. Доля их пользователей не превышает 1,4 %.

Заклучение

Таким образом, популяризация новых медиа является базовым трендом, характеризующим информационное пространство Беларуси. Это обуславливает специфику формирующих его субъектов и технологического сопровождения. Базовым контент-мейкером и потребителем информации в интернете является молодежь, основным техническим средством обеспечения доступа к ней – смартфон, ключевым условием выбора технических устройств – возможность мобильного использования. Поколенческие отличия использования ин-

тернета связаны с высокой активностью молодежи и достаточно низкими информационными потребностями старшей возрастной группы. В особенностях потребительских практик старшей возрастной группы проявляется феномен культурного отставания: им гораздо сложнее ориентироваться на рынке технологических новинок и адаптироваться к информационно-коммуникационным технологиям. Это обуславливает наличие семантического разрыва в коммуникативных практиках старшего поколения и молодежи.

Библиографические ссылки

1. Проскурин С.А. Геополитическое измерение глобального информационного пространства. В: Михайлов В.А., редактор. *Геополитика*. Москва: РАГС; 2007. 261 с.
2. Правдивец В.В., Ротман Д.Г., Русакевич В.В. *Информационное поле Республики Беларусь. Структура и подходы к изучению. Формирование и развитие*. Минск: Зималетто; 2009. 184 с.
3. Черняк Ю.Г. Цифровизация и технологизация общественной жизни как фактор трансформации социокультурной сферы современного общества. *Социологический альманах*. 2020;11:174–183.
4. Медведев И.В., редактор. *Информационное общество в Республике Беларусь. Статистический сборник*. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; 2021. 97 с.

References

1. Proskurin S.A. [Geopolitical dimension of the global information space]. In: Mikhailov V.A., editor. *Geopolitika* [Geopolitika]. Moscow: RAGS; 2007. 261 p. Russian.
2. Pravdivets V.V., Rotman D.G., Rusakevich V.V. *Informatsionnoe pole Respubliki Belarus'. Struktura i podkhody k izucheniyu. Formirovanie i razvitie* [Information field of the Republic of Belarus. Structure and approaches to study. Formation and development]. Minsk: Zimaletto; 2009. 184 p. Russian.
3. Chernyak Yu.G. Digitalization and technology of public life as a factor of transforming the socio-cultural sphere of modern society. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2020;11:174–183. Russian.
4. Medvedev I.V., editor. *Informatsionnoe obshchestvo v Respublike Belarus'. Statisticheskii sbornik* [Information society in the Republic of Belarus. Statistical collection]. Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus; 2021. 97 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.10.2022.
Received by editorial board 14.10.2022.

УДК 316.334.55(476)

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОЙ ПРОВИНЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Ю. САКОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Разработана структура белорусской провинции. Рассмотрены перспективы ее развития. Установлено, что в целях обеспечения агропромышленного комплекса образованными, квалифицированными кадрами необходимо использовать трудовые ресурсы не только деревень, агрогородков и поселков городского типа, но и малых провинциальных городов. Представлена схема транспортного сообщения сельскохозяйственных предприятий и населенных пунктов. На основе результатов социологического исследования социальной адаптации молодых специалистов (2019), направленных на работу в агрогородки Мядельского района, раскрыты особенности жилищного обеспечения молодежи на селе. Предложены практические рекомендации по закреплению молодых кадров на селе. Установлена неоднородность белорусской провинции, которая обуславливает необходимость принятия мер, направленных на развитие конкретных регионов с учетом их природных, географических, культурных, социальных, экономических и демографических особенностей.

Ключевые слова: белорусская провинция; структура белорусской провинции; агропромышленный комплекс; кадровое обеспечение; закрепление кадров; специфика провинциальных регионов.

DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN PROVINCE: A SOCIOLOGICAL ASPECT

A. Yu. SAKOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The structure of the Belarusian province has been developed. The prospects of its development are considered. It is established that in order to provide the agro-industrial complex with educated, qualified personnel, it is necessary to use the labour resources of not only villages, agro-towns, urban-type settlements, but also small provincial cities. The scheme of transport communication of agricultural enterprises and settlements is presented. The sociological study the social adaptation of young professionals sent to work in the agro-towns of the Myadel district (2019) has revealed the features of housing provision for young people in rural areas. The author proposes practical recommendations for staying of young cadres in rural areas. The heterogeneity of the Belarusian province has been established. It demands the adoption of measures aimed at the development of specific regions, taking into account their natural, geographical, cultural, social, economic, demographic characteristics.

Keywords: Belarusian province; the structure of the Belarusian province; agro-industrial complex; staffing; personnel retention; specifics of provincial regions.

В Беларуси относительно недавно начали проводить социологические исследования провинции. Чаще внимание ученых привлекало изучение сель-

ских регионов. В 1920–30-х гг. сельская тематика прослеживалась в трудах С. Я. Вольфсона, в 1960–70-х гг. под руководством Г. П. Давидюка иссле-

Образец цитирования:

Сакович АЮ. Развитие белорусской провинции: социологический аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023; 1:65–74.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-65-74>

For citation:

Sakovich AYU. Development of the Belarusian province: a sociological aspect. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;1:65–74. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-65-74>

Автор:

Анжела Юрьевна Сакович – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anzhela Yu. Sakovich, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
sakovich05@mail.ru

довались села. В конце 1980-х гг. открылся отдел социальной динамики сельского населения Республиканского центра социологических исследований АН БССР, которым руководил А. С. Круковский. В 1992 г. в Центре социологических и политических исследований Белорусского государственного университета был проведен анализ социальной инфраструктуры сельских населенных пунктов. С 2000-х гг. сельская проблематика в Беларуси начала изучаться более активно. Исследовались сельский образ жизни, миграционное поведение сельчан, сферы труда на селе, сельская молодежь, деятельность агропромышленного комплекса (АПК), ведение личного подсобного хозяйства и др. [1, с. 113]. Большой вклад в изучение белорусского села внесли Н. Е. Лихачев, Р. А. Смирнова и Т. В. Кузьменко. С 2011 г. в Институте социологии НАН Беларуси проводились исследования, объектом которых выступали не только сельские населенные пункты, но и малые города. В 2015 г. под редакцией Р. А. Смирновой издана коллективная монография «Судьба белорусской провинции: социологический анализ», в которой обосновывается необходимость социологического изучения провинциального сообщества, даются определения понятиям «провинция», «провинциал», «малый провинциальный город», а также содержатся результаты республиканских опросов, проведенных в 2011, 2012 и 2014 гг. среди жителей малых городов и сел Беларуси [2, с. 27]. В данной статье подробно рассмотрена структура белорусской провинции и определены перспективы ее развития.

При толковании понятия «провинция» белорусские социологи опирались на три подхода: территориальную оппозицию центр – периферия, согласно которой Минск является центром, а все остальное – провинцией; урбанистический подход, предполагающий, что провинция – это не город; ресурсный подход, подразумевающий низкий уровень провинциальной жизни, недостаток материального, культурного и социального обеспечения. Исследователи отмечают, что понятие «провинция» используется чаще всего в двух значениях: как некоторая территория, центром которой является город (пространственное значение), и как совокупность социальных институтов, функционирующих на определенной территории и обеспечивающих ее самостоятельность в качестве социальной системы и связь с другими социальными образованиями (социальное значение) [2, с. 13–14]. Объединяя в себе оба значения, термин «провинция» рассматривался как связь пространства (определенной территории) и местного сообщества, обладающего своими социокультурными особенностями.

Р. А. Смирнова отмечала, что на современном этапе общественного развития провинция чаще ассоциируется с регионом, так как она отлична от столицы. Социологическая интерпретация региона предполагает, что он является социально-территориальной системой, характеризующейся природным своеобразием, определенным уровнем развития производительных сил, специализацией производства, сложившейся социальной инфраструктурой и образом жизни людей [2, с. 14–15]. Исходя из этого Р. А. Смирнова дала следующее определение провинции: провинция – это «открытая развивающаяся социальная система, имеющая географические и административно-территориальные параметры, социально-культурное пространство, особенности образа жизни, идентичности, условий социализации, менталитета и ценностных ориентаций» [3, с. 120–121]. Интеграция индивидов в провинциальную среду определяется условиями их проживания в малых городах и селах. Отмечается, что в Беларуси к провинции относятся четыре типа поселений: сельские населенные пункты, агрогородки, поселки городского типа и малые города [2, с. 17]. Вместе с тем, по мнению автора настоящей статьи, указанные типы поселений не могут составлять структуру белорусской провинции, если они образуют пригороды крупных городов. Рассматривая принципы планировочной организации пригородной зоны, отметим, что ее средняя ширина для городов численностью 1 млн человек составляет в среднем 35–50 км, численностью 0,5–1 млн человек – 25–30 км, численностью менее 0,5 млн человек – 20–25 км¹. Жители пригородов зачастую ездят на работу в города, пользуются городской инфраструктурой и проводят там досуг. Эти регионы имеют тенденцию к росту и развитию. В частности, многие населенные пункты Минского района, например д. Боровляны, д. Боровая, аг. Гатово, характеризуются наличием многоэтажной застройки, развитого транспортного сообщения со столицей и фактически являются ее продолжением. В пригородах интенсивно застраивается частный сектор. Это ведет к росту численности городского и сельского населения в регионе. С 2013 по 2021 г. численность сельчан Минского района увеличилась на 76 378 человек, горожан – на 4707 человек и составила 232 175 человек и 27 535 человек соответственно [4, с. 80]. В Беларуси крупные пригородные зоны расположены вокруг столицы и областных центров. Таким образом, население, проживающее в деревнях, агрогородках, поселках городского типа и малых городах Минского, Брестского, Гродненского, Гомельского, Витебского и Могилёвского районов, не является провинциальным.

¹Пригородная зона. Использование пригородной зоны. Принципы планировочной организации пригородной зоны [Электронный ресурс]. URL: <https://olymp.in/news/13-prigorodnaya-zona-ispolzovanie-prigorodnoj-zony-printsipy-planirovochnoj-organizatsii-prigorodnoj-zony/810> (дата обращения: 17.08.2022).

Согласно Государственной схеме комплексной территориальной организации Республики Беларусь к малым городам и поселкам городского типа относятся поселения численностью до 20 тыс. человек [2, с. 36]. По Указу Президента Республики Беларусь от 7 мая 2014 г. № 214 «О развитии городов-спутников» города Дзержинск, Заславль, Логойск, Смолевичи, Фаниполь и г. п. Руденск получили статус города – спутника Минска, г. Жабинка стал городом – спутником Бреста, г. Скидель приобрел статус города – спутника Гродно². Численность населения Дзержинска в 2021 г. составила 29 739 человек [4, с. 79]. По данному показателю он относится к средним городам. Заславль входит в состав Минского района, Скидель – в состав Гродненского района, и эти города, как было отмечено выше, не

являются провинциальными. Смолевичи, Логойск, Жабинка – это самостоятельные районные центры. Фаниполь входит в состав Дзержинского района, Руденск – в состав Пуховичского района. Однако, по мнению автора настоящей работы, присвоение статуса «город-спутник» не позволяет отнести указанные населенные пункты к числу провинциальных, поскольку хорошее транспортное сообщение с центром способствует увеличению маятниковой трудовой миграции в данном направлении и строительства жилья, улучшению социальной инфраструктуры, а также социальному, культурному, экономическому и демографическому развитию городов-спутников в целом. Таким образом, в данной статье показана структура белорусской провинции (табл. 1–6).

Таблица 1

Структура провинции Брестской области в 2021 г.

Table 1

The structure of the province of the Brest region in 2021

Населенный пункт	Численность населения, чел.
г. п. Городище	1843
г. Белоозерск	11 115
г. Ганцевичи	13 777
г. Дрогичин	14 963
г. п. Антополь	1532
г. Иваново	16 498
г. Коссово	1919
г. п. Телеханы	3738
г. Каменец	8349
г. Высокое	4859
г. Микашевичи	12 771
г. Ляховичи	10 607
г. Малорита	12 883
г. п. Логишин	1977
г. Пружаны	19 032
г. п. Ружаны	2937
г. п. Шерешево	1654
г. Столин	13 038
г. Давид-Городок	5919
р. п. Речица	5970
<i>Всего</i>	<i>510 202</i>
<i>Городское население</i>	<i>165 381</i>
<i>Сельское население</i>	<i>344 821</i>

Источник: [4, с. 67–84].

²О развитии городов-спутников : Указ Президента Респ. Беларусь, 7 марта 2014 г., № 214.

Таблица 2

Структура провинции Витебской области в 2021 г.

Table 2

The structure of the province of Vitebsk region in 2021

Населенный пункт	Численность населения, чел.
г. п. Бешенковичи	6993
г. Браслав	9390
г. п. Видзы	1521
г. Верхнедвинск	6956
г. п. Освея	1008
г. Глубокое	17 790
г. п. Подсвилье	1776
г. Городок	11 814
г. п. Езерище	1116
г. Докшицы	6822
г. п. Бегомль	2502
г. Дубровно	6951
г. Лепель	17 428
г. п. Лиозно	6707
г. Миоры	7845
г. Дисна	1492
г. Барань	10 573
г. п. Болбасово	3478
г. п. Копысь	663
г. п. Ореховск	2410
г. п. Ветрино	1839
г. Поставы	19 153
г. п. Воропаево	2371
г. п. Лынтупы	1280
г. п. Россоны	4808
г. Сенно	7370
г. п. Богушевск	2528
г. Толочин	9899
г. п. Коханово	3825
г. п. Ушачи	5812
г. Чашники	12 439
г. п. Шарковщина	6363
г. п. Шумилино	7389
г. п. Оболь	2252
<i>Всего</i>	<i>428 660</i>
<i>Городское население</i>	<i>212 563</i>
<i>Сельское население</i>	<i>216 097</i>

Источник: [4, с. 67–84].

Таблица 3

Структура провинции Гомельской области в 2021 г.

Таблица 3

The structure of the province of the Gomel region in 2021

Населенный пункт	Численность населения, чел.
г. п. Брагин	4440
г. п. Комарин	2072
г. Буда-Кошелево	8850
г. п. Уваровичи	2245
г. Ветка	8426
г. Добруш	18 311
г. п. Тереховка	3127
г. Ельск	9088
г. Житковичи	16 083
г. Туров	2772
г. п. Стрешин	937
г. п. Озаричи	1162
г. п. Корма	7921
г. п. Лельчицы	12 382
г. п. Лоев	6304
г. Наровля	8364
г. п. Октябрьский	7344
г. Петриков	9986
г. п. Копаткевичи	2866
г. Василевичи	3435
г. п. Заречье	2092
г. п. Паричи	1907
р. п. Сосновый Бор	1933
г. Хойники	13 439
г. Чечерск	8799
<i>Всего</i>	<i>412 704</i>
<i>Городское население</i>	<i>164 285</i>
<i>Сельское население</i>	<i>248 419</i>

Источник: [4, с. 67–84].

Таблица 4

Структура провинции Гродненской области в 2021 г.

Table 4

The structure of the province of the Grodno region in 2021

Населенный пункт	Численность населения, чел.
г. п. Большая Берестовица	5613
г. п. Красносельский	6117
г. п. Россь	4509
г. п. Вороново	6098
г. п. Радунь	2247
г. Дятлово	8061

Окончание табл. 4
 Ending table 4

Населенный пункт	Численность населения, чел.
г. п. Козловщина	1467
г. п. Новоелья	2738
г. п. Зельва	6519
г. Ивье	7329
г. п. Юратишки	1371
г. п. Кореличи	6015
г. п. Мир	2098
г. Березовка	10 081
г. Мосты	15 197
г. п. Любча	1055
г. Островец	14147
г. Ошмяны	16 966
г. Свислочь	6323
г. п. Порозово	790
г. Щучин	15 889
г. п. Желудок	1060
г. п. Острино	1630
<i>Всего</i>	<i>348 101</i>
<i>Городское население</i>	<i>141 073</i>
<i>Сельское население</i>	<i>207 028</i>

Источник: [4, с. 67–84].

Таблица 5

Структура провинции Минской области в 2021 г.

Table 5

The structure of the province of the Minsk region in 2021

Населенный пункт	Численность населения, чел.
г. Березино	11450
г. Воложин	10 012
г. п. Ивенец	3936
г. Клецк	11 462
г. Крупки	8540
г. п. Бобр	930
г. п. Холопеничи	1440
г. п. Плещеницы	5928
г. Любань	11 654
г. п. Уречье	2500
г. п. Радошковичи	6341
г. Мядель	7146
г. п. Кривичи	1120
к. п. Нарочь	4053
г. п. Свирь	1013
г. Несвиж	15 732
г. п. Городея	3750

Окончание табл. 5
Ending table 5

Населенный пункт	Численность населения, чел.
г. п. Правдинский	2133
г. п. Свислочь	3709
г. п. Красная Слобода	4097
г. п. Зеленый Бор	1170
г. п. Старобин	6514
г. Старые Дороги	11 198
г. Столбцы	17 420
г. Узда	10 781
г. Червень	10734
г. п. Смиловичи	5913
<i>Всего</i>	<i>623 218</i>
<i>Городское население</i>	<i>191 043</i>
<i>Сельское население</i>	<i>432 175</i>

Источник: [4, с. 67–84].

Таблица 6

Структура провинции Могилёвской области в 2021 г.

Table 6

The structure of the province of the Mogilev region in 2021

Населенный пункт	Численность населения, чел.
г. Бельниччи	9913
г. Быхов	16 922
г. п. Глуск	7217
г. п. Дрибин	3052
г. Кировск	8178
г. Климовичи	15 408
г. Кличев	7308
г. Костюковичи	15 480
г. п. Краснополье	5849
г. Кричев	24 170
г. Круглое	7530
г. Мстиславль	10 201
г. Осиповичи	29 981
р. п. Елизово	2120
р. п. Татарка	471
г. Славгород	7928
г. п. Хотимск	6252
г. Чаусы	10 289
г. Чериков	7910
г. Шклов	15 344
<i>Всего</i>	<i>374 140</i>
<i>Городское население</i>	<i>211 523</i>
<i>Сельское население</i>	<i>162 617</i>

Источник: [4, с. 67–84].

По данным табл. 1–6 численность населения провинции Беларуси на 1 января 2021 г. составила 2 697 025 человек. В городах и поселках городского типа проживают 1 085 868 человек, в сельских населенных пунктах – 1 611 157 человек. Анализ численности провинциального населения в разрезе областей показал, что больше всего провинциалов насчитывается в Минской области (623 218 человек), за ней следует Брестская область (510 202 человека), затем Витебская (428 660 человек) и Гродненская (348 101 человек) области.

В структуре белорусской провинции преобладает сельское население (около 60 %). Традиционно оно обеспечивает работу АПК. Малые города, как отмечала Р. А. Смирнова, выделены из аграрной среды и являются центрами социально-экономического, культурного и организационно-управленческого развития региона [3, с. 121]. По данным статистики в период с 2013 по 2021 г. население белорусских сел уменьшилось на 222 826 человек [4, с. 62]. В 2013 г. средний возраст сельчан составил 40,9 года, в 2021 г. – 47,3 года [4, с. 66]. Сохраняется миграция сельского населения в города, и ежегодно по этой причине из белорусских сел в среднем выезжают 16,7 тыс. человек [5, с. 104–109]. Наибольшей миграционной активностью обладает молодежь. В возрасте 15–19 лет представители молодого поколения направляются на учебу в высшие и средние специальные учебные заведения, и после получения образования большая их часть не возвращается в сельскую местность. В совокупности это приводит к недостатку кадров на многих сельскохозяйственных предприятиях. Тенденция сокращения и старения сельского населения указывает на то, что вскоре оно будет не способно обеспечить эффективную работу АПК. Это обуславливает необходимость поиска новых трудовых ресурсов для функционирования и развития агросферы.

В настоящее время большинство людей ориентированы на проживание в городах, о чем свидетельствуют рост городского и сокращение сельско-

го населения. Исследования внутриреспубликанской миграции показали, что приоритетным направлением перемещения сельчан являются малые и средние города [5, с. 104–109]. Многие городские жители, родившиеся и выросшие на селе, с детства знакомы с сельскохозяйственным трудом, поэтому в целях обеспечения АПК образованными и квалифицированными кадрами следует рассмотреть возможности использования кадрового потенциала не только деревень, агрогородков и поселков городского типа, но и малых провинциальных городов. С одной стороны, это восполнит недостаток рабочей силы на сельскохозяйственных предприятиях, с другой стороны, решит вопросы занятости населения в малых провинциальных городах.

Актуальность в связи с этим приобретает проблема транспортного сообщения между населенными пунктами провинциальных регионов, особенно территориально удаленных от столицы и областных центров. Примером может служить Мядельщина. В 2019 г. автор настоящей работы исследовал социальную адаптацию молодых специалистов, направленных на работу в агрогородки Мядельского района. Методом глубинного интервью были опрошены 12 респондентов. Главным недостатком проживания на селе, по их словам, является неразвитое транспортное сообщение с районным центром и другими городами. Вместе с тем наличие санаториев, расположенных вблизи озера Нарочь, обуславливает привлечение кадрового состава в Мядельский район. Подвоз сотрудников осуществляется рабочим автобусом. Персонал доставляется из д. Нарочь, к. п. Нарочь, г. Мяделя, г. п. Свирь и других населенных пунктов. Многие добираются на личном автомобиле. Таким образом, проживая в районном центре, городских поселках, деревнях, агрогородках, находящихся в 30-километровой зоне, совершают ежедневные поездки на работу в нарочанские санатории. Автором настоящей статьи была составлена схема подвоза кадров нарочанских санаториев³ (см. рисунок).

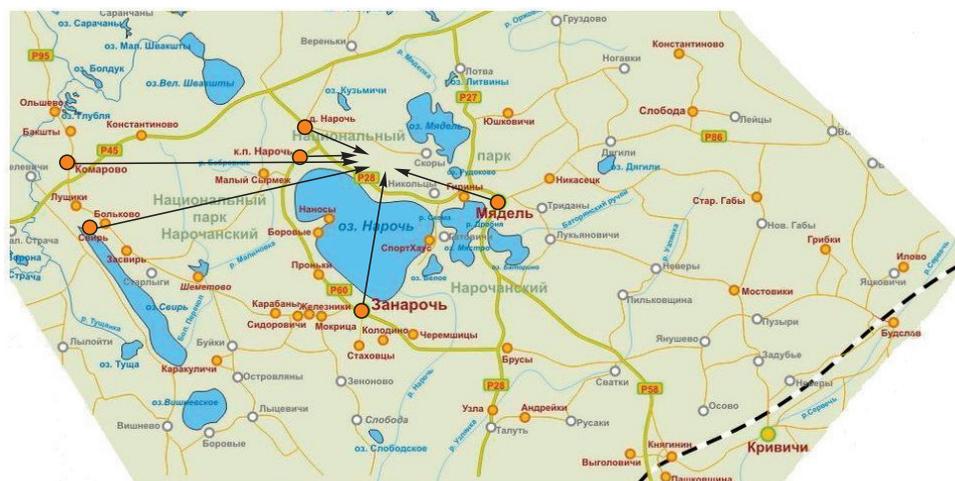

Схема подвоза кадров нарочанских санаториев
Scheme of personnel transportation for Naroch sanatoriums

³Карта района // Мядел. район. исполн. ком. [Электронный ресурс]. URL: <http://myadel.gov.by/ru/map-ru/> (дата обращения: 16.08.2022).

Данную схему целесообразно применить и к АПК, в особенности к агрохолдингам, где в связи с внедрением новых технологий потребность в высокообразованных кадрах возрастает. Учитывая складывающуюся демографическую ситуацию на селе, еще на этапе проектирования новых и реконструкции существующих сельскохозяйственных предприятий следует определить способность прилегающих территорий обеспечить АПК кадрами и возможности подвоза сотрудников на рабочее место.

Привлечение трудовых ресурсов малых провинциальных городов для эффективной работы агро сферы не означает отказ от развития агрогородков, деревень и поселков городского типа. Скорее, это ответ на вызов современности, позволяющий сохранить и усовершенствовать АПК, поскольку при создании высокорентабельных сельскохозяйственных предприятий появляется возможность решать такие социальные вопросы села, как обеспеченность благоустроенным жильем, развитой социальной инфраструктурой, торговлей и др. Многие люди говорят, что в городах жилье дорогое, а на селе практически бесплатное. Вместе с тем в сельской местности имеют низкую стоимость старые неблагоустроенные дома. Строительство же новых жилищ требует больших затрат, сопоставимых с приобретением городской квартиры, а в некоторых случаях превышающих их. По этому поводу высказались молодые специалисты, работающие в агрогородках Мядельского района.

Когда мы ехали по распределению сюда, то нам в Минске говорили, что выделяют места в общежитии. Но когда приехали сюда, оказалось, что здесь общежития нет вообще. Нам предложили старый дом, который нужно было отапливать дровами, поэтому мы решили искать квартиру. Сейчас у нас есть крыша над головой. Условия, конечно, не супер, но привыкнуть можно (учитель).

Когда я приехал на отработку, передо мной был выбор: жить в старом доме врача или в новом общежитии. На перспективу я хотел остаться здесь жить, поэтому выбрал старый дом врача. Но прожив там некоторый период времени, понял, что дом необходимо серьезно ремонтировать. На это нужно затрачивать свои средства, а по итогу дом все равно будет принадлежать государству. Поэтому, прожив несколько месяцев в доме, я переехал в общежитие. Общежитие хорошее, в нем сделан хороший ремонт, есть горячая и холодная вода. Но такой вариант жилья не подходит для постоянного места жительства. Для тех молодых специалистов, которые планируют остаться жить на селе, должен предоставляться дом или квартира, которые по истечении определенного периода времени, например 20–30 лет, переходили бы в их собственность. В таком случае они бы знали, ради чего приехали в сельскую местность и ради чего они отстраивают, ремонтируют это жилье (врач).

Как видно, проблема жилищного обеспечения в сельской местности является весьма острой. Со-

временные молодые люди хотят жить в комфортных условиях, ничем не отличающихся от городских. К настоящему времени во многих агрогородках и поселках городского типа подведен природный газ, позволяющий отапливать дома. В сельской местности есть возможность собственными силами подвести воду и сделать канализацию. Однако, как уже было сказано, стоит это достаточно дорого, а жизнь на селе по-прежнему считается непрестижной, что требует принятия дополнительных мер по закреплению молодежи на селе. К ним можно отнести обеспечение молодых кадров благоустроенным жильем, которое по истечении определенного времени перейдет к ним в собственность. Такое решение создаст дополнительную материальную заинтересованность молодежи в работе и проживании в сельской местности. Кроме того, исследователи отмечают, что в Беларуси, помимо сельско-городской миграции, наблюдаются интенсивные перемещения населения из малых городов в областные центры и столицу. В период с 2000 по 2018 г. миграция из города в город составила порядка 40 % [4, с. 105]. Данное обстоятельство указывает на то, что государству следует создавать условия, способствующие закреплению молодежи не только в сельских населенных пунктах, но и в малых провинциальных городах.

Белорусская провинция неоднородна. Авторы монографии «Судьба белорусской провинции: социологический анализ» предложили следующую типологию провинциальных регионов Беларуси: экономически интегрированные провинциальные регионы, находящиеся вблизи экономических центров и характеризующиеся ростом численности населения, наличием рабочих мест различного профиля, развитой социальной инфраструктурой; средние регионы с относительно благоприятными экономическими условиями, особенно если они имеют хорошее местоположение и развитые транспортные связи; отдаленные регионы, отличающиеся неблагоприятной демографической ситуацией, низким уровнем доходов, отсталой социальной инфраструктурой и удаленностью от рынков сбыта [2, с. 16–19]. Вместе с тем, по мнению автора настоящей статьи, при изучении белорусской провинции также следует учитывать специфику определенного региона. Например, Мядельский и Браславский районы обладают большим туристическим потенциалом. Источником развития Островецкого района и прилегающих территорий является атомная электростанция. В этой связи целесообразно принимать меры, направленные на развитие конкретных провинциальных регионов, учитывая их природные, географические, культурные, социальные, экономические и демографические особенности.

Таким образом, в настоящее время перед АПК Беларуси стоит задача модернизации производства и наращивания экспорта. Это, в свою очередь, требует оснащения сельскохозяйственных предприятий образованными и квалифицированными

кадрами. Анализ структуры белорусской провинции показал, что сельское население вскоре не сможет обеспечить эффективную работу агросферы, прежде всего по демографическим причинам. Из-за этого к работе в АПК следует привлекать не только жителей деревень, агрогородков и поселков городского типа, но и малых провинциальных городов. Для закрепления молодых кадров в сельской местности

необходимо прорабатывать дополнительные стимулы, позволяющие сделать жизнь в сельских населенных пунктах более привлекательной. Миграционный отток населения малых городов в более крупные города, столицу и областные центры свидетельствует о необходимости развития и села, и провинциальных регионов в целом с учетом специфики каждого из них.

Библиографические ссылки

1. Сакович АЮ. Социологическое изучение белорусского села: исторический аспект. *Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. 2018;3:111–116.
2. Смирнова РА, Кузьменко ТВ, Смирнов ВЭ, Балакирева ТС. *Судьба белорусской провинции: социологический анализ*. Смирнова РА, редактор. Минск: Беларуская навука; 2015. 435 с.
3. Смирнова РА. Белорусская провинция как объект социологического анализа. В: Ременица МИ, редактор. *Социологический альманах. Выпуск 6*. Минск: Беларуская навука; 2015. с. 116–125.
4. Медведьева ИВ, редактор. *Регионы Республики Беларусь. Том 1. Социально-экономические показатели*. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; 2021. 776 с.
5. Драгун МВ. Оценка внутренней безвозвратной миграции в Республике Беларусь. *Журнал международного права и международных отношений*. 2020;3-4:105–111.

References

1. Sakovich AY. Sociological study of the Belarusian village: historical aspect. *Vesci BDPU. Seryja 2, Gistoryja. Filasofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Kul'turalogija*. 2018;3:111–116. Russian.
2. Smirnova RA, Kuz'menko TV, Smirnov VE, Balakireva TS. *Sud'ba belorusskoi provintsii: sotsiologicheskii analiz* [The fate of the Belarusian province: a sociological analysis]. Smirnova RA, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. 435 p. Russian.
3. Smirnova RA. [The Belarusian province as an object of sociological analysis]. In: Remenitsa MI, editor. *Sotsiologicheskii al'manakh. Vypusk 6* [Sociological almanac. Issue 6]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. p. 116–125. Russian.
4. Medved'eva IV, editor. *Regiony Respubliki Belarus'. Tom 1. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of the Republic of Belarus. Volume 1. Socio-economic indicators]. Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus; 2021. 776 p. Russian.
5. Dragun MV. Internal non-return migration in the Republic of Belarus. *Journal of International Law and International Relations*. 2020;3-4:105–111. Russian.

Статья поступила в редколлегию 19.09.2022.
Received by editorial board 19.09.2022.

УДК 159.9

ВЗАИМОСВЯЗИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ С ЦЕННОСТЯМИ: ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

И. Н. АНДРЕЕВА¹⁾

¹⁾Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк, Беларусь

Представлено различие в структуре связей эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности с ценностями в период ранней взрослости у мужчин и женщин. Выявлено, что у обоих полов межличностный эмоциональный интеллект и способность к пониманию эмоций положительно коррелируют с ценностью самостоятельности, способность к управлению эмоциями – с ценностью традиции, подготовленность – с ценностью самостоятельности. Взаимосвязь аутентичности и ценности достижения положительна у женщин и отрицательна у мужчин. Установлен ряд специфических для обоих полов корреляций эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности с ценностями. Впервые получены данные о связи эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности с ценностями в период ранней взрослости.

Ключевые слова: рефлексивный эмоциональный интеллект; межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект; рефлексивная эмоциональная креативность; ценности.

Образец цитирования:

Андреева И.Н. Взаимосвязи эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности с ценностями: половые различия в период ранней взрослости. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;1:75–81.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-75-81>

For citation:

Andreyeva IN. Relationships between emotional intelligence, emotional creativity and values: sex differences in early adult. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;1:75–81. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-75-81>

Автор:

Ирина Николаевна Андреева – доктор психологических наук, профессор; профессор кафедры технологии и методики преподавания гуманитарного факультета.

Author:

Iryna N. Andreyeva, doctor of science (psychology), full professor; professor at the department of technology and teaching methods, faculty of humanities.
i.n.andreeva@psu.by
<http://orcid.org/0000-0002-9566-6619>

RELATIONSHIPS BETWEEN EMOTIONAL INTELLIGENCE, EMOTIONAL CREATIVITY AND VALUES: SEX DIFFERENCES IN EARLY ADULT

I. N. ANDREYEVA^a

^a*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk,
29 Blochina Street, Navapolack 211440, Belarus*

The article reflects the results of a study of gender differences in the relationship of emotional intelligence and emotional creativity with values in early adulthood. Significant positive relationships common to individuals of both sexes were revealed: interpersonal emotional intelligence, ability to understand emotions with the value of independence, ability to manage emotions with the value of tradition, preparedness with the value of independence. The relationship of authenticity with the value of achievement is positive for women and negative for men. A number of correlations of emotional intelligence and emotional creativity with values, specific for male and female samples, have been established. The scientific novelty lies in the fact that for the first-time data have been obtained on the relationship of emotional intelligence and emotional creativity with values in the period of early adulthood.

Keywords: reflective emotional intelligence; interpersonal and intrapersonal emotional intelligence; reflective emotional creativity; values.

Введение

В современном обществе с присущими ему кризисными тенденциями в политической и экономической жизни возникает проблема формирования и реализации ценностных ориентаций. В сложной ситуации человек встречается с невозможностью реализации собственных мотивов, стремлений, ценностей, однако если ему удастся пережить столкновение психической реальности и той части объективной действительности, которая противоречит предыдущему опыту, а также вернуть нарушенный эмоциональный баланс, то кризис может способствовать переоценке ценностей и переходу на более высокую ступень развития [1].

Согласно Ш. Шварцу ценности – это желаемые цели, выходящие за рамки конкретных ситуаций, отличающиеся друг от друга по значимости и являющиеся руководящими принципами в жизни людей [2; 3]. Ранняя взрослость – период преобразований в системе ценностей. Центральным направлением на данном возрастном этапе является достижение зрелости. Зрелая личность характеризуется развитым интеллектом и «умными» чувствами, она ставит перед собой цели и достигает их, опираясь на общечеловеческие ценности. По этой причине рассматриваемый период интересен для изучения ценностей и предпосылок их становления.

Поскольку ценности определяются как убеждения, которые, будучи продуктом интеллекта, «смешиваются с чувством и окрашиваются им» [3, с. 10], то предпосылками их формирования могут являться эмоциональный интеллект (ЭИ) и эмоциональная креативность (ЭК). В рамках данного исследования рассматривается индивидуально-личностный (рефлексивный) ЭИ, под которым понимаются представления об уровне собственного ЭИ, формирующиеся

в результате рефлексии, или осознаваемая эмоциональная самооффективность индивида в сфере эмоций [4]. Идея о рефлексивном ЭИ соответствует представлениям западных ученых об ЭИ как о черте личности (*trait emotional intelligence*) или воспринимаемом (*perceived*) ЭИ [5], отражающем субъективные репрезентации своего уровня способностей.

Рефлексия ЭИ может быть направлена преимущественно на эмоции других людей (вовне) либо на собственные эмоции (внутри). В связи с этим к рефлексивному ЭИ относятся выделенные Д. В. Люсиным [6] межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ), т. е. совокупность интеллектуальных способностей к пониманию чужих эмоций и управлению ими, и внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ), т. е. совокупность интеллектуальных способностей к пониманию собственных эмоций и управлению ими, поскольку данные типы ЭИ основаны на самооценке и измеряются посредством самоотчета.

ЭК рассматривается в качестве способности к творческому преобразованию эмоций. Автор настоящей статьи различает ЭК как способность (инструментальная ЭК) и как свойство (рефлексивная ЭК) личности [4]. Согласно Дж. Р. Эвериллу [7] в данной работе выделяются следующие структурные компоненты рефлексивной ЭК:

- подготовленность (*preparedness*) – способность обучаться пониманию эмоциональных переживаний на базе предшествующего эмоционального опыта;
- новизна (*novelty*) – способность переживать необычные, с трудом поддающиеся описанию эмоции;
- эффективность (*effectiveness*) – способность передавать эмоции выразительно и с пользой для себя и других;

- аутентичность (*authenticity*) – способность искренне и реалистично выражать эмоции; эмоции расцениваются как аутентичные, если они совместимы с важнейшими интересами личности и способствуют ее благополучию [4; 7].

Существует небольшое количество исследований взаимосвязи ЭИ и составляющих ценностной сферы личности. Среди зарубежных работ по этой теме обнаружено исследование корреляции между ЭИ и ценностными ориентациями у ученых-исследователей [8]. В современной отечественной психологии такие взаимосвязи изучались в областях психологии управления [9] и возрастной психологии на примере периода ранней юности [10].

В научной психологии дискутируется необходимость оценки ЭИ посредством самоотчета (измерения рефлексивного ЭИ), ведь для изучения ЭИ разработаны задачные тесты. Однако было установлено, что ЭИ, как черта личности, коррелирует со скоростью обработки эмоциональной информации, а его высокие показатели прогнозируют достижения в трудовой сфере, уровень доходов, ориентацию на сотрудничество и социализированность среди сверстников [11]. Данные об ЭИ, полученные в результате самонаблюдения, отражают уверенность (неуверенность) человека в своей эмоциональной компетент-

ности или представления о собственной эффективности в области понимания эмоций и управления ими. В свою очередь, эта самоэффективность связана с реальной эффективностью деятельности [12]. Все вышесказанное свидетельствует в пользу изучения прогностичности рефлексивной составляющей ЭИ.

Среди научных публикаций по рассматриваемой теме не найдено работ, посвященных изучению взаимосвязи способностей рефлексивного ЭИ и ценностями в период ранней взрослости. Исследований корреляции между эмоциональной креативностью и ценностями личности не обнаружено вовсе.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые получены сведения о связях ЭИ и ЭК с ценностями в период ранней взрослости.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут использоваться психологами в целях разработки программ развития ЭИ и ЭК, а также формирования ценностей в рассматриваемый период.

Цель статьи – определить половые различия во взаимосвязях способностей рефлексивного ЭИ и рефлексивной ЭК с ценностями в период ранней взрослости.

Материалы и методы исследования

Выборка испытуемых включала 100 человек (60 женщин и 40 мужчин) в возрасте 20–40 лет ($M = 23,34$, $SD = 5,87$).

В качестве эмпирического метода применялся метод опроса. Методологическую базу исследования составили опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» Д. В. Люсина [13] (использовались интегральные шкалы опросника: МЭИ, ВЭИ, понимание эмоций и управление эмоциями), опросник эмоциональной креативности *ECI* (Дж. Эйверилл)

в адаптации И. Н. Андреевой [4] (применялись четыре шкалы опросника: подготовленность, новизна, эффективность и аутентичность) и методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности [3], позволяющая диагностировать такие ценности, как универсализм, доброта, самостоятельность, конформизм, власть, безопасность, достижение, гедонизм, традиция и стимуляция.

Для обработки данных применялся метод ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе исследования изучались взаимосвязи компонентов рефлексивного ЭИ и ценностей (табл. 1).

Выявлено, что общими для мужчин и женщин являются средние и слабые положительные взаимосвязи между составляющими ЭИ. Так, МЭИ и способность к пониманию эмоций (далее – ПЭ) положительно коррелируют с ценностью самостоятельности. Иными словами, склонность ценить независимость мышления и выбора действий, а также творчество и исследовательскую деятельность становится более выраженной по мере роста способностей к пониманию чужих эмоций и управлению ими, как и ПЭ в целом. В данном случае наблюдается соответствие результатам более ранних исследова-

ний автора настоящей статьи: высокоразвитый ЭИ предполагает высокие показатели самостоятельности (фактора Q_2 по Кеттеллу) [14]. МЭИ и способность к управлению эмоциями (далее – УЭ) положительно связаны с ценностью традиции. Это значит, что по мере развития способностей к пониманию чужих эмоций и управлению ими, а также к управлению эмоциями в целом возрастает склонность уважать традиции, обычаи и идеи, существующие в культуре, принимать их и следовать им. Можно предположить, что воспитание уважения к культурным традициям и обычаям обуславливает развитие ПЭ, поскольку разумность эмоциональной экспрессии и интеллектуальный контроль над ней являются признаками культурного человека.

Половые различия во взаимосвязях
компонентов рефлексивного ЭИ и ценностей

Table 1

Gender differences in the relationship
between the components of reflexive emotional intelligence and values

Ценности	МЭИ		ВЭИ		ПЭ		УЭ	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Власть	0,11	0,45***	0,13	0,21	0,06	0,38**	0,20	0,41**
Достижение	0,25	0,40**	0,06	0,09	0,17	0,36**	0,24	0,22
Гедонизм	0,13	0,22	0,19	0,01	0,10	0,22	0,17	0,07
Стимуляция	-0,01	0,29*	-0,01	0,27*	0,12	0,21	0,23	0,35**
Самостоятельность	0,47**	0,40**	0,29	0,14	0,38*	0,44***	0,48**	0,17
Универсализм	0,11	0,11	0,11	0,13	0,11	0,17	0,28	0,05
Доброта	0,15	0,26*	0,12	-0,06	0,17	0,08	0,27	0,16
Традиция	0,40*	0,30*	0,17	0,18	0,17	0,16	0,40*	0,30*
Конформность	0,32*	0,09	0,36*	0,08	0,20	0,09	0,51***	0,14
Безопасность	0,20	0,14	-0,02	0,05	0,15	0,09	0,17	0,13

Примечание. Здесь и далее в таблицах * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$.

Наряду с этим у женщин выявлены значимые положительные средние и слабые корреляции МЭИ, ПЭ и УЭ с ценностью власти. Иными словами, по мере развития ПЭ и УЭ, в частности способностей к пониманию чужих эмоций и управлению ими, у женщин возрастает ценность социального статуса и доминантной общественной позиции. Возможно, что женщины, которые стремятся к власти, целенаправленно развивают МЭИ, ПЭ и УЭ, поскольку они позволяют индивидам управлять как собственным поведением, так и действиями других.

У женщин обнаружены достоверные положительные связи МЭИ, ВЭИ и УЭ с ценностью стимуляции. Высокие показатели способностей ЭИ (в частности, УЭ) обуславливают глубину и разнообразие переживаний у женщин.

Кроме того, выявлены положительные средние и слабые корреляции МЭИ и ПЭ с ценностью достижения, поскольку развитая эмоциональность усиливает потребность в успехе, а положительные эмоции от достигнутого способствуют стремлению показывать высокий результат [15].

МЭИ образует у женщин положительные корреляции между двумя конкурирующими ценностями (достижение и доброта), так как стремление к личному успеху может противоречить осуществлению действий на благо других. Однако возможно, что высокоразвитые способности ЭИ позволяют женщинам реализовывать потребность во власти не в виде эгои-

стической доминантности, а в форме ответственного воспитания [16], которая проявляется как оказание помощи и поддержки и использование доминирования во благо другим.

У мужчин обнаружены значимые положительные средние связи МЭИ, ВЭИ и УЭ с ценностью конформности. С ростом способностей к пониманию собственных и чужих эмоций и управлению ими, а также к управлению эмоциями в целом становится более выраженной тенденция пресекать действия, причиняющие вред другим или не соответствующие социальным ожиданиям. Развитый ЭИ дает возможность эмпатийного проникновения в чужие эмоциональные переживания с последующим самоконтролем действий, которые могут нарушить эмоциональное благополучие окружающих.

УЭ у мужчин на достоверном уровне связана с ценностью самостоятельности, что позволяет охарактеризовать респондентов с высокоразвитыми УЭ как самостоятельных и независимых при выборе действий и принятии решений, склонных к творческой и исследовательской деятельности.

У мужчин не было обнаружено значимых связей МЭИ и ВЭИ с ценностями стимуляции и доброты ($p > 0,05$), а у женщин и мужчин – гедонизмом и универсализмом ($p > 0,05$).

На втором этапе исследования изучались корреляции между компонентами рефлексивной эмоциональной креативности и ценностями (табл. 2).

Таблица 2

Половые различия во взаимосвязях
компонентов рефлексивной ЭК и ценностей

Table 2

Gender differences in relationships
between the components of reflective emotional creativity and values

Ценности	Подготовленность		Новизна		Эффективность		Аутентичность	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Власть	-0,02	0,04	0,11	0,20	0,22	0,13	-0,16	0,10
Достижение	0,03	0,01	0,02	0,04	-0,05	0,20	-0,36*	0,38**
Гедонизм	0,13	-0,03	0,14	-0,07	0,07	0,14	-0,09	0,17
Стимуляция	0,24	0,23	-0,07	0,14	0,05	0,24	-0,02	0,06
Самостоятельность	0,47**	0,33*	0,30	0,31*	0,23	0,31*	-0,03	0,35**
Универсализм	0,25	0,25	0,14	0,12	0,23	0,10	0,05	0,15
Доброта	0,25	0,12	0,01	0,20	0,08	0,29*	-0,05	0,33**
Традиция	0,15	0,02	0,24	-0,02	0,06	0,20	0,02	0,23
Конформность	0,17	0,17	0,11	0,01	0,31*	0,05	0,01	0,03
Безопасность	0,37*	0,12	0,11	0,06	0,29	0,31*	0,11	0,34**

Результаты исследования показали, что у мужчин и женщин подготовленность связана с самостоятельностью: чем больше способность индивида обучаться на основе предшествующего эмоционального опыта, тем в большей мере он ценит независимость мышления и выбора действий, творчество и исследовательскую деятельность. Выявлена взаимосвязь аутентичности и ценности достижения. Противоположный знак корреляции указывает на то, что высокий уровень способности искренне выражать собственные эмоции у женщин свидетельствует об активной демонстрации их компетентности и достижений, в то время как у мужчин, напротив, с повышением аутентичности в выражении эмоций наблюдается снижение ценности внешней демонстрации успешности.

Среди составляющих ЭК у женщин выявлены значимые положительные связи новизны и эффективности с ценностью самостоятельности. Это означает, что по мере развития указанных способностей ЭК женщины становятся более самостоятельными в принятии решений и выборе действий и склонными к творческой деятельности. Эффективность и аутентичность положительно связаны с ценностями доброты и безопасности. Таким образом, чем более социально полезными и искренними являются эмоции, тем больше склонность женщин к сохранению благополучия людей, с которыми они находятся в частом личном контакте, а также к сохранению безопасности в ближайшем окружении и в обществе в целом.

По результатам исследования у мужчин подготовленность положительно связана с ценностью безопасности, а эффективность – с ценностью конформности. Так, чем больше проявляется способность обучаться на основе предшествующего эмоционального опыта, тем больше склонность к сохранению безопасности в ближайшем окружении и в обществе в целом; чем в большей степени социально полезными являются эмоции индивида, тем больше склонность мужчин к пресечению действий, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям.

У мужчин не было обнаружено значимых корреляций между компонентами ЭК и ценностью доброты, у женщин – ценностью конформности ($p > 0,05$), у обоих полов – гедонизмом, стимуляцией, универсализмом и традицией ($p > 0,05$).

Обобщая результаты исследования, можно отметить, что развитие эмоциональной самоэффективности и креативности в области эмоций позволяет индивиду (независимо от его половой принадлежности) совмещать две тенденции: ценить независимость и самостоятельность мышления, при этом уважать культурные и религиозные традиции, обычаи и идеи, принимать их и следовать им. Вместе с тем ЭК способствует ориентации на эмоционально-позитивные для личности и социума аспекты половых ролей: женщине свойственны проявления доброты, заботы, искренности, мужчине – сдержанность в проявлении эмоций, а также обеспечение безопасности и пресечение агрессивных действий.

Заклучение

Таким образом, выявлены следующие значимые взаимосвязи компонентов рефлексивных ЭИ и ЭК с ценностями. МЭИ, ПЭ, подготовленность (у индивидов обоих полов), новизна, эффективность (у женщин) и УЭ (у мужчин) образуют положительные корреляции с ценностью самостоятельности.

Переменная УЭ и у мужчин, и у женщин напрямую связана с ценностью традиции. Общей для обоих полов является взаимосвязь аутентичности и цен-

ности достижения, однако она положительна у женщин и отрицательна у мужчин.

В женской выборке положительными корреляциями с ценностью власти связаны МЭИ, ПЭ и УЭ, с ценностью достижения – МЭИ и ПЭ, с ценностью стимуляции – МЭИ, ВЭИ и УЭ, с ценностями доброты и безопасности – эффективность и аутентичность.

У мужчин обнаружены прямые взаимосвязи подготовленности с ценностью безопасности, а МЭИ, ВЭИ, УЭ и эффективности – с ценностью конформности.

Библиографические ссылки

1. Малкина-Пых ИГ. *Возрастные кризисы взрослости*. Москва: Эксмо; 2005. 416 с.
2. Schwartz S. An overview of the Schwartz theory of basic values. *Online Readings in Psychology and Culture* [Internet]. 2012 [cited 2022 July 25];2(1). Available from: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/11/>. DOI: 10.9707/2307-0919.1116.
3. Карандашев ВН. *Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство*. Санкт-Петербург: Речь; 2004. 72 с.
4. Андреева ИН. *Эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность: специфика и взаимодействие*. Новополоцк: Полоцкий государственный университет; 2020. 356 с.
5. Pelaez-Fernández MA, Extremera N, Fernández-berroca P. Perceived emotional intelligence and aggression among adults: the moderating role of gender. *Australian Journal of Psychology*. 2015;67(3):140–148.
6. Люсин ДВ. Современные представления об эмоциональном интеллекте. В: Ушаков ДВ, Люсин ДВ, редакторы. *Социальный интеллект: теория, измерение, исследования*. Москва: Институт психологии РАН; 2004. с. 29–36.
7. Averill JR. Individual differences in emotional creativity: structure and correlates. *Journal of Personality*. 1999;67(2): 331–371.
8. Chaturvedi RK. *Emotional intelligence and value orientation of research scholars: a journey into heart and minds of the research scholars*. London: Lambert Academic Publishing; 2012. 268 p.
9. Гуренко ЕС, Карпова ЕГ. Влияние эмоционального интеллекта и ценностных ориентаций руководителя на систему управления в бизнесе. *Современные технологии управления* [Интернет]. 2021 [процитировано 20 июля 2022 г.];4. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-emotsionalnogo-intellekta-i-tsennostnyh-orientatsiy-rukovoditelya-na-sistemu-upravleniya-v-biznese>.
10. Радионов ГА. Ценностные ориентации юношей и девушек с различным уровнем эмоционального интеллекта. *Сибирский учитель*. 2020;2:52–58.
11. Лекавичене Р, Антинене Д. Тест эмоционального интеллекта EI-DARL. *Вопросы психологии*. 2015;1:133–146.
12. Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behaviour change. In: Bandura A, Baumeister RF, editors. *The self in social psychology*. Philadelphia: Psychology Press; 1999. p. 285–288.
13. Люсин ДВ. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн. *Психологическая диагностика*. 2006;4:3–22.
14. Андреева ИН. *Структура и типология эмоционального интеллекта* [диссертация]. Минск: БГУ; 2017. 359 с.
15. Валиуллина ЕВ. Потребность в достижении успеха и эмоциональность личности. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»* [Интернет]. 2019 [процитировано 21 июля 2022 г.];9. Доступно по: <http://e-koncept.ru/2019/192036.htm>.
16. Winter DG. The power motive in women and men. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988;54:510–519.

References

1. Malkina-Pykh IG. *Vozrastnye krizisy vzroslosti* [Age-related crises of adulthood]. Moscow: Eksmo; 2005. 416 p. Russian.
2. Schwartz S. An overview of the Schwartz theory of basic values. *Online Readings in Psychology and Culture* [Internet]. 2012 [cited 2022 July 25];2(1). Available from: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/11/>. DOI: 10.9707/2307-0919.1116.
3. Karandashev VN. *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostei lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo* [Schwartz's methodology for the study of personal values: concept and methodological guide]. Saint Petersburg: Rech'; 2004. 72 p. Russian.
4. Andreyeva IN. *Emotsional'nyi intellekt i emotsional'naya kreativnost': spetsifika i vzaimodeistvie* [Emotional intelligence and emotional creativity: specificity and interaction]. Navapolack: Polotsk State University; 2020. 356 p. Russian.
5. Pelaez-Fernández MA, Extremera N, Fernández-berroca P. Perceived emotional intelligence and aggression among adults: the moderating role of gender. *Australian Journal of Psychology*. 2015;67(3):140–148.
6. Lyusin DV. [Modern ideas about emotional intelligence]. In: Ushakov DV, Lyusin DV, editors. *Sotsial'nyi intellekt: teoriya, izmerenie, issledovaniya* [Social intelligence: theory, measurement, research]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2004. p. 29–36. Russian.
7. Averill JR. Individual differences in emotional creativity: structure and correlates. *Journal of Personality*. 1999;67(2): 331–371.
8. Chaturvedi RK. *Emotional intelligence and value orientation of research scholars: a journey into heart and minds of the research scholars*. London: Lambert Academic Publishing; 2012. 268 p.

9. Gurenko ES, Karpova EG. The influence of emotional intelligence and value orientations of a leader on the management system in business. *Modern Management Technologies* [Internet]. 2021 [cited 2022 July 20];4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-emotsionalnogo-intellekta-i-tsennostnyh-orientatsiy-rukovoditelya-na-sistemu-upravleniya-v-biznese>. Russian.
10. Radionov GA. Orientation values for boys and girls with different levels of emotional intelligence. *Siberian Teacher*. 2020;2:52-58. Russian.
11. Lekavicienė R, Antinienė D. EI-DARL emotional intelligence test. *Voprosy psikhologii*. 2015;1:133–146. Russian.
12. Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behaviour change. In: Bandura A, Baumeister RF, editors. *The self in social psychology*. Philadelphia: Psychology Press; 1999. p. 285–288.
13. Lyusin DV. [A new method for measuring emotional intelligence: the EmIn questionnaire]. *Psychological Diagnostics*. 2006;4:3–22. Russian.
14. Andreyeva IN. *Struktura i tipologiya emotsional'nogo intellekta* [Structure and typology of emotional intelligence] [dissertation]. Minsk: Belarusian State University; 359 p. 2017. Russian.
15. Valiullina EV. The need for success and emotionalism of a person. *Scientific-Methodological Electronic Journal «Koncept»* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 21];9. Available from: <http://e-koncept.ru/2019/192036.htm>. Russian.
16. Winter DG. The power motive in women and men. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988;54:510–519.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022.
Received by editorial board 13.09.2022.

УДК 159.9.072.52

АДАПТАЦИЯ ОПРОСНИКА «МОТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ» НА ВЫБОРКЕ БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ

И. В. ТКАЧЁВ¹⁾, Г. А. ФОФАНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Приведены результаты адаптации методики исследования мотивов использования электронных социальных сетей. Выявлена факторная структура методики. Доказаны валидность и надежность опросника. Представлены описательные статистики исследуемых конструкторов. Проанализированы половозрастные различия в показателях шкал, а также различия в зависимости от профиля специальности студентов. В результате исследования подтверждена восьмифакторная структура опросника, включающая в себя следующие мотивы: новые дружеские отношения, академические цели, социальная связанность, фоллоуинг и наблюдение за другими, развлечения, социальное признание, самовыражение и информация.

Ключевые слова: электронные социальные сети; мотивы; теория использования и удовлетворения; адаптация методики; диагностика мотивов; социальные медиа.

ADAPTATION OF THE QUESTIONNAIRE «MOTIVES FOR USING ELECTRONIC SOCIAL NETWORKS» ON A SAMPLE OF BELARUSIAN STUDENTS

I. V. TKACHOV^a, G. A. FOFANOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. V. Tkachov (tkachovivan13@gmail.com)

The results of adapting the methodology of researching the motives for using electronic social networks are shown. The factor structure of the questionnaire is revealed. The validity and reliability of the questionnaire are proved. Descriptive statistics of the investigated constructs are given. Gender and age differences in the indicators of the scales, as well as differences depending on the profile of the specialty of students are analysed. The study confirmed the eight-factor structure of the questionnaire, which includes the following motives: new friendships, academic purposes, social connectedness, following and monitoring others, entertainment, social recognition, self-expression and information.

Keywords: social network sites; motives; uses and gratification theory; questionnaire adaptation; diagnosis of motives; social media.

Образец цитирования:

Ткачѳв ИВ, Фофанова ГА. Адаптация опросника «мотивы использования электронных социальных сетей» на выборке белорусских студентов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;1:82–94.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-82-94>

For citation:

Tkachov IV, Fofanova GA. Adaptation of the questionnaire «motives for using electronic social networks» on a sample of Belarusian students. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;1:82–94. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-82-94>

Авторы:

Иван Валентинович Ткачѳв – аспирант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – Г. А. Фофанова.

Галина Александровна Фофанова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Ivan V. Tkachov, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.

tkachovivan13@gmail.com

Galina A. Fofanova, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.

Востребованность социальных медиа в Беларуси растет. Количество пользователей данных ресурсов в период с января 2021 г. по январь 2022 г. увеличилось на 450 тыс. человек (11,5 %) и насчитывало 4,35 млн пользователей, что составляет 41,6 % от общей численности населения¹. По результатам исследования Института социологии НАН Беларуси, проведенного в начале 2020 г., наибольшая вовлеченность в социальные медиа отмечается среди молодого населения в возрасте от 16 до 29 лет [1]. Согласно настоящему исследованию (282 опрошенных студента) 53,2 % респондентов ответили, что используют такой вид социальных медиа, как электронные социальные сети (ЭСС), каждый день, 39,7 % участников опроса делают это постоянно (в режиме онлайн остаются практически на протяжении всего дня). Рост популярности и востребованность данных платформ вызывают интерес исследователей к основным причинам и последствиям их использования, прежде всего молодежью. Так, за последнее время увеличилось количество работ, посвященных изучению связи мотивов использования социальных медиа с личностными качествами и зависимостью от социальных медиа [2; 3], образом тела, неправильным питанием [4; 5] и др.

Мотивация использования социальных медиа обычно рассматривается в рамках теории использования и удовлетворения (*uses and gratification theory*) [6–8], возникшей в русле исследований массовой коммуникации. Она берет свое начало в 1940-х гг. в работах американских ученых, в которых изучались потребности аудитории, удовлетворяемые различными массмедиа. Популярность теория приобрела в конце 1950-х – начале 1960-х гг., когда распространялось телевидение.

В 1973 г. Э. Кац, Дж. Блумлер и М. Гуревич сформулировали основные положения данного подхода, заложив теоретическую основу для исследований в этом направлении: аудитория рассматривается как активная, т. е. предполагается, что важной составляющей использования массмедиа является направленность на достижение цели; в процессе массовой коммуникации большая инициатива в установлении связи между удовлетворением потребностей и выбором медиа принадлежит представителю аудитории; массмедиа конкурируют с другими источниками, в которых могут реализовываться потребности; с методологической точки зрения многие цели использования массмедиа могут быть выявлены из данных, предоставляемых членами аудитории, т. е. люди обладают достаточным уровнем самоанализа, чтобы сообщить свои интересы и мотивы в конкретных случаях или по крайней мере распознать их, столкнувшись с ними в понятной и знакомой словесной формулировке; оценочные суждения о культурной важности массовой комму-

никации должны быть приостановлены, пока ориентации аудитории исследуются в ее собственных терминах [6]. Основываясь на данных положениях, исследователи изучают мотивы, детерминирующие использование людьми современных социальных медиа.

В рамках теории использования и удовлетворения принято выделять «искомое удовлетворение», соответствующее потребности, и «получаемое удовлетворение», т. е. фактический результат использования медиа [9; 10]. Когда получаемое удовлетворение сильнее искомого, это увеличивает намерение повторного использования медиа. Кроме того, в рамках данного подхода была предпринята попытка выделить основные потребности аудитории. К ним относятся когнитивные (информация), эмоциональные (развлечение), социальные (связь), личные интегративные (уверенность, статус) потребности и эскапизм [7]. В современных исследованиях рассматриваются схожие группы мотивов использования социальных медиа. К ним относятся мотивы, связанные с потребностью во взаимоотношениях (мотивы социального признания, установления новых отношений, поддержания социальных контактов, принадлежности к виртуальному сообществу), гедонистическими потребностями и потребностями регуляции настроения (мотивы поиска позитивных ощущений, расслабления и эскапизма), потребностью в информации (мотивы поиска информации) и потребностью в развитии личной идентичности (мотивы исследования личной идентичности, самовыражения и самоутверждения) [11].

Одним из наиболее популярных видов социальных медиа, рассматриваемых в данной работе, являются сайты социальных сетей, или ЭСС. В настоящем исследовании авторы придерживаются определения ЭСС, предложенного Н. Эллисон и Д. Бойд. Согласно этим ученым ЭСС – это сетевая коммуникационная платформа, в которой участникам предоставляются следующие возможности: 1) иметь уникальные идентифицируемые профили, состоящие из контента, производимого самим пользователем, из контента, предоставляемого другими пользователями, и (или) из данных системного уровня; 2) публично формировать связи, которые просматривают и исследуют другие пользователи; 3) потреблять, производить и (или) взаимодействовать с потоками пользовательского контента, предоставленного их контактами на сайте [12, p. 158]. По мнению авторов данной статьи, такое определение наиболее точно отражает функционал и специфику ЭСС, что позволяет отделить их от других социальных медиа. Исходя из вышеописанных пунктов, к ЭСС можно отнести популярные в Беларуси сервисы *ВКонтакте*, *Одноклассники*, *Facebook*, *Instagram*, *TikTok* и *Twitter*. Стоит отметить, что, в отличие от ЭСС, такие

¹Digital 2022: Belarus [Electronic resource]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-belarus> (date of access: 19.04.2022).

платформы, как *Viber*, *Telegram*, *WhatsApp*, называемые мессенджерами, не дают возможности пользователям публично формировать свои связи, также в них отсутствует привычная лента контента, поэтому данную группу социальных медиа авторы настоящей работы не рассматривают в качестве ЭСС.

Несмотря на очевидную актуальность изучения мотивов использования ЭСС, в русскоязычном пространстве отсутствуют валидные и надежные методики для их измерения, что послужило основанием для данного исследования. Таким образом, целью работы являлась адаптация методики измерения мотивов использования ЭСС на выборке белорусских студентов. Для этой цели был выбран опросник «шкала мотивов использования сайтов социальных сетей» (*scale of motives for using social networking sites*), созданный испанским исследователем М. А. Пертегалем и его коллегами [13]. Поставив цель разработать валидную и надежную методику, измеряющую широкий круг мотивов использования ЭСС, они создали опросник, включающий 27 утверждений и 9 шкал, соответствующих следующим мотивам: свидания, новые дружеские отношения, академические цели, социальная связность, фолловинг и наблюдение за другими, развлечения, социальное признание, самовыражение и информация.

В их исследовании участвовали старшекласники и студенты. Первичный набор пунктов был составлен на основании обзора литературы и результатов фокус-группы ($n = 48$, возрастной диапазон респондентов – 16–21 год). Для сокращения и уточнения набора пунктов было проведено пилотажное исследование ($n = 168$, возрастной диапазон респондентов – 14–24 года). После проверялись валидность и надежность опросника ($n = 1102$, возрастной диапазон респондентов – 13–25 лет). По итогам кросс-валидации была получена окончательная версия опросника. Респондентам предлагается выразить согласие с утверждениями, которые касаются причин использования ЭСС по шкале от 1 до 7. В целом результаты исследования подтвердили, что рассматриваемый опросник является валидной и надежной методикой для оценки мотивов молодежи к использованию ЭСС.

В рамках теории использования и удовлетворения, на положениях которой разрабатывался опросник, под мотивом понимается причина того или иного поведения. Детальному анализу природы феномена не уделяется особого внимания, при этом разграничение понятия «мотив» с терминами «потребность», «намерение», «цель» и другими феноменами, которые относятся к проблеме мотивационной сферы человека, не проводится. Чаще всего данные понятия используются как синонимы. При рассмотрении мотивов использования ЭСС с психологической перспективы важно уточнить понятие «мотив», раскрыть его структуру, а также раз-

граничить данный феномен с другими конструктами, связанными с процессом мотивации.

По мнению авторов настоящей статьи, наиболее полным и обоснованным является понимание мотива как сложного интегративного феномена. Такого взгляда придерживался Е. П. Ильин [14]. В структуре психологического образования он выделил потребностный блок, включающий биологические, социальные потребности и долженствование. Потребность – это состояние внутреннего напряжения, появляющееся в результате отражения в сознании нужды в чем-либо. Потребность выполняет побудительную функцию. В блок внутреннего фильтра входят оценка ситуации и своих возможностей (знаний, умений и качеств), нравственный контроль (убеждения, ценности и т. д.), предпочтения (интересы и склонности) и уровень притязаний. Целевой блок включает в себя образ предмета, способного удовлетворить потребность, опредмеченное действие, потребностную цель и представление процесса удовлетворения потребности. Процесс мотивации (формирование мотива) происходит следующим образом: сначала в сознании актуализируется потребность, вызывающая внутреннее напряжение и побуждающая к поисковой активности. На этапе поисковой активности происходит перебор возможных целей и оценка путей их достижения с учетом внешних обстоятельств и личностных факторов человека (знания, умения, качества, убеждения, ценности и т. д.), оценивается вероятность успеха и прогнозируются последствия при выборе того или иного пути удовлетворения потребности. На последнем этапе выбираются конкретная цель (предмет стремления) и пути ее достижения, образуется намерение, т. е. сознательное решение предпринять какие-либо действия. Здесь формирование мотива завершается. Таким образом, под мотивом понимается сложное психологическое образование, побуждающее к сознательным действиям и поступкам и служащее для них основанием (обоснованием) [14, с. 344]. В такой трактовке рассматриваемого феномена и его структуры учитывается широкий круг факторов мотивационной сферы человека и находят свое место различные психологические образования, связанные с процессом мотивации.

Стоит разграничить понятие мотивов использования ЭСС с конструктом вовлеченности, который также часто рассматривается в контексте использования ЭСС [15; 16]. В этот конструкт может входить широкий круг явлений, однако значимым является то, что он отражает совокупный опыт пользователя, и этот опыт способствует использованию ЭСС и взаимодействию с контентом. Индикаторами вовлеченности могут служить не только индивидуальные особенности субъекта (например, положительный опыт использования ЭСС), но и объективные показатели активности (например, количество про-

веденного времени в ЭСС, посещений, публикаций и т. д.) [17]. В свою очередь, мотивы использования ЭСС отражают причины их использования и лежа-

щие в его основе потребности субъекта. Мотивы также могут рассматриваться как один из показателей вовлеченности в ЭСС [18; 19].

Материалы и методы исследования

Процедура адаптации методики включала следующие этапы:

- подготовку перевода оригинальной методики с английского языка и его экспертную оценку психологами, владеющими английским языком;
- сбор эмпирических данных в целях проверки психометрических свойств методики;
- оценку факторной структуры методики, проверку надежности по критерию внутренней согласованности и оценку конвергентной валидности путем выявления связей показателей шкал опросника с показателями других методик, концептуально связанных с мотивами использования ЭСС;
- повторный сбор данных в целях выявления надежности методики по критерию устойчивости, проверку связей между результатами первого и повторного исследования.

Статистический анализ данных производился при помощи пакетов *Statistic 20* и *Stata 17*. Выборку

исследования составили 282 студента, обучающихся на шести факультетах Белорусского государственного университета (138 мужчин и 144 женщины), из них 130 студентов обучаются на социально-гуманитарных специальностях и 152 – на математических (73 первокурсника, 33 второкурсника, 153 третькурсника и 23 четверокурсника). Возрастной диапазон опрошиваемых составил 17–23 года ($M = 19,28 \pm 1,16$).

В настоящей работе была видоизменена инструкция к опроснику: добавлена информация о том, что понимается под ЭСС, и приведены примеры соответствующих сервисов. Кроме того, было обозначено, что утверждения не относятся к мессенджерам, а также к узкоспециализированным ЭСС (например, *LinkedIn*). Такое решение было принято в целях уточнения круга рассматриваемых социальных медиа и ориентации на наиболее популярные ЭСС, нацеленные на широкую аудиторию и позволяющие удовлетворять большой спектр потребностей.

Результаты и их обсуждение

Анализ факторной структуры. Для проверки факторной структуры методики были проведены эксплораторный факторный анализ (ЭФА) и конфирматорный факторный анализ (КФА). Соответствие модели оценивалось исходя из следующих показателей: частное хи-квадрата и степени свободы ($\chi^2 / df \leq 2$ – хорошее соответствие, $\chi^2 / df \leq 5$ – приемлемое соответствие [18]), сравнительный индекс соответствия и индекс Такера – Льюиса ($CFI \geq 0,90$ и $TLI \geq 0,90$ – приемлемое соответствие [19], $CFI \geq 0,95$ и $TLI \geq 0,95$ – хорошее соответствие [20]), стандартизированный корень среднеквадратического остатка ($SRMR < 0,08$ – хорошее соответствие [20]) и корень среднеквадратической ошибки аппроксимации ($RMSEA < 0,05$ – хорошее соответствие, $RMSEA < 0,08$ – приемлемое соответствие [21]).

Кроме девятифакторной структуры, проверялись также семифакторная и восьмифакторная структуры в соответствии с оригинальным исследованием. Приемлемость проведения процедуры ЭФА подтверждена показателями критерия Кайзера – Мейера – Олкина ($KMO = 0,85$) и значимостью коэффициента сферичности Барттлета ($p = 0$).

ЭФА (метод главных компонент с вращением варимакс) с заданными восьмью факторами показал следующие результаты: пункты из шкалы, измеряющей мотив самовыражения, вошли в факторы «поиск новых друзей» (п. 19) и «социальное признание» (п. 2, 10). Остальные переменные вошли в факторы

в соответствии с оригинальным исследованием. В семифакторном решении пункты из шкал «социальная связность» и «фоллоуинг и наблюдение за другими» объединились в один фактор. Из шкалы «самовыражение» п. 19 вошел в шкалу «поиск новых друзей», п. 2 и 10 – в шкалу «социальное признание».

После анализа параметров распределения по полученным факторам (шкалам) гипотеза о нормальном распределении была отвергнута. Особенно сильно данные были скошены в сторону низких значений по фактору «свидания» ($A = 2,8$, $E = 8,5$) – 64,2 % респондентов получили по этой шкале минимально возможный балл (3 из 21). Она состояла из пунктов, содержащих следующие утверждения: «для поиска свиданий», «для поиска романтического партнера» и «для поиска ни к чему не обязывающих романтических отношений». Можно предположить, что на такое смещение ответов повлиял интимный характер конструкта. Респонденты проявили чрезмерную социальную желательность, что могло исказить результаты. По этой причине было принято решение исключить данную шкалу из дальнейшего анализа.

Мультиколлинеарности в результате проверки данных не выявлено. Гипотеза о многомерной нормальности распределения данных также была отклонена, поэтому КФА проводился с поправкой А. Саттора и П. М. Бентлера [22]. Результаты проверки всех трех моделей представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели соответствия моделей

Table 1

Models' fit indicators

Модель	χ^2 / df	CFI	TLI	SRMR	RMSEA
Восьмифакторное решение	2,24	0,92	0,90	0,07	0,066
Семифакторное решение	2,37	0,90	0,89	0,08	0,070
Шестифакторное решение	2,64	0,88	0,86	0,08	0,076

Исходя из результатов, представленных в табл. 1, восьмифакторное решение наиболее соответствует данным. Для улучшения показателей соответствия модели были рассмотрены индексы модификации. В частности, добавлены связи между ошибками измерения индикаторных переменных, входящих в одни и те же латентные переменные (п. 5 и 13, п. 15 и 22, п. 8 и 16, п. 6 и 14, п. 2 и 10, п. 1 и 9). Все они оказались статистически значимыми. По ито-

гам всех модификаций получился следующий результат: $\chi^2 / df = 1,88$, CFI = 0,94, TLI = 0,93, SRMR = 0,05, RMSEA = 0,056. Несмотря на то что такой результат несколько хуже, чем в оригинальном исследовании ($\chi^2 / df = 1,32$, CFI = 0,99, TLI = 0,98, SRMR = 0,01, RMSEA = 0,03), показатели указывают на приемлемое соответствие модели исходным данным. Факторные нагрузки пунктов приведены в табл. 2. Все они оказались статистически значимыми ($p < 0,001$).

Таблица 2

Факторные нагрузки окончательной модели

Table 2

Factor loadings of the final model

Номер пункта	Фактор (утверждение)	Нагрузка
<i>Новые дружеские отношения</i>		
3	Чтобы обрести новых друзей	0,92
11	Для расширения круга своих друзей	0,92
18	Чтобы познакомиться с новыми людьми	0,90
<i>Академические цели</i>		
5	Чтобы узнавать о том, что нужно учить для сдачи экзаменов	0,59
13	Чтобы просить конспекты занятий или делиться ими	0,65
20	Чтобы проверять групповые задания или делиться ими	0,87
<i>Социальная связанность</i>		
7	Чтобы не чувствовать себя оторванным от мира	0,65
15	Чтобы чувствовать связь с людьми	0,93
22	Чтобы чувствовать себя социально интегрированным человеком	0,84
<i>Фолловинг и наблюдение за другими</i>		
8	Чтобы быть в курсе того, чем занимаются мои контакты в повседневной жизни	0,75
16	Чтобы знать подробности жизни моих друзей	0,78
24	Чтобы следить за интересными для меня людьми	0,72
<i>Развлечения</i>		
6	Чтобы скоротать свободное время	0,68
14	Чтобы убить время, когда мне скучно	0,76
23	Чтобы развлечь себя	0,93
<i>Социальное признание</i>		
4	Чтобы выделиться среди других	0,68
12	Чтобы другие люди комментировали мои посты	0,86
21	Чтобы проверять, нравятся ли мои посты другим людям	0,76

Окончание табл. 2
Ending table 2

Номер пункта	Фактор (утверждение)	Нагрузка
<i>Самовыражение</i>		
2	Для выражения своих мыслей и чувств	0,61
10	Чтобы высказывать свое мнение по поводу каких-либо вопросов	0,64
19	Чтобы обсуждать какие-либо темы с другими людьми	0,62
<i>Информация</i>		
1	Чтобы быть в курсе того, что происходит в мире	0,54
9	Чтобы быть в курсе новостей	0,65
17	Чтобы находить информацию о темах, которые мне нравятся и интересны	0,73

Анализ надежности по критерию внутренней согласованности. Для проверки опросника на надежность по критерию внутренней согласованности применялся метод α -Кронбаха. Тест в це-

лом показал хорошие либо приемлемые результаты, что свидетельствует о высокой надежности методики по критерию внутренней согласованности (табл. 3).

Таблица 3

Результаты вычислений коэффициента α -Кронбаха в общей, мужской и женской выборках и в зависимости от возраста респондентов

Table 3

Results of calculations of the Cronbach's alpha coefficient in general, male, female samples and depending on age of respondents

Шкала	Общая выборка	Мужчины	Женщины	Возраст	
				17–19 лет	20–23 года
Новые дружеские отношения	0,94	0,93	0,94	0,95	0,93
Академические цели	0,79	0,77	0,80	0,81	0,76
Социальная связность	0,81	0,85	0,73	0,79	0,83
Фоллоуинг и наблюдение за другими	0,82	0,84	0,76	0,82	0,83
Развлечения	0,87	0,86	0,86	0,90	0,84
Социальное признание	0,80	0,81	0,78	0,82	0,77
Самовыражение	0,71	0,71	0,66	0,70	0,72
Информация	0,78	0,83	0,70	0,84	0,73

Анализ надежности по критерию устойчивости. Для проверки надежности опросника по критерию устойчивости применялся метод «тест-ретест». Повторный сбор данных производился спустя две недели после первоначального. Выборку составили 94 студента из числа тех, кто заполнял опросник в первом исследовании (61 мужчина и 33 женщины). Возраст респондентов составил 17–20 лет ($M = 18,90 \pm 0,99$). Кроме того, 48 опрошенных обучаются на математических специальностях, 46 человек – на социально-гуманитарных. Оценка производилась путем сравнения среднего и стандартного отклонения показателей по шкалам методики из первого и второго исследования. Также использовался t -критерий Стьюдента для связанных выборок в целях оценки статистической значимости различий. Анализировались

корреляционные связи между результатами по шкалам методики из первого и второго исследований.

Больших различий по средним и стандартным отклонениям между первым и вторым исследованием не обнаружено (табл. 4).

При сравнении выборок статистически значимых различий в результатах первого и второго исследований не обнаружено ($p > 0,05$), за исключением шкалы «развлечения» ($p = 0,04$). Однако, как видно из табл. 4, разница среднего арифметического значения между первым и вторым исследованиями для данной шкалы невелика.

В результате проведения корреляционного анализа выявлены статистически значимые связи, свидетельствующие о хорошей устойчивости конструкторов (табл. 5).

Таблица 4

Средние и стандартные отклонения значений по шкалам (тест-ретест)

Table 4

Mean and standard deviations of the values on the scales (test-retest)

Шкала	Тест		Ретест	
	М	SD	М	SD
Новые дружеские отношения	7,81	4,66	8,09	4,37
Академические цели	11,62	5,24	12,17	5,14
Социальная связность	10,43	4,95	10,71	5,12
Фолловинг и наблюдение за другими	10,84	4,97	10,54	4,82
Развлечения	14,76	5,00	14,04	5,10
Социальное признание	5,81	3,31	6,24	3,61
Самовыражение	9,28	3,90	8,76	4,00
Информация	14,29	5,02	14,29	4,93

Примечание. М – среднее арифметическое значение, SD – стандартное отклонение.

Таблица 5

Корреляционные связи значений шкал (тест-ретест)

Table 5

Correlations of the values on the scales (test-retest)

Шкала	<i>r</i>
Новые дружеские отношения	0,71**
Академические цели	0,74**
Социальная связность	0,74**
Фолловинг и наблюдение за другими	0,80**
Развлечения	0,78**
Социальное признание	0,81**
Самовыражение	0,68**
Информация	0,78**

Примечание. *r* – коэффициент корреляции, ** $p \leq 0,01$.

Таким образом, полученные показатели свидетельствуют о хорошей надежности методики по критерию устойчивости.

Проверка конвергентной валидности. Для оценки конвергентной валидности при помощи коэффициента корреляции *rs*-Спирмена анализировались связи показателей переменных по шкалам адаптируемой методики с показателями по другим опросникам, измеряющими конструкты, концептуально связанные с мотивами использования ЭСС. Для этого использовался опросник проблемного использования социальных сетей [23], состоящий из пяти шкал: «предпочтение онлайн-общения», «регуляция эмоций», «когнитивная поглощенность», «компульсивное использование» и «негативные последствия». Также применялся опросник «шкала интернет-за-

висимости CIAS» [24], включающий четыре шкалы: «межличностные проблемы и проблемы со здоровьем», «симптомы отмены», «симптомы толерантности и компульсивные симптомы» и «проблемы с управлением временем». Кроме этого, для исследования были взяты две шкалы из краткого опросника «большая пятерка (TIPI, КОБТ)» [25]: «экстраверсия» и «эмоциональная устойчивость». Проверялись корреляционные связи между шкалами адаптируемой методики и количеством затрачиваемого времени в день на активное использование ЭСС. Данный показатель отражает субъективную оценку респондентов. Корреляционные связи между показателями мотивов использования ЭСС и вышеописанными переменными представлены в табл. 6.

Таблица 6

**Связи шкал опросника мотивов использования
электронных социальных сетей со шкалами опросников,
измеряющих концептуально схожие конструкты**

Table 6

**Relationship between the scales of the motives
for using electronic social networks questionnaire and the scales
of questionnaires measuring conceptually similar constructs**

Шкала	ПОО	РЭ	КП	КИ	НП	CIAS IH	CIAS Wit	CIAS TC	CIAS TM	КОБТ Экс	КОБТ ЭУ	ВИ
Новые дружеские отношения	0,15*	0,33**	0,19**	0,21**	0,14*	0,13*	0,16**	0,25**	0,05	0,17**	-0,13*	0,18**
Академические цели	0,06	0,15*	0,13*	0,11	-0,002	0,01	0,16**	0,09	-0,03	-0,03	-0,07	0,21**
Социальная связность	0,17**	0,48**	0,51**	0,45**	0,19**	0,22**	0,34**	0,37**	0,13*	0,09	-0,27**	0,31**
Фолловинг и наблюдение за другими	0,16**	0,44**	0,43**	0,38**	0,08	0,13*	0,28**	0,29**	0,13*	0,13*	-0,16**	0,30**
Развлечения	0,17**	0,41**	0,27**	0,41**	0,10	0,17**	0,24**	0,37**	0,16**	0,05	-0,19**	0,31**
Социальное признание	0,09	0,34**	0,28**	0,27**	0,14*	0,15*	0,18**	0,24**	0,07	0,24**	-0,17**	0,29**
Самовыражение	0,11	0,40**	0,28**	0,27**	0,17**	0,10	0,24**	0,25**	0,10	0,22**	-0,23**	0,23**
Информация	0,09	0,21**	0,18**	0,18**	-0,08	-0,07	0,10	0,07	-0,03	0,11	0,02	0,26**

Примечания. 1. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$. 2. ПОО – предпочтение онлайн-общения, РЭ – регуляция эмоций, КП – когнитивная поглощенность, КИ – компульсивное использование, НП – негативные последствия, CIAS IH – межличностные проблемы и проблемы со здоровьем, CIAS Wit – симптомы отмены, CIAS TC – симптомы толерантности и компульсивные симптомы, CIAS TM – проблемы с управлением временем, КОБТ Экс – экстраверсия, КОБТ ЭУ – эмоциональная устойчивость, ВИ – количество затрачиваемого времени в день на активное использование ЭСС.

Как видно из табл. 6, показатели мотивов использования ЭСС положительно коррелируют с показателями шкал методик, измеряющих проблемное использование ЭСС, интернет-зависимость и экстраверсию, а также со временем, затрачиваемым на активное использование ЭСС в день. Наблюдаются отрицательные корреляции с эмоциональной устойчивостью. Стоит отметить, что больше всего мотивов коррелируют с показателями шкал «регуляция эмоций», «когнитивная поглощенность», «компульсивное использование» опросника проблемного использования социальных сетей, а также с показателями шкал «симптомы отмены» и «симптомы толерантности и компульсивные симптомы» опросника «шкала интернет-зависимости». Это говорит о том, что у студентов, в большей степени мотивированных на использование ЭСС, более ярко выражена склонность регулировать свое эмоциональное состояние при помощи социальных сетей. Кроме того, увеличение мотивированности сопровождается увеличением навязчивых мыслей, связанных с желанием зайти в ЭСС, а также неспособностью контролировать свое пребывание в них. Обращает на себя внима-

ние то, что наименьшее количество связей обнаружено с мотивами «академические цели» и «информация», которые менее всего детерминированы потребностью в общении и установлении связей с другими людьми. Экстраверсия и эмоциональная устойчивость коррелирует с мотивами использования ЭСС, что соответствует результатам, полученным в оригинальном исследовании. Как и ожидалось, все мотивы положительно коррелируют со временем активного использования ЭСС в день.

При помощи кластерного анализа методом k -средних выборка была разделена на две группы. В первую группу ($n = 148$) вошли студенты с более высокими показателями по всем мотивам использования ЭСС. Во вторую группу ($n = 134$), соответственно, вошли студенты, имеющие более низкие показатели. Две группы сравнивались между собой при помощи t -критерия Стьюдента для независимых выборок. В результате было обнаружено, что показатели по всем переменным, кроме эмоциональной устойчивости, статистически значимо выше в первой группе, чем во второй (табл. 7). Среднее значение эмоциональной устойчивости выше во второй группе.

Таблица 7

Различия средних значений переменных между первой и второй группами

Table 7

Differences in the means of variables between the first and second groups

Переменная	Первая группа		Вторая группа		Уровень значимости (p)
	М	SD	М	SD	
Предпочтение онлайн-общения	8,83	3,74	7,66	3,94	0,010
Регуляция эмоций	14,13	4,54	9,28	4,75	0,001
Когнитивная поглощенность	9,40	4,22	5,95	3,36	0,001
Компульсивное использование	11,02	4,45	7,19	4,00	0,001
Негативные последствия	6,62	3,50	5,76	3,37	0,040
Межличностные проблемы и проблемы со здоровьем	12,95	3,58	11,40	3,29	0,001
Симптомы отмены	11,64	2,93	9,69	3,19	0,001
Симптомы толерантности и компульсивные симптомы	18,34	4,20	15,06	4,38	0,001
Проблемы с управлением временем	9,45	3,43	8,45	3,18	0,010
Экстраверсия	8,65	2,82	7,89	2,60	0,020
Эмоциональная устойчивость	8,15	2,99	9,25	2,84	0,002
Время активного использования ЭСС в день, мин	233	136	173	156	0,001

Примечание. М – среднее арифметическое значение, SD – стандартное отклонение.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о конвергентной валидности методики.

Различия по полу, возрасту и профилю специальности. В табл. 8 представлены средние и стандартные отклонения по каждой шкале адаптируемой методики для общей, мужской и женской выборок.

Выявлены самые высокие показатели у студентов по шкалам «развлечения» и «информация» и самые низкие по шкалам «социальное признание» и «но-

вые дружеские отношения». Это говорит о том, что из исследуемых мотивов использования ЭСС основными побудителями для респондентов являются желание развлечься или скоротать время в ЭСС, а также поиск необходимой информации об интересующих темах или потребление новостного контента. Наименее всего использование ЭСС студентами детерминировано желанием обрести новых друзей, а также потребностью выделиться и получить признание от других пользователей.

Таблица 8

Средние и стандартные отклонения значений по шкалам у респондентов

Table 8

Mean and standard deviations of the values on the scales for the respondents

Шкалы	Общая выборка		Мужчины		Женщины	
	М	SD	М	SD	М	SD
Новые дружеские отношения	8,20	4,83	6,94	4,27	9,40	5,04
Академические цели	12,33	5,02	11,55	4,95	13,08	4,99
Социальная связанность	11,16	4,92	9,67	5,00	12,59	4,40
Фоллоving и наблюдение за другими	11,85	5,01	10,13	4,97	13,51	4,48
Развлечения	14,88	4,70	13,64	4,88	16,07	4,21
Социальное признание	6,32	3,95	5,51	3,57	7,10	4,14
Самовыражение	9,85	4,45	8,64	4,30	11,02	4,28
Информация	15,37	4,54	14,52	4,99	16,19	3,92

Примечание. М – среднее арифметическое значение, SD – стандартное отклонение.

Обнаружены статистически значимые различия между мужской и женской выборками. Показатели по всем шкалам статистически значимо выше в женской выборке ($p < 0,01$). Так, женщины в большей степени мотивированы на использование ЭСС, чем мужчины, при этом самые большие различия в средних отклонениях наблюдаются по мотивам «социальная связность» и «фоллоуинг и наблюдение за другими».

В результате сравнения выборок с разными возрастными диапазонами было выявлено, что показатели по шкалам «развлечения» и «социальное признание» статистически значимо выше ($p < 0,05$ и $p < 0,01$ соответственно) в выборке студентов в возрасте 17–19 лет ($M = 15,51$, $SD = 4,80$ и $M = 6,93$, $SD = 4,16$ соответственно), чем в выборке респондентов

в возрасте 20–23 лет ($M = 14,24$, $SD = 4,53$ и $M = 5,71$, $SD = 3,63$ соответственно).

Чтобы исключить влияние переменной пола, сравнение в зависимости от профиля специальности студентов проводилось отдельно для мужской и женской выборок. В результате было обнаружено, что в мужской выборке у студентов, обучающихся на специальностях социально-гуманитарного профиля ($n = 41$), мотив «академические цели» выражен сильнее ($M = 13,95$, $SD = 4,50$, $p < 0,001$), чем у студентов, обучающихся на специальностях математического профиля ($n = 97$) ($M = 10,54$, $SD = 4,62$). В женской выборке у студенток социально-гуманитарного профиля ($n = 89$) мотив «социальное признание» выражен сильнее ($M = 7,88$, $SD = 4,37$), чем у студенток математического профиля обучения ($n = 55$) ($M = 5,84$, $SD = 3,41$).

Заключение

Наличие связей показателей по шкалам адаптируемой методики с показателями опросников, измеряющих интернет-зависимость, проблемное использование ЭСС, экстраверсию и эмоциональную устойчивость, соответствует предыдущим исследованиям [2; 3; 13] и указывает на конвергентную валидность методики. Факторная валидность опросника подтверждена результатами факторного анализа. Надежность опросника по критерию внутренней согласованности доказана результатами теста α -Кронбаха. Также подтверждена ретестовая надежность методики, указывающая на стабильность диагностируемых свойств.

Стоит отметить, что специфичными являются результаты проверки различий между мужской и женской выборками. Существует ряд исследований, подтверждающих, что мужчины чаще используют ЭСС для установления новых отношений, в то время как женщины – для поддержания существующих связей [26–28]. По результатам настоящего исследования все мотивы сильнее выражены у респондентов женского пола, чем мужского, в том числе мотив установления новых дружеских отношений. Возможно, данный результат специфичен именно для белорусской выборки студентов и детерминирован культурными особенностями.

Говоря о возрастных различиях выраженности мотивов использования ЭСС среди молодежи, стоит отметить, что по данному вопросу имеется мало эмпирических данных. То же самое можно сказать и про связь профиля получаемой специальности с мотивами. Тем не менее в данном исследовании было обнаружено, что для более молодых студентов в большей степени характерно использование ЭСС в целях развлечения, получения социального признания и одобрения. Этот результат

можно объяснить обратной связью вовлеченности в ЭСС с возрастом [1], а также тем, что в студенческом возрасте активно формируется личностная идентичность и устанавливаются социальные связи. Можно предположить, что для более молодых респондентов, относительно недавно поступивших в учреждение высшего образования и заводящих новые знакомства, в большей степени важна социальная оценка и одобрение со стороны окружающих, поэтому данный мотив у них выражен сильнее.

Обнаруженные различия по мотивам «академические цели» (у респондентов мужской выборки) и «социальное признание» (у респондентов женской выборки) в зависимости от профиля получаемой специальности указывают на актуальность исследования различий в мотивации использования ЭСС студентами из различных образовательных субкультур.

Таким образом, исследование показало, что методика «опросник мотивов использования электронных социальных сетей» обладает достаточной надежностью и валидностью для изучения мотивов использования ЭСС студентами. Русскоязычная версия включает в себя 24 пункта и 8 шкал.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на оценку психометрических свойств опросника на более объемной выборке, а также с участием респондентов из разных учреждений высшего образования, разделенных на более равные когорты по курсам обучения. Необходима проверка инвариантности факторной структуры методики. Кроме этого, перспективой дальнейших исследований может быть проверка дискриминантной валидности, а также более глубокое исследование конвергентной валидности с подбором конструкторов, специфичных для каждой шкалы опросника.

Приложение

Опросник «мотивы использования электронных социальных сетей»

Ниже представлен ряд утверждений, касающихся возможных причин использования социальных сетей. Социальная сеть – это сетевая коммуникационная платформа, в которой участники создают личные профили, публикуют, комментируют различный контент (тексты, фото, видео) и делятся им, формируют списки друзей, подписываются на других пользователей, а также обмениваются сообщениями в личных чатах. Утверждения относятся к социальным сетям открытого доступа (например, *ВКонтакте*, *Одноклассники*, *Facebook*, *Instagram*, *TikTok* и *Twitter*). Утверждения не относятся к узкоспециализированным социальным сетям (например, *LinkedIn*) и мессенджерам (например, *Telegram*, *Viber* и т. п.). Пожалуйста, оцените степень своего согласия с утверждениями по шкале от 1 до 7, где 1 – полностью не согласен, 2 – не согласен, 3 – скорее не согласен, 4 – нейтрален, 5 – скорее согласен, 6 – согласен, 7 – полностью согласен.

Для чего Вы используете социальные сети?		
№ п/п	Утверждение	Ответ
1	Чтобы быть в курсе того, что происходит в мире	
2	Для выражения своих мыслей и чувств	
3	Чтобы обрести новых друзей	
4	Чтобы выделиться среди других	
5	Чтобы узнавать о том, что нужно учить для сдачи экзаменов	
6	Чтобы скоротать свободное время	
7	Чтобы не чувствовать себя оторванным от мира	
8	Чтобы быть в курсе того, чем занимаются мои контакты в повседневной жизни	
9	Чтобы быть в курсе новостей	
10	Чтобы высказывать свое мнение по поводу каких-либо вопросов	
11	Для расширения круга своих друзей	
12	Чтобы другие люди комментировали мои посты	
13	Чтобы просить конспекты занятий или делиться ими	
14	Чтобы убить время, когда мне скучно	
15	Чтобы чувствовать связь с людьми	
16	Чтобы знать подробности жизни моих друзей	
17	Чтобы находить информацию о темах, которые мне нравятся и интересны	
18	Чтобы познакомиться с новыми людьми	
19	Чтобы обсуждать какие-либо темы с другими людьми	
20	Чтобы проверять групповые задания или делиться ими	
21	Чтобы проверять, нравятся ли мои посты другим людям	
22	Чтобы чувствовать себя социально интегрированным человеком	
23	Чтобы развлечь себя	
24	Чтобы следить за интересными для меня людьми	

Ключ к опроснику:

- новые дружеские отношения – 3, 11, 18;
- академические цели – 5, 13, 20;
- социальная связность – 7, 15, 22;
- фолловинг и наблюдение за другими – 8, 16, 24;
- развлечения – 6, 14, 23;
- социальное признание – 4, 12, 21;
- самовыражение – 2, 10, 19;
- информация – 1, 9, 17.

Библиографические ссылки

1. Подвальская ВС. Социальные медиа в современном медиaprостранстве Республики Беларусь (по результатам эмпирического исследования). В: Гусаков ВГ, редактор. *Молодежь в науке – 2020. Материалы XVII Международной научной конференции; 25 сентября 2020 г; Минск, Беларусь*. Минск: Беларуская навука; 2020. с. 306–307.
2. Kircaburun K, Alhabash S, Tosuntaş ŞB, Griffiths MD. Uses and gratifications of problematic social media use among university students: a simultaneous examination of the Big Five of personality traits, social media platforms, and social media use motives. *International Journal Of Mental Health and Addiction*. 2020;8(3):525–547. DOI: 10.1007/s11469-018-9940-6.
3. Schivinski B, Brzozowska-Woś M, Stansbury E, Satel J, Montag C, Pontes HM. Exploring the role of social media use motives, psychological well-being, self-esteem, and affect in problematic social media use. *Frontiers in Psychology*. 2020;11:1–10. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.617140.
4. Rodgers RF, Mclean SA, Gordon CS, Slater A, Marques MD, Jarman HK, et al. Development and validation of the motivations for social media use scale (MSMU) among adolescents. *Adolescent Research Review*. 2021;6(4):425–435. DOI: 10.1007/s40894-020-00139-w.
5. Holland G, Tiggemann M. A systematic review of the impact of the use of social networking sites on body image and disordered eating outcomes. *Body Image*. 2016;17:100–110. DOI: 10.1016/j.bodyim.2016.02.008.
6. Katz E, Blumler JG, Gurevitch M. Uses and gratifications research. *The Public Opinion Quarterly*. 1973;37(4):509–523.
7. Katz E, Haas H, Gurevitch M. On the use of the mass media for important things. *American Sociological Review*. 1973;38(2):164–181. DOI: 10.2307/2094393.
8. Ruggiero TE. Uses and gratifications theory in the 21st century. *Mass Communication & Society*. 2000;3(1):3–37. DOI: 10.1207/S15327825MCS0301_02.
9. Palmgreen P, Wenner LA, Rayburn JD. Relations between gratifications sought and obtained a study of television news. *Communication Research*. 1980;7(2):161–192. DOI: 10.1177/009365028000700202.
10. Bae M. Understanding the effect of the discrepancy between sought and obtained gratification on social networking site users' satisfaction and continuance intention. *Computers in Human Behavior*. 2018;79:137–153. DOI: 10.1016/j.chb.2017.10.026.
11. Pertegal-Vega M-Á, Oliva-Delgado A, Rodriguez-Meirinhos A. Revisión sistemática del panorama de la investigación sobre redes sociales: taxonomía sobre experiencias de uso. *Comunicar*. 2019;60:81–91. DOI: 10.3916/C60-2019-08.
12. Ellison NB, Boyd DM. Sociality through social network sites. In: Dutton WH, editor. *The Oxford handbook of internet studies*. Oxford: Oxford University Press; 2013. p. 151–172. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199589074.013.0008.
13. Pertegal-Vega M-Á, Oliva A, Rodríguez-Meirinhos A. Development and validation of the Scale of Motives for Using Social Networking Sites (SMU-SNS) for adolescents and youths. *PLoS One*. 2019;14(12):1–21. DOI: 10.1371/journal.pone.0225781.
14. Ильин ЕП. *Мотивация и мотивы*. Санкт-Петербург: Питер; 2002. 512 с.
15. Фофанова ГА, Позднякова АВ. Эмоциональный интеллект студентов с различной степенью вовлеченности в электронные социальные сети. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2017;1:120–126.
16. Sigerson L, Cheng C. Scales for measuring user engagement with social network sites: A systematic review of psychometric properties. *Computers in Human Behavior*. 2018;83:87–105. DOI: 10.1016/j.chb.2018.01.023.
17. McCay-Peet L, Quan-Haase A. A model of social media engagement: user profiles, gratifications, and experiences. In: O'Brien H, Cairns P, editors. *Why engagement matters: cross-disciplinary perspectives and innovations on user engagement with digital media*. Heidelberg: Springer Verlag; 2016. p. 199–217. DOI: 10.1007/978-3-319-27446-1_9.
18. Hair JF, Black WC, Babin BJ, Anderson RE. *Multivariate data analysis*. New Jersey: Prentice Hall; 2013. 734 p.
19. Awang Z. *A handbook on structural equation modeling using AMOS graphic*. Kota Baru: Universiti Teknologi MARA Press; 2012. 231 s.
20. Hu L, Bentler PM. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: a Multidisciplinary Journal*. 1999;6(1):1–55. DOI: 10.1080/10705519909540118.
21. Browne MW, Cudeck R. Alternative ways of assessing model fit. *Sociological Methods & Research*. 1992;21(2):230–258. DOI: 10.1177/0049124192021002005.
22. Satorra A, Bentler PM. Corrections to test statistics and standard errors in covariance structure analysis. In: von Eye A, Clogg CC, editors. *Latent variables analysis: applications for developmental research*. Thousand Oaks: Sage; 1994. p. 399–419.
23. Сирота НА, Московченко ДВ, Ялтонский ВМ, Ялтонская АВ. Разработка русскоязычной версии опросника проблемного использования социальных сетей. *Консультативная психология и психотерапия*. 2018;26(3):33–55. DOI: 10.17759/cpp.2018260303.
24. Трусова АВ, Шумская ДС, Кибитов АО. Психометрические свойства и валидизация русскоязычной версии шкалы интернет-зависимости CIAS в выборке молодых взрослых. *Вопросы наркологии*. 2021;7:34–54. DOI: 10.47877/0234-0623_2021_07_34.
25. Корнилова Т, Чумакова М. Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ). *Психологические исследования*. 2016;9(46):5. DOI: 10.54359/ps.v9i46.480.
26. Krasnova H, Veltri NF, Eling N, Buxmann P. Why men and women continue to use social networking sites: The role of gender differences. *The Journal of Strategic Information Systems*. 2017;26(4):261–284. DOI: 10.1016/j.jsis.2017.01.004.
27. Jackson LA, Wang JI. Cultural differences in social networking site use: a comparative study of China and the United States. *Computers in Human Behavior*. 2013;29(3):910–921. DOI: 10.1016/j.chb.2012.11.024.
28. Mazman SG, Usluel YK. Gender differences in using social networks. *Turkish Online Journal of Educational Technology – TOJET* [Internet]. 2011 [cited 2022 August 15];10(2):133–139. Available from: https://www.researchgate.net/publication/279622067_Gender_differences_in_using_social_networks.

References

1. Podval'skaya VS. [Social media in the modern media space of the Republic of Belarus (based on the results of an empirical study)]. In: Gusakov VG, editor. *Molodezh' v nauke – 2020. Materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 25 sentyabrya 2020 g; Minsk, Belarus'* [Youth in science – 2020. Materials of the 17th International scientific conference; 2020 September 25; Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2020. p. 306–307. Russian.
2. Kircaburun K, Alhabash S, Tosuntaş ŞB, Griffiths MD. Uses and gratifications of problematic social media use among university students: a simultaneous examination of the Big Five of personality traits, social media platforms, and social media use motives. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2020;8(3):525–547. DOI: 10.1007/s11469-018-9940-6.
3. Schivinski B, Brzozowska-Woś M, Stansbury E, Satel J, Montag C, Pontes HM. Exploring the role of social media use motives, psychological well-being, self-esteem, and affect in problematic social media use. *Frontiers in Psychology*. 2020;11:1–10. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.617140.
4. Rodgers RF, Mclean SA, Gordon CS, Slater A, Marques MD, Jarman HK, et al. Development and validation of the motivations for social media use scale (MSMU) among adolescents. *Adolescent Research Review*. 2021;6(4):425–435. DOI: 10.1007/s40894-020-00139-w.
5. Holland G, Tiggemann M. A systematic review of the impact of the use of social networking sites on body image and disordered eating outcomes. *Body Image*. 2016;17:100–110. DOI: 10.1016/j.bodyim.2016.02.008.
6. Katz E, Blumler JG, Gurevitch M. Uses and gratifications research. *The Public Opinion Quarterly*. 1973;37(4):509–523.
7. Katz E, Haas H, Gurevitch M. On the use of the mass media for important things. *American Sociological Review*. 1973;38(2):164–181. DOI: 10.2307/2094393.
8. Ruggiero TE. Uses and gratifications theory in the 21st century. *Mass Communication & Society*. 2000;3(1):3–37. DOI: 10.1207/S15327825MCS0301_02.
9. Palmgreen P, Wenner LA, Rayburn JD. Relations between gratifications sought and obtained a study of television news. *Communication Research*. 1980;7(2):161–192. DOI: 10.1177/009365028000700202.
10. Bae M. Understanding the effect of the discrepancy between sought and obtained gratification on social networking site users' satisfaction and continuance intention. *Computers in Human Behavior*. 2018;79:137–153. DOI: 10.1016/j.chb.2017.10.026.
11. Pertegal-Vega M-Á, Oliva-Delgado A, Rodríguez-Meirinhos A. Revisión sistemática del panorama de la investigación sobre redes sociales: taxonomía sobre experiencias de uso. *Comunicar*. 2019;60:81–91. DOI: 10.3916/C60-2019-08.
12. Ellison NB, Boyd DM. Sociality through social network sites. In: Dutton WH, editor. *The Oxford handbook of internet studies*. Oxford: Oxford University Press; 2013. p. 151–172. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199589074.013.0008.
13. Pertegal-Vega M-Á, Oliva A, Rodríguez-Meirinhos A. Development and validation of the Scale of Motives for Using Social Networking Sites (SMU-SNS) for adolescents and youths. *PloS One*. 2019;14(12):1–21. DOI: 10.1371/journal.pone.0225781.
14. Il'in EP. *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. Saint Petersburg: Piter; 2002. 512 p. Russian.
15. Fofanova GA, Pozdnjakova AV. Emotional intelligence of students with different degrees of involvement in electronic social networks. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2017;1:120–126. Russian.
16. Sigerson L, Cheng C. Scales for measuring user engagement with social network sites: a systematic review of psychometric properties. *Computers in Human Behavior*. 2018;83:87–105. DOI: 10.1016/j.chb.2018.01.023.
17. McCay-Peet L, Quan-Haase A. A model of social media engagement: user profiles, gratifications, and experiences. In: O'Brien H, Cairns P, editors. *Why engagement matters: cross-disciplinary perspectives and innovations on user engagement with digital media*. Heidelberg: Springer Verlag; 2016. p. 199–217. DOI: 10.1007/978-3-319-27446-1_9.
18. Hair JF, Black WC, Babin BJ, Anderson RE. *Multivariate data analysis*. New Jersey: Prentice Hall; 2013. 734 p.
19. Awang Z. *A handbook on structural equation modeling using AMOS graphic*. Kota Baru: Universiti Teknologi MARA Press; 2012. 231 p.
20. Hu L, Bentler PM. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: a Multidisciplinary Journal*. 1999;6(1):1–55. DOI: 10.1080/1070519909540118.
21. Browne MW, Cudeck R. Alternative ways of assessing model fit. *Sociological Methods & Research*. 1992;21(2):230–258. DOI: 10.1177/0049124192021002005.
22. Satorra A, Bentler PM. Corrections to test statistics and standard errors in covariance structure analysis. In: von Eye A, Clogg CC, editors. *Latent variables analysis: applications for developmental research*. Thousand Oaks: Sage; 1994. p. 399–419.
23. Sirota NA, Moskovchenko DV, Yaltonsky VM, Yaltonskaya AV. Development of the Russian version of the problematic social networks use scale. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2018;26(3):33–55. Russian. DOI: 10.17759/cpp.2018260303.
24. Trusova AV, Shumskaya DS, Kibitov AO. Psychometric properties and validation of the Russian version of the chinese internet addiction scale (cias) in a sample of young adults. *Journal of Addiction Problems*. 2021;7:34–54. Russian. DOI: 10.47877/0234-0623_2021_07_34.
25. Kornilova TV, Chumakova MA. Development of the Russian version of the brief Big Five questionnaire (TIPI). *Psychological Studies*. 2016;9(46):5. Russian. DOI: 10.54359/ps.v9i46.480.
26. Krasnova H, Veltri NF, Eling N, Buxmann P. Why men and women continue to use social networking sites: The role of gender differences. *The Journal of Strategic Information Systems*. 2017;26(4):261–284. DOI: 10.1016/j.jsis.2017.01.004.
27. Jackson LA, Wang JI. Cultural differences in social networking site use: a comparative study of China and the United States. *Computers in Human Behavior*. 2013;29(3):910–921. DOI: 10.1016/j.chb.2012.11.024.
28. Mazman SG, Usuel YK. Gender differences in using social networks. *Turkish Online Journal of Educational Technology – TOJET* [Internet]. 2011 [cited 2022 August 15];10(2):133–139. Available from: https://www.researchgate.net/publication/279622067_Gender_differences_in_using_social_networks.

Статья поступила в редколлегию 15.09.2022.
Received by editorial board 15.09.2022.

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ЛИЧНОСТИ С РАЗЛИЧНЫМ ТРАВМАТИЧЕСКИМ ОПЫТОМ

Д. Р. ШАРИПОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Дополнено определение жизнестойкости в психологии. Проанализировано понятие жизнестойкости у разных авторов, выделены общие характеристики. Описана структурная модель жизнестойкости. В этой модели определены психологические факторы жизнестойкости, новообразования личности с различным травматическим опытом, а также способы, помогающие справиться с ними (такие компоненты жизнестойкости, как вовлеченность, контроль и принятие риска). Представлены три техники работы с травматическими переживаниями в контексте жизнестойкости. На примере исследований раскрыты особенности жизнестойкости личности с различным травматическим опытом. Выявлены психологические факторы выбора определенного (жизнестойкого или виктимного) способа совладания с травматическим опытом.

Ключевые слова: жизнестойкость; вовлеченность; контроль; принятие риска; структурная модель жизнестойкости; психологическая травма; ситуативная реконструкция; фокусирование; компенсаторное самосовершенствование; виктимная и жизнестойкая стратегия преодоления.

RESILIENCE OF A PERSON WITH VARIOUS TRAUMATIC EXPERIENCES

D. R. SHARIPOVA^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The definition of resilience in psychology is expanded. The definitions of resilience by different authors are analysed, and the general characteristics of resilience are highlighted. The structural model of resilience is described, and the psychological factors of resilience are highlighted. New characteristics of the personality with various traumatic experiences are highlighted, as well as ways to cope with them through the components of resilience: involvement, control, risk-taking. Three techniques for dealing with traumatic experiences in the context of resilience are presented. The features of the resilience of a person with various traumatic experiences are revealed using the case studies presented. The psychological factors of choosing a particular (resilient or victim) way of coping with traumatic experience are revealed.

Keywords: resilience; involvement; control; risk-taking; structural model of resilience; psychological trauma; situational reconstruction; focusing; compensatory self-improvement; victim and resilience coping strategies.

Образец цитирования:

Шарипова ДР. Жизнестойкость личности с различным травматическим опытом. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023; 1:95–105.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-95-105>

For citation:

Sharipova DR. Resilience of a person with various traumatic experiences. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;1:95–105. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-95-105>

Автор:

Дарья Рустемовна Шарипова – аспирантка кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент А. С. Солодухо.

Author:

Daria R. Sharipova, postgraduate student at the department of general and medical psychology, faculty of philosophy and social sciences.
darya.sharypava@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7235-6247>

Введение

В настоящее время актуальной является проблема жизнестойкости. Высокий темп современной жизни, большие объемы информации и мировые кризисные ситуации 2020–2022 гг. – все это различным образом воздействует на индивида, предъявляет к нему повышенные требования и проверяет на стрессоустойчивость. Безусловно, жизнестойкость зависит от количества личностных ресурсов, изначальных внутренних настроек и опыта. Поэтому важно расширить формулировку изучаемого феномена, а также выявить особенности жизнестойкости у личности, пережившей травматический опыт.

В отечественной психологии Д. А. Леонтьев определял рассматриваемый термин как черту личности, характеризующуюся тем, насколько она подходит заданным жизненным обстоятельствам [1]. Для изучения и определения жизнестойкости С. Мадди создал модель согласованности, в которую входят индивиды с высоким и низким уровнем активации. Первые характеризуются бодростью, энергичностью и активностью, а вторые – пассивностью в отношении жизни и склонностью к частым неудачам. Жизнестойкость, являясь внутренним ресурсом, помогает личности адаптироваться к различным жизненным ситуациям.

Кроме того, Р. М. Рахимова представляет данный феномен как комплекс ценностных установок, осуществляющих положительный жизненный проект, а также возможность реально оценить себя и адаптироваться под необходимые условия. По мнению Е. М. Медведевой, жизнестойкость – мера способности личности держаться в трудных ситуациях, при этом быть внутренне уравновешенным и не допускать проблем в работе. Жизнестойкость, как ресурс, помогающий противостоять дезадаптации индивида и вытекающим из этого последствиям, рассматривал Р. И. Стетишин. С. А. Богомаз формулировал данный феномен в качестве «системного психологического свойства, возникающего у человека вследствие особого сочетания установок и навыков, позволяющих ему превращать проблемные ситуации в новые возможности» (цит. по [2, с. 271]). Некоторые ученые (например, А. Н. Фоминова) выделяют содержательную и практическую сторону понятия. Первая подразумевает ценности, интересы, смыслы в разных ситуациях, а вторая – развитие ресурсов и вариативности способов действия в различных условиях [3].

Рассматриваемое понятие также определяется в качестве совокупности ценностных установок, меры способности личности, личностно-психологического ресурса, системного психологического свойства или личностной черты. Во всех этих вариантах есть нечто общее. И это тот факт, что жизнестойкость помогает качественно адаптироваться под существующие жизненные условия. Таким образом, ак-

туально обозначить понятие, на которое можно будет опираться в дальнейших работах.

Проведено большое количество исследований таких личностных характеристик, необходимых для адаптации в трудных жизненных ситуациях, как устойчивость личности (В. Э. Чудновский, К. К. Платонов), личностный потенциал (Д. А. Леонтьев) и жизнестойкость (С. Кобейс, С. Мадди). По мнению Е. И. Рассказовой, нахождение психологических ресурсов для преодоления трудных жизненных ситуаций является важным моментом их разрешения.

В отечественной психологической науке длительное время существовало понятие «жизнеспособность», которое установил Б. Г. Ананьев. Он обозначал этим термином энергетический потенциал личности и считал, что данное качество влияет на ее трудоспособность, интеллектуальную и эмоциональную составляющую, а также на стремление к реализации целей. То, что помогало в преодолении жизненных ситуаций, ученые трактовали не только как жизнестойкость.

Другие исследователи рассматривали исключительно теоретические аспекты жизнестойкости (Л. А. Александрова), характеристики жизнестойкой личности (О. А. Березкина), а также жизнестойкость в качестве возможности профилактики суицидов (С. В. Книжникова).

Изучение данного феномена актуально и сегодня, ведь смена старых норм, ценностей, условий и приспособление к новым требуют от личности определенных качеств и возможностей для адаптации.

Стоит отметить особую роль жизнестойкости личности, пережившей травматический опыт. Прошлые выработанные механизмы данного индивида не работают в процессе адаптации и приводят к психологической травме, а жизнестойкость, как известно, помогает справиться с различными жизненными ситуациями. Важно выделить особенности жизнестойкой личности, которые помогают ей справляться с травмирующими ситуациями. На основе понимания этих личностных характеристик, а также тех индивидуальных особенностей, которые усугубляют травму, можно в дальнейшем разрабатывать психокоррекционные мероприятия.

Таким образом, различия в определении жизнестойкости приводят к несогласованности исследований в этой области и к появлению сложностей в сравнении результатов, поэтому так важно выделить наиболее полную трактовку этого понятия. Цель данной работы – выявление особенностей жизнестойкости личности с различным травматическим опытом. Для достижения цели необходимо дополнить определение жизнестойкости, а также выявить личностные новообразования, происходящие в травматическом опыте, а затем охарактеризовать особенности жизнестойкости личности с различным травматическим опытом.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили работы, в которых рассматривались проблемы жизнестойкости, а также анализировалась жизнестойкость

личности с различным травматическим опытом. В качестве метода исследования использовался теоретический анализ.

Результаты и их обсуждение

Понятие жизнестойкости впервые определили и наиболее полно представили С. Мадди и С. Коббейз. Оно, однако, берет свои истоки еще с философских воззрений П. Тиллиха и теологии С. Кьеркегора. С. Мадди рассматривал жизнестойкость как феномен, который входит в ядро системы, действующей в преодолении и снижении негативного воздействия стрессоров, сохраняя психологическое благополучие личности. Иначе говоря, жизнестойкость помогает снизить уровень психоэмоционального напряжения в стрессовой ситуации и наилучшим образом преодолеть неблагоприятное воздействие стрессора [4].

Д. А. Леонтьев рассматривал жизнестойкость в качестве личностной черты с определенными характеристиками. Также данное понятие определяют через свойство личности, например, как меру способности личности или как комплекс установок. Жизнестойкость может быть ресурсом личности (С. Мадди), отвагой (П. Тиллих по Л. А. Александровой), способностью самопреодоления (Д. А. Леонтьев), а также действовать вопреки жизненным ситуациям (М. Хайдеггер по Д. А. Леонтьеву). Как писал С. А. Богомаз, данный феномен является способностью «превращать проблемные ситуации в новые возможности» (цит. по [5, с. 22]). Жизнестойкость включает в себя поведенческий, когнитивный, мотивационный и эмоциональный компоненты. Поведенческий компонент состоит из поведенческих паттернов и имеющихся в арсенале личности навыков преодоления различных ситуаций. Когнитивный компонент отвечает за когнитивную оценку ситуации, которую возможно или невозможно преодолеть либо которая находится на грани личностных возможностей. Мотивационный компонент характеризуется мотивом деятельности личности, а эмоциональный отвечает за аффективное регулирование и способность переживать ситуацию [6].

В настоящее время обзор теоретических концепций жизнестойкости проводили следующие исследователи: Р. В. Овчарова [7], И. В. Ярошук [8], Р. Р. Галиев [9], И. К. Аманова и А. К. Белецкая [10], С. М. Гайнуллина [11], О. А. Селиванова, Н. В. Быстрова и И. И. Дереча [12], З. Г. Ханова и Д. И. Симонова [13], а также Е. А. Евтушенко [14]. Однако существует множество понятий, близких по значению с изучаемым феноменом. В зарубежных исследованиях таковым является термин «резильентность» (вариативность выбора стратегий совладания в существующих условиях), который в отечественной психологии ана-

логичен понятию «жизнеспособность» (А. И. Лактионова, А. А. Нестерова). Также жизнестойкость рассматривают в контексте адаптации к изменившимся средовым условиям (О. В. Вовденко, А. И. Лактионова), в контексте здоровья (А. В. Вахмистрова, Р. О. Дружинин), в контексте изучения морали и нравственности (Н. И. Алексеева, Л. П. Бразговка) и в контексте культуры отношений (А. И. Синицына). Жизнеспособность определяют и как широкое понятие, вбирающее в себя резильентность, использование личностного потенциала, возможностей ситуации и гибкость выбора нужных стратегий совладания и отказа от неблагоприятных [15]. Сложность сравнения этих понятий обусловлена тем, что при их сопоставлении авторы выбирают различные критерии. Однако общее в этих понятиях есть: они представляют собой то, что важно использовать в ответ на стрессовые события.

В зарубежных статьях часто употребляется слово «резильентность» в качестве способности к адаптации в новых негативных жизненных условиях. Резильентность – это то, что стабильно присутствует в личности и помогает ей справляться с трудными жизненными ситуациями [16]. Немаловажно отметить, что использование только одной стратегии преодоления каждый раз является изматывающим, изнурительным для индивида, в то время как применение разнообразия имеющихся личностных стратегий наиболее продуктивно в адаптации [17]. Переосмысление стрессоров снижает эмоциональное напряжение, что благоприятно сказывается на переживании ситуации, особенно если в дальнейшем индивид может подключить свой ресурсный потенциал.

Так как изучаемый феномен наиболее расширенно описывал С. Мадди, остановимся на его структурной модели жизнестойкости. Автор выделил наследственные факторы, нагрузку (физическую, психологическую), стрессогенные обстоятельства (хронические неразрешенные внутренние конфликты, острые деструктивные изменения), соматические проблемы (соматические заболевания, неэффективное поведение, психическое истощение), установки (компоненты) жизнестойкости (вовлечение, контроль, принятие риска), совладание (решительная активность, видение перспективы в неблагоприятной ситуации), социальную поддержку (психологическая помощь близкого социального окружения личности) и жизнестойкий образ жизни (забота о здоровье, питании, физическом тоне)

организма) [18]. Из этой модели видно, что С. Мадди объединил различные (физические и психологические) влияющие на личность факторы воедино, однако не представил критерии для их классификации. Он смешал внешние и внутренние факторы. Из типологических аспектов можно выделить психологическую нагрузку, стрессогенные обстоятельства, установки жизнестойкости, жизнестойкое соладание и социальную поддержку жизнестойкости.

С. Мадди писал о том, что жизнестойкость закладывается еще в раннем детстве, основываясь на особенностях детско-родительских отношений, и только в зрелом возрасте происходит переосмысление личного арсенала качеств для преодоления ситуаций. При определении феномена жизнестойкости С. Мадди дополнил ее категорией смысла. Весомое значение имеет то, как личность внутренне переживает ситуацию, на что опирается в процессе переживания, какие качественные стратегии принимает и чем руководствуется при их выборе, потому что эти решения могут повлечь за собой либо получение нового опыта, либо застревание в травме. Иначе говоря, они могут быть нацелены на будущее или прошлое. Например, стратегии, направленные на новый опыт, его преодоление, также базируются на прошлом индивида, но нуждаются в новом способе действия. Однако человек может принимать решения, которые держат его в прошлом и которые он извлекает из своего опыта, но уже без активности в новом направлении и стремления поступать иначе [18].

С. Мадди выделил три компонента изучаемого феномена: вовлеченность, контроль и принятие риска. Индивид с развитой вовлеченностью может в разных ситуациях находить нечто ценное для себя благодаря включенности в ситуацию и своей активной позиции в ней. Личность с развитым контролем считает, что, воздействуя на ситуацию, можно ее изменить. Существуют ситуации, в которых легко что-либо поменять или для разрешения которых необходимо прилагать много усилий. Если рассматриваемый компонент слабо развит, индивид избегает трудностей и ставит легкие для себя цели, при этом остается пассивным и почти не верит в результативность своих усилий. Личность с хорошо развитым компонентом принятия риска считает различные события жизненным опытом, на который в дальнейшем можно будет опираться. Чем больше такого опыта в ее арсенале, тем более разносторонне она развита [1].

Человек с развитой жизнестойкостью (выраженными компонентами жизнестойкости) имеет большую личностную устойчивость и арсенал жизненного опыта, а также он активен в преодолении трудных ситуаций. Эти три компонента заметны в установках и убеждениях индивида, его поведении и эмоциональном реагировании. Благодаря данным ком-

понентам личность справляется с травматическими ситуациями с разной долей успешности. Лица с развитой жизнестойкостью не будут избегать жизненных трудностей – они превращают их в возможности. Кроме того, развитая жизнестойкость играет ключевую роль в психологическом благополучии, например в снижении негативных последствий дистресса. Жизнестойкость связана с ощущением счастья и чувством жизненной удовлетворенности [19].

С. Мадди утверждал о важности развития всех компонентов жизнестойкости для реализации психологического благополучия и преодоления стрессовых ситуаций с меньшими эмоциональными затратами. Высокий уровень жизнестойкости задает активность и мотивирует к деятельности так, чтобы стрессовые события были пройдены благоприятно. Стоит заметить, что психологические ресурсы каждого индивида ограничены, но, зная количество и качество этих ресурсов, можно выстроить свое регулирующее поведение. В процессе любой деятельности возникают трудности, однако человек может научиться их преодолевать благоприятным для себя образом.

Определение, сформулированное С. Мадди, использовал в своих исследованиях А. А. Климов, в которых он раскрывал взаимосвязь жизненных ценностей личности студентов и их жизнестойкости [4]. Обучающиеся желают сохранять свои ценности, составляющие ядро личности, и жизнестойкость помогает им в этом. Так, студенты меняют в себе неустойчивые жизненные ценности, что нужно для адаптации в ситуации [5]. Иначе говоря, жизнестойкость – это важная составляющая индивида, помогающая регулировать ключевые личностные характеристики.

Стоит отметить исследования жизнестойкости в контексте ценностно-смысловых ориентиров личности Д. А. Тувышевой и Г. И. Атамоновой [20] и жизнестойкости в аспекте психологической безопасности личности И. С. Морозовой и Е. А. Медовиковой [21]. Также в психологической науке представлены множество работ, в которых рассматриваются жизнестойкость и эмоциональное благополучие [22], жизнестойкость и удовлетворенность качеством жизни [23]. Проводятся исследования жизнестойкости в ситуации пандемии [24–27]. Актуален анализ жизнестойкости личности в конфликтной ситуации [28] и в ситуации хронического заболевания [29], а также жизнестойкости педагогов [30–32], спортсменов [33], летчиков [34], студентов творческих специальностей [35] и менеджеров [36].

Проведено большое количество исследований в возрастной и семейной психологии: изучались жизнестойкость подростков [37], юношей и девушек [38]. Работы И. О. Егоровой и О. Е. Ефимовой [39], а также Н. А. Греховой и Г. Н. Каменевой [40] посвящены влиянию семьи на формирование жизнестойкости, а статья Ю. Б. Григорьевой – половозрастным

особенностям жизнестойкости [41]. И. А. Аликин, М. И. Аликин и Н. В. Лукьянченко фокусировались на связи жизнестойкости студентов с отношением к ним родителей [42].

Изменения жизнестойкости представителей разных поколений показаны в работе М. И. Постниковой, А. В. Микляевой, Н. В. Сивриковой и Л. А. Регуш [43]. Наиболее интересный обзор на современные зарубежные исследования данного феномена сделала Т. В. Корнилова [44].

Таким образом, в настоящей статье представлено определение жизнестойкости, основывающееся на понятии Д. А. Леонтьева и дополненное характеристиками С. Мадди. Жизнестойкость – это черта личности, включающая определенные компоненты (контроль, вовлеченность, принятие риска) и характеризующаяся разнообразными ресурсами, необходимыми для преодоления жизненных ситуаций. Жизнестойкость зависит от психологической нагрузки, особенностей стрессогенных обстоятельств и жизнестойкого совладания, а также от социальной поддержки. Данная черта проявляется в различных ситуациях в зависимости от состояния ресурсов личности в данный момент и качества развития этих психологических факторов у конкретного индивида.

Психологическая травма особым образом воздействует на основные личностные убеждения, которые могут и помогать в преодолении, и быть неэффективными в определенных ситуациях (Р. Яноф-Бульман, М. Горовитц).

В системном подходе к психологической травме в экзистенциальной психологии (схожая методология в гештальттерапии (Ф. Перлз) и в подходе Б. Колодзина) переживание сопровождаются чувства страха, тревоги и вины, а также состояния бессилия и беспомощности. Личность может изолироваться, фиксироваться на прошлом или психологически застревать. Важно определить то, какие компоненты жизнестойкости необходимы для преодоления этих разнообразных чувств и состояний. Вопрос травматизации затрагивал и С. Мадди при изучении феномена жизнестойкости. Индивид делает выбор, направленный на прошлое (известное, знакомое) или на будущее (неопределенное) [45]. Регулярный выбор прошлого порождает отчуждение и состояние бессмысленности. Жизнестойкость, как личностная черта, проявляющая себя при определенных личностных ресурсах, необходима для выбора будущего.

Тревога и страх, которые часто сопровождаются психологическую травму, негативно влияют на личность, однако их принятие помогает переживанию этих чувств и снижению эмоционального накала. Для принятия чувств важно соотношение ресурсов личности в сторону преодоления ситуации. Стоит сделать акцент на том, что контроль важен для регуляции обстоятельств и воздействия на них, а вовлеченность и принятие риска необходимы для

личностной активности и выбора будущего вместо концентрации на страхе и тревогах. Погружаясь в ситуацию, пробуя вникать и пропускать ее через себя, личность преодолевает бессмысленность, что дает ему компонент вовлеченности. Принятие того, что эта ситуация является жизненным опытом, что в будущем есть смысл, а любой опыт важен, придает ресурс личности для совладания с психологической травмой. Это проявление компонента «принятие риска», который помогает переоценить травматический опыт и сделать его одним из ресурсов личности [45].

Согласно С. Мадди жизнестойкие убеждения могут быть сформированы. Существуют три основные техники работы с травматическими переживаниями, которые можно рассмотреть в контексте жизнестойкости: ситуативная реконструкция, фокусирование и компенсаторное самосовершенствование. Реконструкция помогает увидеть разные исходы ситуации во временной перспективе. Жизнестойкость, как ресурс с компонентами контроля и вовлеченности, помогает найти возможности личности и заметить свой контроль над обстоятельствами. Для личности с травматическим опытом очень важно подсвечивать моменты, на которые можно воздействовать. Ситуативная реконструкция может быть психотерапевтической в том случае, если личность уже подготовлена и не выбирает прошлое. Фокусирование необходимо для развития вовлеченности (Ю. Джендлин), встречи с чувствами и состояниями, которые отвергаются в психологической травме. Техника компенсаторного самосовершенствования значима для переключения внимания на другие жизненные аспекты, особенно при работе с тем, на что невозможно повлиять [45]. Такое рассмотрение жизнестойкости в контексте преодоления травматических ситуаций очень важно для психологической помощи. В нем раскрывается путь от определения феноменологии психологической травмы к обнаружению личностных ресурсов, необходимых для ее преодоления, так как от того, способна ли личность в данной ситуации быть активной, вовлеченной, замечать свой контроль, зависит выбор прошлого или будущего.

М. А. Одинцова приводит классификацию психологических травм (Ф. Рупперт), а также изучает стратегии поведения личности со схожими травмами на примере лиц с зависимостями и здоровых лиц. По Рупперту, психологические травмы по критерию рода неразрешенных конфликтов делятся на экзистенциальные травмы, травмы потери, травмы отношений и системные травмы отношений [46]. Самое интересное в выводах данного исследования то, что психологическая травма способствует виктимизации личности и порождает внутренние конфликты [47]. Это в дальнейшем будет воздействовать на выбор индивидом прошлого или будущего,

т. е. на виктимный или жизнестойкий путь преодоления трудных ситуаций. Психологические травмы отношений самые частые, а экзистенциальные травмы могут проявиться через долгое время после случившегося. Жизнестойкость помогает снизить личностную уязвимость к экзистенциальным психологическим травмам и травмам потерь. Виктимные стратегии препятствуют разрешению травматических ситуаций, их используют индивиды с психологической травмой отношений или травмой системных отношений. Противоречие состоит в том, что данным лицам трудно переживать свое одиночество и они избегают отношений, хотя также стремятся к ним. Психологическая травма системных отношений является одной из самых тяжелых, в наибольшей степени виктимизируя личность. Так, исследование М. А. Одинцовой раскрывает особенность жизнестойкости личности с травматическим опытом, т. е. выбор виктимного способа преодоления. Иначе говоря, индивид вместо развития компонентов жизнестойкости, вместо вовлеченности, попыток контроля ситуации и принятия жизненного опыта использует пассивность (уход, избегание стрессовой ситуации), непрямые (манипулятивная коммуникация) и асоциальные (агрессивное эмоциональное поведение) стратегии.

Анализируя старшеклассников с разным уровнем жизнестойкости, М. А. Одинцова сделала следующие выводы. Старшеклассники, имеющие разный уровень развития жизнестойкости, используют различные стратегии поведения в травматических ситуациях. Виктимные старшеклассники применяют деструктивные стратегии (игровая или социальная жертвенная роль). Среднежизнестойкие старшеклассники также имеют деструктивные паттерны и ролевую виктимность. Роль жертвы помогает девушкам привлекать психологические и материальные ресурсы, в то время как у юношей виктимность является началом развития жизнестойкости. У юношей отмечается больше контроля над ситуацией, чем у девушек, которые более склонны к манипуляциям, являющимися их стратегией преодоления [48].

В исследовании С. Н. Будыкиной и Н. В. Дворянчиковой рассматривались особенности преодоления экстремальных ситуаций у сотрудников правоохранительных органов и гражданских лиц [49]. Было выявлено, что посттравматический рост личности больше характерен для сотрудников правоохранительных органов, вероятно, ввиду того, что экстремальные ситуации (в силу профессиональных обязанностей) происходят часто, и это является обыденностью, а не чем-либо экстремальным в жизни. Сотрудники правоохранительных органов более успешно, чем гражданские лица, извлекают жиз-

ненный опыт из ситуаций. Здесь можно заметить проявление такого компонента жизнестойкости, как принятие риска. В данном исследовании выявлено, что у сотрудников выше показатель вовлеченности и контроля, что и воздействует на переход экстремальной ситуации в жизненный опыт [49].

Стоит заметить, что в экстремальных ситуациях важна не только жизнестойкость, но и привычные способы совладания с ситуацией, которые помогают в их результативном разрешении. Так как у сотрудников правоохранительных органов жизнестойкость выше и ее компоненты более развиты, то они активнее справляются с негативными последствиями экстремальных ситуаций. Такие результаты получены ввиду того, что сотрудники правоохранительных органов чаще сталкиваются со стрессовыми ситуациями, чем гражданские лица. Следовательно, существуют другие переменные, воздействующие на особенности формирования жизнестойкости личности.

В настоящее время продолжают быть актуальными исследования психологической травмы. Так, в работе Е. И. Екимовой и Е. П. Лучниковой психологическая травма рассматривалась как следствие экстремального стресса [50]. Е. А. Любимова на материалах зарубежных работ изучала факторы устойчивости к психологической травме [51]. Е. Б. Родионова анализировала предпосылки возникновения психологической травмы [52]. Особенности психологической травмы в кризисный период определяла Л. Х. Егорова [53].

Таким образом, в настоящей статье рассмотрены исследования жизнестойкости личности с различным травматическим опытом, в которых приводятся результаты анализа рассматриваемого феномена у лиц с зависимостями и без нее, одноклассников с разным уровнем жизнестойкости, сотрудников правоохранительных органов и гражданских лиц. Во всех этих работах респонденты делали выбор прошлого или будущего, виктимного или жизнестойкого способа поведения. На этот выбор воздействовали множество факторов, обилие которых представлено в структурной модели С. Мадди. Однако из данной модели можно выделить чисто психологические факторы, соотносящиеся с определением, предложенным автором настоящей статьи: психологическая нагрузка, особенности стрессогенных обстоятельств, способы совладания, а также наличие или отсутствие социальной поддержки. На примере исследований показано то, как профессиональные моменты воздействуют на личность. Интересной перспективой для дальнейших исследований является определение способа воздействия многообразия факторов на выбор того или иного пути преодоления травматических ситуаций.

Заключение

Изучение жизнестойкости личности с различным травматическим опытом позволяет сделать следующие выводы.

Жизнестойкость – это черта личности, включающая такие компоненты, как контроль, вовлеченность, принятие риска, и характеризующаяся разнообраз-

ными ресурсами, необходимыми для преодоления жизненных ситуаций. Данный феномен проявляется в различных ситуациях в зависимости от состояния личностных ресурсов в данный момент, а также в зависимости от качества психологических факторов. К этим факторам относятся психологическая нагрузка, особенности стрессогенных обстоятельств, жизнестойкое совладание и социальная поддержка.

В психологической травме можно выделить такие психологические новообразования, как чувства тревоги, страха, вины, бессмысленность, изоляция, а также фиксация на прошлых переживаниях. Индивид осуществляет выбор между прошлым и будущим. Развитая жизнестойкость, проявляющаяся при определенной ресурсной подпитке, необходима для выбора будущего. Принятие своих психологических изменений требует от личности уверенности в том, что она сможет получить новый опыт, и достаточного количества ресурсов для этого. Контроль, как компонент жизнестойкости, важен в самом начале совладания для ощущения того, что на ситуацию возможно влиять. Далее важны вовлеченность и при-

ятие риска, что необходимо для получения положительного жизненного опыта. Вовлеченность помогает личности преодолеть бессмысленность и изоляцию. Компонент «принятие риска» проявляется в следующем: личность видит в будущем смысл и осознает важность любого опыта. Все это способствует переоценке травматического опыта.

Стоит выделить такую особенность жизнестойкости личности с травматическим опытом, как выбор виктимного способа преодоления различных стрессовых ситуаций. Данная личность вместо развития компонентов жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) использует определенные стратегии преодоления: пассивность (уход, избегание ситуации), непрямые (манипулятивная коммуникация) и асоциальные (агрессивное эмоциональное поведение) стратегии. На выбор жизнестойкого или виктимного способа преодоления воздействуют следующие факторы: психологическая нагрузка, особенности стрессогенных обстоятельств, способы совладания личности, наличие или отсутствие социальной поддержки.

Библиографические ссылки

1. Леонтьев ДА, Рассказова ЕИ. *Тест жизнестойкости*. Москва: Смысл; 2006. 63 с.
2. Логинова МВ, Одинцова МА. Жизнестойкость как выход за пределы самого себя и реализация человеческой сущности. В: Журавлев АЛ, Барабанщиков ВА, Воловикова МИ, редакторы. *Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути. Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна; 15–16 октября 2009 г.; Москва, Россия*. Москва: Институт психологии РАН; 2009. с. 266–272.
3. Фомина АН. *Жизнестойкость личности*. Москва: Протемей; 2012. 152 с.
4. Мадди СР. Смыслообразование в процессе принятия решений. *Психологический журнал*. 2005;26(6):87–101.
5. Логинова МВ. Жизнестойкость как внутренний ключевой ресурс личности. *Вестник Московского университета МВД России*. 2009;6:19–22.
6. Соболева ЕВ, Шумакова ОА. Феномен жизнестойкости в зарубежных и отечественных исследованиях. *Современные научные исследования и инновации* [Интернет]. 2014 [процитировано 2 сентября 2022 г.];5(часть 2). Доступно по: <https://web.snauka.ru/issues/2014/05/34519>.
7. Овчарова РВ. Методология исследования жизнестойкости личности. *Вестник Курганского государственного университета*. 2019;2:59–65.
8. Ярошук ИВ. Психология жизнестойкости: обзор теоретических концепций, эмпирических исследований и методик диагностики. *Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы*. 2020;33(1):50–60.
9. Галиев РР. Обзор исследований жизнестойкости личности. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022; 1:129–133.
10. Аманова ИК, Белецкая АК. Теоретический обзор проблемы жизнестойкости в психологической науке. *Хабаршы «Психология» серьясы* [Интернет]. 2020 [процитировано 28 ноября 2022 г.];62(1). Доступно по: <https://bulletin-psychology.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/43>.
11. Гайнуллина СМ. Исследование феномена «жизнестойкость» в отечественной и зарубежной психологии. В: Дмитриева ЛГ, редактор. *Психология диалога и мир человека: памяти Г. В. Дьяконова. Сборник научных трудов*. Москва: РИЦ БашГУ; 2019. с. 213–217.
12. Селиванова ОА, Быстрова НВ, Дереча ИИ. Изучение феномена резильентности: проблемы и перспективы. *Мир науки. Педагогика и психология* [Интернет]. 2020 [процитировано 5 сентября 2022 г.];8(3). Доступно по: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pdf>.
13. Ханова ЗГ, Симонова ДИ. Понятие жизнестойкости как феномена в научной литературе. В: Мурзина ЖВ, редактор. *Педагогика, психология, общество: от теории к практике. Материалы Всероссийской научно-практической конференции; 30 июля 2021 г.; Чебоксары, Россия*. Чебоксары: Среда; 2021. с. 270–274.
14. Евтушенко ЕА. Жизнестойкость личности как психологический феномен. В: Васинович МА, редактор. *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. Сборник статей по материалам LX Международной научно-практической конференции; 28 января 2016 г.; Новосибирск, Россия*. Новосибирск: СибАК; 2016. с. 72–78.
15. Никитина ЕВ. Феномен жизнестойкости: концепция, современные взгляды и исследования. *Academy*. 2017; 4:100–103.
16. Bonanno GA. Loss, trauma, and human resilience: have we underestimated the human capacity to thrive after extremely adverse events? *American Psychologist*. 2004;59:20–28.

17. Bonanno GA, Mancini AD. The human capacity to thrive in the face of potential trauma. *Journal Pediatrics*. 2008; 121(2):369–375.
18. Митрофанова ЕН. «Два мужества»: к концепции жизнестойкости С. Мадди. *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 1, Психологические и педагогические науки*. 2018;1:17–26.
19. Волобуева НМ, Сережко ТА. Жизнестойкость и религиозность как ресурсы современного человека в трудных жизненных ситуациях. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015;28(24):151–158.
20. Тувьшева ДА, Атаманова ГИ. Эмпирическое исследование взаимосвязи качеств жизнестойкости и ценностно-смысловых ориентиров личности. *Ярославский педагогический вестник*. 2020;1:155–163. DOI: 10.20323/1813-145X-2020-1-112-155-163.
21. Морозова ИС, Медовикова ЕА. Жизнестойкость в аспекте психологической безопасности личности. В: Благоев ЮВ, Лашук ОВ, редакторы. *Материалы XVIII Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». Гуманитарные и социальные науки, образование. Актуальные проблемы экологии и охраны окружающей среды. Том 2; 23–24 апреля 2021 г.; Тольятти, Россия*. Тольятти: Волжский университет имени В. Н. Татищева. 2021. с. 40–46.
22. Григорова ЮБ. Зависимость эмоционального благополучия от жизнестойкости личности. *Ярославский педагогический вестник*. 2019;3:111–118. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10423.
23. Шаймухаметова СФ. Удовлетворенность качеством жизни как коррелят жизнестойкости личности. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019;8(2):406–408. DOI: 10.26140/anip-2019-0802-0091.
24. Шелекета ВО, Казинцева НО. Ситуация пандемии как стресс-тест для жизнестойкости личности: проблемы и перспективы социологической оценки экзистенциальных модусов в контексте метода С. Мадди. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2021;11(2):180–191.
25. Цариценцева ОП, Елфимова ММ. Особенности переживания жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, в контексте жизнестойкости личности. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021;23(1):191–201. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201.
26. Ясько БА, Казарин БВ, Городин ВН, Чугунова НА, Покуль ЛВ, Скрипниченко ЛС и др. Жизнестойкость и персональные ресурсы врачей «красных зон» ковид-госпиталей: психологический анализ. *Вестник Российского государственного медицинского университета*. 2021;4:68–76. DOI: 10.24075/vrgmu.2021.042.
27. Евсеенкова ЕВ. Жизнестойкость в условиях пандемии. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*. 2021; 4:20–26. DOI: 10.24147/2410-6364.2021.4.20-26.
28. Уколова ЮВ. Взаимосвязь жизнестойкости личности и поведения в конфликтной ситуации. В: Осипова НВ, редактор. *Молодежь в науке и творчестве. Часть 3. Педагогика и психология в практике современного образования. Материалы Международной научно-практической конференции; 8 апреля 2020 г.; Гжель, Россия*. Гжель: ГГУ; 2020. с. 287–288.
29. Турикова ЕГ. Особенности жизнестойкости как ресурса личности в ситуации хронического заболевания. В: Пигулевский ВО, Земелев СН, Синченко ТЮ, Рутта НА, Неутов ВД, редакторы. *Личность. Коммуникации. Практика*. Ростов-на-Дону: Наука-Спектр; 2020. С. 151–157.
30. Музалева ДА. Профессиональная жизнестойкость педагога, как частный случай жизнестойкости личности. *Мир науки. Педагогика и психология* [Интернет]. 2022 [процитировано 29 ноября 2022 г.];10(3). Доступно по: <https://mir-nauki.com/PDF/43PDMN322.pdf>.
31. Кисляков ПА, Шмелева ЕА, Кольчугина НИ, Фан ЧК. Жизнестойкость и психологическая безопасность педагога в образовательной среде. *Образование и наука*. 2022;24(9):143–173.
32. Дюсембекова КС, Нагымжанова КМ. Динамика развития жизнестойкости как фактора формирования успешной деятельности у будущих педагогов-психологов. *Педагогика и психология*. 2021;47(2):89–101. DOI: 10.51889/2021-2.2077-6861.09.
33. Дробышева КА, Горская ГБ. Личностные регуляторы формирования жизнестойкости спортсменов в индивидуальных и командных видах спорта. В: Ахметов СМ, Тарасенко АА, Алексанянц ГД, Погребной АИ, Чернышенко ЮК, Шестаков ММ и др., редакторы. *Материалы Ежегодной отчетной научной конференции аспирантов и соискателей Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма; 29 мая 2020 г.; Краснодар, Россия*. Краснодар: КГУФКСТ; 2020. с. 114–119.
34. Зеленова МЕ, Лекалов АА, Лим ВС. Жизнестойкость в регуляции функциональных состояний летчиков. В: Банщикова ТН, Фомина ЕА, Моросанова ВИ, редакторы. *Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации. Материалы Международной научно-практической конференции; 22–23 октября 2020 г.; Москва, Россия*. Москва: Знание-М; 2020. с. 506–516.
35. Красная ЕВ. Личностные детерминанты учебной деятельности студентов творческих специальностей педагогического вуза. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019;1а:334.
36. Письменюк ЕС. Жизнестойкость и мотивация менеджеров в стрессовых ситуациях. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*; 2018;11(3):32–39. DOI: 10.14529/psy180304.
37. Хлестов ЕВ. Психологические условия формирования жизнестойкости подростков в процессе семейного воспитания. *Педагогика: история, перспективы*. 2022;5(4):93–105. DOI: 10.17748/2686-9969-2022-5-4-93-105.
38. Кривообоков АС. Жизнестойкость детей в структуре семейных отношений. В: Ситников ВЛ, редактор. *Семья и дети в современном мире. Материалы Международной конференции. Том V; апрель 2019; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ имени А. И. Герцена; 2019. с. 506–511.
39. Егорова ОИ, Ефимова ОИ. Влияние семьи на формирование и развитие жизнестойкости. В: Ершова РВ, редактор. *Прикладная психология на службе развивающейся личности*. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет Коломна; 2019. С. 54–58.
40. Грехова НА, Каменева ГН. Роль семьи в формировании жизнестойкости лиц юношеского возраста. В: Кудинова СИ, Михайлова ОБ, редакторы. *Личность в современном мире: образование, развитие, самореализация. Материалы Международной научно-практической конференции; 19–20 ноября 2020 г.; Москва, Россия*. Москва: Российский университет дружбы народов; 2020. С. 285–290.
41. Григорова ЮБ. Половозрастные особенности жизнестойкости. *E-Scio*. 2019;5:395–400.

42. Аликин ИА, Аликин МИ, Лукьянченко НВ. Связь жизнестойкости студентов с отношениями к ним родителей. *Психологическая наука и образование*. 2020;25(3):75–89.
43. Постникова МИ, Микляева АВ, Сиврикова НВ, Регуш ЛА. Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века. *Социальная психология и общество*. 2022;13(1):87–103.
44. Корнилова ТВ. Современные зарубежные исследования феномена жизнестойкости (HARDINESS). *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2020;26(4):223–229. DOI: 10.34216/2073-1426-2020-26-4-223-229.
45. Рассказова ЕИ. Жизнестойкость и выбор будущего в процессе реабилитации. *Известия Южного федерального университета. Технические науки*. 2005;7:124–126.
46. Рупперт Ф. Психологическая травма. *Вопросы ментальной медицины и экологии*. 2012;18(4):81–92.
47. Одинцова МА. Преодолевающие стратегии поведения лиц, объединенных схожим травматическим опытом. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2015;15(1):104–110.
48. Одинцова МА. Стресспреодолевающее поведение старшеклассников с разным уровнем жизнестойкости. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2016;16(2):191–198. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-191-198.
49. Будькин СВ, Дворянчиков НВ. Психологические последствия экстремальных ситуаций у сотрудников правоохранительных органов и гражданских лиц. *Психологическая наука и образование*. 2013;18(2):5–13.
50. Екимова ВИ, Лучникова ЕП. Комплексная психологическая травма как следствие экстремального стресса. *Современная зарубежная психология*. 2020;9(1):50–61.
51. Любимова ЕА. Факторы устойчивости к психологической травме (на материалах зарубежных исследований). В: Ершова ИА, редактор. *Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции; 2 апреля 2021 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2021. с. 56–58.
52. Родионова ЕБ. Психологическая травма: особенности и предпосылки возникновения. В: Мурзина ЖВ, редактор. *Образование и педагогика: перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции; 16 октября 2020 г.; Чебоксары, Россия*. Чебоксары: Среда; 2020. с. 163–165.
53. Егорова ЛХ. Психологическая травма и её особенности в период социального кризиса в обществе. В: Коваль НА, редактор. *Развитие личности: психолого-педагогические проблемы. Сборник научных трудов*. Тамбов: Принт-Сервис; 2019. с. 111–115.

References

1. Leont'ev DA, Rasskazova EI. *Test zhiznesteokosti* [Resilience test]. Moscow: Smysl; 2006. 63 p. Russian.
2. Loginova MV, Odintsova MA. [Vitality as a way out of oneself and the realisation of human essence]. In: Zhuravlev AL, Barabanshchikov VA, Volovikova MI, editors. *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire. Tom 1. Kompleksnyi i sistemnyi podkhody v issledovaniyakh psikhologii cheloveka. Lichnost' kak sub'ekt zhiznennogo puti. Materialy Vserossiiskoi yubileinoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 120-letiyu so dnya rozhdeniya S. L. Rubinshteina; 15–16 oktyabrya 2009 g.; Moskva, Rossiya* [Human psychology in the modern world. Volume 1. Comprehensive and systematic approaches in the study of human psychology. Personality as a subject of the life path. Materials of the All-Russian jubilee scientific conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of S. L. Rubinshtein; 2009 October 15–16; Moscow, Russia]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2009. p. 266–272. Russian.
3. Fominova AN. *Zhiznesteokost' lichnosti* [Resilience of personality]. Moscow: Protemei; 2012. 152 p. Russian.
4. Maddi SR. [Meaning-making in decision-making]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2005;26(6):87–101. Russian.
5. Loginova MV. Vitality as an internal key resource of the person. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2009;6:19–22. Russian.
6. Soboleva EV, Shumakova OA. The phenomenon of hardiness in foreign and domestic research. *Modern Scientific Research and Innovation* [Internet]. 2014 [cited 2022 September 2];5(part 2). Available from: <https://web.snauka.ru/issues/2014/05/34519>. Russian.
7. Ovcharova RV. Research methodology of personality hardiness. *Bulletin of Kurgan State University*. 2019;2:59–65. Russian.
8. Yaroshchuk IV. The psychology of hardiness: a review of theoretical concepts, empirical research and diagnostic techniques. *Scientific Notes of the Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*. 2020;33(1):50–60. Russian.
9. Galiev RR. Research review of personality resilience. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2022;1:129–133. Russian.
10. Amanova IK, Beletskaya AK. Theoretical view of the problem of resilience in psychological science. *Bulletin Series: Psychology* [Internet]. 2020 [cited 2022 November 28];62(1). Available from: <https://bulletin-psychology.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/4>. Russian.
11. Gainullina SM. [The study of the phenomenon of «resilience» in domestic and foreign psychology]. In: Dmitrieva LG, editor. *Psikhologiya dialoga i mir cheloveka: pamyati G.V. D'yakonova. Sbornik nauchnykh trudov* [Psychology of dialogue and the human world: in memory of G. V. Dyakonov. Collection of scientific papers]. Moscow: Editorial and Publishing Centre Bashkir State University; 2019. p. 213–217. Russian.
12. Selivanova OA, Bystrova NV, Derecha II. Studying the phenomenon of resistance: problems and prospects. *World of Science. Pedagogy and Psychology* [Internet]. 2020 [cited 2022 September 5];8(3). Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pdf>. Russian.
13. Khanova ZG, Simonova DI. [The concept of resilience as a phenomenon in the scientific literature]. In: Murzina ZhV, editor. *Pedagogika, psikhologiya, obshchestvo: ot teorii k praktike. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 30 iyulya 2021 g.; Cheboksary, Rossiya* [Pedagogy, psychology, society: from theory to practice. Materials of the All-Russian scientific and practical conference; 2021 July 30; Cheboksary, Russia]. Cheboksary: Sreda; 2021. p. 270–274. Russian.
14. Evtushenko EA. [Personality resilience as a psychological phenomenon] In: Vasinovich MA, editor. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii. Sbornik statei po materialam LX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 28 yanvarya 2016 g.; Novosibirsk, Rossiya* [Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology. Collection of articles based on the materials of the 60th International scientific and practical conference; 2016 January 28; Novosibirsk, Russia]. Novosibirsk: SibAK; 2016. p. 72–78. Russian.

15. Nikitina EV. [The phenomenon of resilience: concept, modern views and research]. *Academy*. 2017;4:100–103. Russian.
16. Bonanno GA. Loss, trauma, and human resilience: have we underestimated the human capacity to thrive after extremely adverse events? *American Psychologist*. 2004;59:20–28.
17. Bonanno GA, Mancini AD. The human capacity to thrive in the face of potential trauma. *Journal Pediatrics*. 2008; 121(2):369–375.
18. Mitrofanova EN. «Two courage»: towards the concept of hardiness of S. Maddi. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1, Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*. 2018;1:17–26. Russian.
19. Volobueva NM, Serezhko TA. Hardiness and religiousness as resources of modern man in difficult situations. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2015;28(24):151–158. Russian.
20. Tuvysheva DA, Atamanova G.I. Empirical study of relationship between quality of life-resistance and value-sense orientations of the person. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2020;1:155–163. Russian. DOI: 10.20323/1813-145X-2020-1-112-155-163
21. Morozova IS, Medovikova EA. [Resilience in the aspect of psychological security of a person]. In: Blagov YuV, Lashuk OV, editors. *Materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Tatishchevskie chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki». Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, obrazovanie. Aktual'nye problemy ekologii i okhrany okruzhayushchei sredy. Tom 2; 23-24 aprelya 2021 g.; Tol'yatti, Rossiya* [Proceedings of the 18th International scientific and practical conference «Tatishchev's readings: actual problems of science and practice». Humanities and social sciences, education. Actual problems of ecology and environmental protection. Volume 2; 2021 April 23–24; Tolyatti, Russia]. Tolyatti: Volga University named after V. N. Tatishchev; 2021. p. 40–46. Russian.
22. Grigorova YuB. Dependence of emotional wellbeing on resilience. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2019;3:111–118. Russian. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10423.
23. Shaymukhametova SF. Satisfaction with quality of life as a correlate of resilience personality. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2019;8(2):406–408. Russian. DOI: 10.26140/anip-2019-0802-0091.
24. Sheleketa VO, Kazintseva NO. The situation of a pandemic as a stress test for the resilience of an individual: problems and prospects for sociological assessing existential modes in the context of S. Muddy method. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021;11(2):180–191. Russian.
25. Tsaritsentseva OP, Elfimova MM. Coping with the reality situation during the COVID-19 pandemic in the context of individual resilience. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2021;23(1):191–201. Russian. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201.
26. Yasko BA, Kazarin BV, Gorodin VN, Chugunova NA, Pokul LV, Skripnichenko LS et al. Hardiness and personal resources of red zone staff: psychological analysis. *Bulletin of Russian State Medical University*. 2021;4:68–76. Russian. DOI: 10.24075/vrgmu.2021.042.
27. Evseenkova EV. Hardiness in pandemic conditions. *Herald of Omsk University. Series: Psychology*. 2021;4:20–26. Russian. DOI: 10.24147/2410-6364.2021.4.20-26.
28. Ukolova YuV. [The relationship between the resilience of personality and behaviour in a conflict situation]. In: Osipova NV, editor. *Molodezh' v nauke i tvorchestve. Chast' 3. Pedagogika i psikhologiya v praktike sovremennoogo obrazovaniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 8 aprelya 2020 g.; Gzhel', Rossiya* [Youth in science and creativity. Part 3. Pedagogy and psychology in the practice of modern education. Materials of the International scientific and practical conference; 2020 April 8; Gzhel', Russia]. Gzhel': Gzhel' State University; 2020. p. 287–288. Russian.
29. Turikova EG. [Features of resilience as a resource of personality in a situation of chronic disease]. In: Pigulevskii VO, Zemelev SN, Sinchenko TYu, Rutta NA, Neutov VD, editors. *Lichnost'. Kommunikatsii. Praktika* [Personality. Communications. Practice]. Rostov-on-Don: Nauka-Spektr; 2020. p. 151–157. Russian.
30. Muzaleva DA. Professional resilience of a teacher as a special case of personality resilience. *World of Science. Pedagogy and Psychology* [Internet]. 2022 [cited 2022 November 29];10(3). Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/43PDMN322.pdf>. Russian.
31. Kislyakov PA, Shmeleva EA, Kol'chugina NI, Phan TK. Hardiness and psycho-logical safety of a teacher in an educational environment. *The Education and Science Journal*. 2022;24(9):143–173. Russian.
32. Dyssembekova KS, Nagimjanova KM. Dynamics of development of hardiness as a factor in the formation of successful activity in the population future teachers – psychologists. *Pedagogy and Psychology*. 2021;47(2):89–101. Russian. DOI: 10.51889/2021-2.2077-6861.09.
33. Drobysheva KA, Gorskaya GB. Personality regulators of hardiness formation in individual and team sports. In: Akhmetov SM, Tarasenko AA, Aleksanyants GD, Pogrebnoi AI, Chernyshenko YuK, Shestakov MM, et al., editors. *Ezhegodnaya otchetnaya nauchnaya konferentsiya aspirantov i soiskatelei Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma; 29 maya 2020 g.; Krasnodar, Rossiya* [The annual reporting scientific conference of postgraduate students and applicants of the Kuban State University of physical culture, sports and tourism; 2020 May 29; Krasnodar, Russia]. Krasnodar: Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism; 2020. p. 114–119. Russian.
34. Zelenova ME, Lekalov AA, Lim VS. [Resilience in the regulation of functional states of pilots]. In: Bانشchikova TN, Fomina EA, Morosanova VI, editors. *Lichnostnye i regulatorynye resursy dostizheniya obrazovatel'nykh i professional'nykh tselei v epokhu tsifrovizatsii. Materialy Mezhdunarodnai nauchno-prakticheskoi konferentsii; 22–23 oktyabrya 2020 g.; Moskva, Rossiya* [Personal and regulatory resources for achieving educational and professional goals in the era of digitalisation. Materials of the International scientific and practical conference; 2020 October 22–23; Moscow, Russia]. Moscow: Znanie-M; p. 506–516. Russian.
35. Krasnaya EV. Personal determinants of educational activity of students of creative specialties of pedagogical university. *Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Researches*. 2019;1a:334. Russian.
36. Pismenyuk ES. Hardiness and motivation of managers in stressful situations. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*. 2018;11(3):32–39. Russian. DOI: 10.14529/psy180304.
37. Khlestov E.V. Psychological conditions for the formation of resilience of adolescents in the process of family education. *Pedagogy: History, Prospects*. 2022;5(4):93–105. Russian. DOI: 10.17748/2686–9969–2022–5-4-93-105.

38. Krivobokov AS. Child resilience in the structure of family relationships. In: Sitnikov VL, editor. *Sem'ya i deti v sovremennoy mire. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii. Tom V; aprel' 2019; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Family and children in the modern world. Materials of the International conference. Volume V; April 2019; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RGPU imeni A. I. Gertsena; 2019. p. 506–511. Russian.
39. Egorova OI, Efimova OI. [The influence of family on the formation and development of resilience]. In: Ershova RV, editor. *Prikladnaya psikhologiya na sluzhbe razvivayushcheysya lichnosti* [Applied psychology on the service of a developing personality]. Kolomna: Kolomna State Social and Humanitarian University; 2019. p. 54–58. Russian.
40. Grekhova NA, Kameneva GN. [The role of the family in shaping the resilience of adolescents]. In: Kudina SI, Mikhailova OB, editors. *Lichnost' v sovremennoy mire: obrazovanie, razvitiye, samorealizatsiya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 19–20 noyabrya 2020 g.; Moskva, Rossiya* [Personality in the modern world: education, development, self-realisation. Materials of the International scientific and practical conference; 2020 November 19–20; Moscow, Russia]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia; 2020. p. 285–290. Russian.
41. Grigorova YuB. [Gender and age characteristics of resilience]. *E-Scio*. 2019;5:395–400. Russian.
42. Alikin IA, Alikin MI, Lukyanchenko NV. Relationship between hardiness in students and their parents' attitude to them. *Psychological Science and Education*. 2020;25(3):75–89. Russian.
43. Postnikova MI, Miklyaeva AV, Sivrikova NV, Regush LA. Changes in the hardiness of generations' representatives of Russians at the beginning of the 21st century. *Social Psychology and Society*. 2022;13(1):87–103. Russian.
44. Kornilova TV. Modern foreign studies of the phenomenon of hardiness. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2020;26(4):223–229. Russian. DOI: 10.34216/2073-1426-2020-26-4-223-229.
45. Rasskazova EI. [Resilience and the choice of the future in the process of rehabilitation]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki*. 2005;7:124–126. Russian.
46. Ruppert F. [Psychological trauma]. *Voprosy mental'noy meditsiny i ekologii*. 2012;18(4):81–92. Russian.
47. Odintsova MA. Coping-strategies of behavior of persons with similar traumatic experience. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2015;15(1):104–110. Russian.
48. Odintsova MA. Overcoming stress students with different levels of hardiness. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2016;16(2):191–198. Russian. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-191-198.
49. Budykin SV, Dvoryanchikov NV. Psychological effects of extreme situations in law enforcement officers and civilians. *Psychological Science and Education*. 2013;18(2):5–13. Russian.
50. Ekimova VI, Luchnikova EP. Complex psychological trauma as a consequence of extreme stress. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2020;9(1):50–61. Russian.
51. Lyubimova EA. [Factors of resistance to psychological trauma (based on materials of foreign studies)]. In: Ershova IA, editor. *Aktual'nye problemy ekstremal'noi i krizisnoi psikhologii. Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 2 aprelya 2021 g.; Ekaterinburg, Rossiya* [Actual problems of extreme and crisis psychology. Materials of the 3rd All-Russian scientific and practical conference; 2021 April 2; Yekaterinburg, Russia]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 2021. p. 56–58. Russian.
52. Rodionova EB. [Psychological trauma: features and prerequisites of occurrence]. In: Murzina ZhV, editor. *Obrazovanie i pedagogika: perspektivy razvitiya. Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya; 16 oktyabrya 2020 g.; Cheboksary, Rossiya* [Education and pedagogy: prospects for development. All-Russian scientific and practical conference; 2020 October 16; Cheboksary, Russia]. Cheboksary: Sreda; 2020. p. 163–165. Russian.
53. Egorova LKh. [Psychological trauma and its features during the social crisis in society]. In: Koval NA, editor. *Razvitiye lichnosti: psikhologo-pedagogicheskie problemy. Sbornik nauchnykh trudov* [Personality development: psychological and pedagogical problems. Collection of scientific papers]. Tambov: Print-Servis; 2019. p. 111–115. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.10.2022.
Received by editorial board 07.10.2022.

УДК 159.9

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОКРАСТИНАЦИИ У УЧИТЕЛЕЙ СРЕДНИХ ШКОЛ В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Ч. ВЫРВИЧ¹⁾, И. Н. АНДРЕЕВА¹⁾

¹⁾Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк, Беларусь

Представлены результаты исследования личностных факторов прокрастинации у учителей средних школ в различные периоды педагогической деятельности. В качестве указанных факторов рассматривались синдром эмоционального выгорания, мотивация и смысложизненные ориентации. Установлено, что для каждого периода педагогической деятельности свойственна собственная комбинация личностных факторов прокрастинации. Не обнаружено совместного влияния личностных факторов на уровень прокрастинации у учителей, переживающих педагогический кризис, и сформировавшихся учителей.

Ключевые слова: прокрастинация; синдром эмоционального выгорания; мотивация и смысложизненные ориентации.

PERSONAL FACTORS OF PROCRASTINATION AMONG SECONDARY SCHOOL TEACHERS IN VARIOUS PERIODS OF PEDAGOGICAL ACTIVITY

A. Ch. VYRVICH^a, I. N. ANDREYEVA^a

^aEuphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, 29 Blachina Street, Navapolack 211440, Belarus
Corresponding author: A. Ch. Vyrvich (nastya_vyrvich99@mail.ru)

The article presents the results of the study of personal factors of procrastination among secondary school teachers in different periods of pedagogical activity. The following factors were considered: emotional burnout syndrome, motivation and sense-life orientations. Multiple regression analysis was used for data processing. It was found that each period of pedagogical activity is characterised by its own, inherent in this period, combination of personal factors of procrastination. At the same time, no joint influence of personal factors on the level of procrastination was found in teachers undergoing a pedagogical crisis and formed teachers.

Keywords: procrastination; emotional burnout syndrome; motivation and sense-life orientations.

Образец цитирования:

Вырвич АЧ, Андреева ИН. Личностные факторы прокрастинации у учителей средних школ в различные периоды педагогической деятельности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;1:106–116.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-106-116>

For citation:

Vyrvich ACh, Andreyeva IN. Personal factors of procrastination among secondary school teachers in various periods of pedagogical activity. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;1:106–116. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-106-116>

Авторы:

Анастасия Чеславовна Вырвич – преподаватель-стажер кафедры технологии и методики преподавания гуманитарного факультета.
Ирина Николаевна Андреева – доктор психологических наук, профессор; профессор кафедры технологии и методики преподавания гуманитарного факультета.

Authors:

Anastasiya Ch. Vyrvich, trainee teacher at the department of technology and teaching methods, faculty of humanities.
nastya_vyrvich99@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3977-5802>
Iryna N. Andreyeva, doctor of sciences (psychology), full professor; associate professor at the department of technology and teaching methods, faculty of humanities.
iandreeva@tut.by
<http://orcid.org/0000-0002-9566-6619>

Введение

В настоящее время в связи с общим ростом темпа жизни увеличивается профессиональная нагрузка. Так, прокрастинация, описываемая в научном дискурсе как проблема личности, все чаще выходит на первый план научного исследования и становится предметом внимания общества. Установлено, что прокрастинация проявляется в профессиональной деятельности, а также в заботе о здоровье и обучении [1]. В этом отношении не становится исключением и педагогическая деятельность, понимаемая как особый вид социальной деятельности, направленный на передачу от старших поколений младшим накопленного человечеством культуры и опыта, создание условий для их личностного развития и подготовку к выполнению ими определенных социальных ролей в обществе.

Профессия учителя подразумевает многозадачность, дефицит времени для решения многообразных трудовых вопросов, частую внеплановость мероприятий и значительную коммуникативную нагрузку. Ему очень трудно отключиться от своей профессиональной деятельности даже за пределами школы и определить, где работа, а где досуг. Отсутствие четко выраженных границ между работой и отдыхом приводит к тому, что выполняемые учителем в первую очередь дела являются срочными и незапланированными, при этом важные дела остаются неначатыми или откладываются на более поздний срок. Таким образом, имеет место прокрастинация. Ее профилактика у педагогов актуальна в связи с тем, что при возрастных выраженности прокрастинации у них ухудшается концентрация внимания при изучении нового материала.

Первые научные исследования по рассматриваемому вопросу появились в США в 1970-х гг. В 1977 г. П. Рингенбах ввел научный термин «прокрастинация» (от англ. *procrastination* – откладывание, промедление). Изначально понятия «прокрастинация» и «лень» рассматривались как синонимы, однако в дальнейшем первое вошло в научный обиход и было определено как научный феномен.

С появлением термина «прокрастинация» выделяются не так много подходов к его определению. Данное понятие означает добровольное иррациональное откладывание выполнения намеченных действий, которое отставляет негативный эффект для личности (К. Лэй) [3] и влечет за собой определенные проблемы (Я. И. Варваричева) [4]. Прокрастинация считается комплексным, неоднородным в психологическом плане феноменом, включающим в себя поведенческие, эмоциональные и когнитивные компоненты и связанным с мотивационной сферой личности. Она проявляется прежде всего в поведении: в задержке выполнения необходимой деятельности и откладывании принятия решения (Н. Н. Карловская и Р. А. Баранова) [5].

Общим для приведенных выше определений является указание на откладывание выполнения намеченных действий или принятия решений. Возникает вопрос о факторах, которые способствуют задержке деятельности, несмотря на предполагаемые проблемы в последующем.

Согласно определению, предложенному в энциклопедическом словаре по психологии и педагогике, фактор – это причина, движущая сила процесса либо явления, определяющая его характер или отдельные черты¹. На возникновение прокрастинации влияет комплекс ситуационных, временных и личностных факторов. Так, некоторые авторы (например, Я. И. Варваричева, С. Ю. Лебедев и Н. Г. Гаранян) рассматривают прокрастинацию как результат взаимодействия личностных факторов (импульсивность, добросовестность, самооценка, страх неудачи и потребность в необычных ощущениях), факторов задачи (характер, значимость, отдаленность и структура задачи) и временных факторов (настроение, ресурсы Эго, другие, более привлекательные, виды деятельности и стратегия совладания со стрессом) [6]. Задержка выполнения педагогической деятельности у учителей происходит во взаимосвязи с неорганизованностью, забывчивостью и общей неготовностью к изменению деятельности, которая препятствует продуктивной работе.

Обобщив более ранние представления о прокрастинации, авторы данной статьи сформулировали ее уточненное определение. Под ней понимается поведенческая склонность, которая возникает под влиянием личностных и средовых факторов и является защитной стратегией преодоления нежелательных ситуаций, а также процесс откладывания деятельности на поздний срок. В большинстве случаев эти факторы приводят к негативным психологическим последствиям: к появлению стресса, чувства вины, потере производительности и снижению самооценки. Они отражаются на выполняемой деятельности.

В рамках психологических исследований особый интерес уделяется изучению личностных факторов прокрастинации, например синдрома эмоционального выгорания, мотивации и смысложизненных ориентаций.

Синдром эмоционального выгорания. Изучая учебный процесс и выявляя факторы, которые приводят к прокрастинации у педагогов, С. В. Позняк обнаружил наибольшую связь данного феномена с тревожностью, нейротизмом, а также с особенностями эмоциональной сферы, которые проявляются в эмоциональной апатии и неустойчивости [1].

Зарубежные ученые Ш. Поллак и Дж. Харрис выявили корреляцию между прокрастинацией и отрицательными эмоциями и выяснили следующее: если в течение дня человек испытывает негативные эмоции, то существует вероятность того, что на

¹Фактор [Электронный ресурс]. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/19323 (дата обращения: 20.05.2022).

следующий день он будет прокрастинировать. Когда индивид не способен здоровым образом справиться с эмоциями, то он поддается желанию быстрого восстановления, используя прокрастинацию [7].

Эмоциональное выгорание приводит к падению производительности: человек все чаще делает ошибки и не может сконцентрироваться. При творческой деятельности индивид теряет возможность создавать и часто откладывает работу на потом. Так развивается прокрастинация.

Эмоциональная неустойчивость, тревожность и апатия – это признаки синдрома эмоционального выгорания. Они способствуют откладыванию деятельности и задержкам в ее выполнении. Специалисты, которые подвергнуты эмоциональному выгоранию, в том числе педагоги, склонны к переходу на другой вид деятельности, кажущийся им наиболее интересным, и возрастанию числа профессиональных ошибок, которые возникают из-за неумения планировать работу и непонимания последствий от ее невыполнения.

Мотивация. Мотивация педагога сегодня выступает базовой составляющей его профессиональной компетентности. В исследовании С. Брандлоу и Р. Ризенгера [8] на достоверном уровне выявлена зависимость между недостаточной внешней мотивацией и прокрастинацией, а в работе С. В. Позняка – выраженная связь прокрастинации с мотивацией избегания неудач [1]. По данным Е. Л. Михайловой, мотивация профессиональной деятельности является фактором прокрастинации учителей [9]. Согласно исследованию Н. А. Рудновой, когда учитель не получает удовольствие от процесса обучения или труда, не чувствует своего вклада в результаты труда и выполняет деятельность с целью избежать проблем с руководством (мотивация избегания неудач), уровень прокрастинации в данном случае будет высоким [10]. По теории временной мотивации (П. Стил и Дж. Кенинг) нехватка мотивации на первоначальном этапе выполнения дела и есть главная причина того, что задача не выполняется в положенный срок, т. е. чем меньше остается времени до дедлайна, тем больше проявляется страх неудачи. Таким образом, индивиды склонны к прокрастинации в тех случаях, когда мотивация находится на низком уровне.

Ценности и смысложизненные ориентации. Данные психологические феномены относятся к ряду мотивационных явлений. В психике человека любая ценность рождается с появлением негативных или позитивных эмоций, которые не просто переплетаются со знаниями индивида, но и позволяют ему сделать тот или иной выбор.

В работе Т. Л. Сморкаловой были получены данные о том, что чем выше уровень прокрастинации, тем ниже показатели смысложизненных ориентаций. Для прокрастинаторов характерны слабые осмысленность и удовлетворенность жизнью. Испытывая затруднения в достижении цели, человек отказывается от нее или отбрасывает ее на неопре-

деленный срок и тем самым возвращает себе ощущение свободы и самостоятельности [11].

Согласно исследованию А. В. Логачевой неудовлетворенность жизненными результатами и низкий ценностно-смысловый уровень приводят к увеличению прокрастинации. Установки «в моей жизни много позитивных результатов», «моя жизнь прожита не зря», «мои достижения имеют значение» и другие мысленные ориентиры, наполняющие прошедшие дни смыслом, оказывают отрицательное влияние на уровень прокрастинации. С. В. Поздняк указывал, что прокрастинация связана с нарушениями в ценностно-смысловой сфере [1].

В рамках психологического исследования основное внимание, как уже отмечалось, уделяется изучению личностных факторов прокрастинации. Если говорить о работе педагога, прокрастинация является результатом высокого напряжения, тревоги, защитной реакции на страхи, стремления противостоять установленным правилам и срокам, а также мотивации избегания неудач.

Прокрастинация обусловлена и организационными недостатками в работе учителей: высокой рабочей нагрузкой в связи с дефицитом времени для выполнения работы и отсутствием поддержки со стороны коллег и руководства. Они являются причинами стрессовых ситуаций, непрекращающееся воздействие которых приводит к интеллектуальному, физическому, психологическому и эмоциональному переутомлению (профессиональному выгоранию).

Так, прокрастинация является многофакторным феноменом и возникает с помощью комплекса ситуационных, временных и личностных факторов. Все перечисленные факторы способствуют тому, что человек становится безответственным, несамостоятельным, у него появляется желание принимать решения вместе с другими людьми. Особенно интересным представляется рассмотрение следующих личностных факторов прокрастинации: синдрома эмоционального выгорания, мотивации и ценностно-смысловой сферы. Вместе с тем авторы данной статьи не обнаружили исследований совместного влияния смысложизненных ориентаций, мотивации и эмоционального выгорания на уровень прокрастинации у учителей в различные периоды педагогической деятельности. Таким образом, тема настоящей работы является актуальной.

Цель исследования – определить характер влияния личностных факторов на уровень прокрастинации у учителей средних школ в различные периоды педагогической деятельности. Объектом исследования является прокрастинация у учителей средних школ в различные периоды педагогической деятельности, предметом – личностные факторы данной прокрастинации.

Полученные данные могут быть использованы в целях прогнозирования, профилактики и коррекции прокрастинации и ее факторов у учителей в различные периоды педагогической деятельности.

Материалы и методы исследования

Факторы прокрастинации изучались в соответствии с периодизацией российского ученого Н. Н. Кору [4], на основе которой авторы данной статьи выделили 6 групп учителей в зависимости от периода педагогической деятельности: молодые учителя (стаж работы до 5 лет), стабилизирующиеся учителя (от 6 до 10 лет), учителя, переживающие педагогический кризис (от 11 до 15 лет), учителя, переживающие кризис середины жизни (от 16 до 20 лет), сформировавшиеся учителя (от 21 до 25 лет) и опытные учителя (стаж работы свыше 25 лет).

Диагностика испытуемых проводилась индивидуально с помощью опроса. Для сбора эмпирических данных использовались методика исследо-

вания эмоционального выгорания, предложенная В. В. Бойко [12], методика мотивации профессиональной деятельности, разработанная К. Замфир (в модификации А. Реана) [13], тест «Смыслоразнозначные ориентации» Д. А. Леонтьева (адаптированная версия теста «Цель в жизни» (*Purpose-in-life test*) Д. Крамбо и Л. Махолика [14]) и шкала общей прокрастинации (*general procrastination scale*) С. Лэй (в адаптации О. С. Виндекер и М. В. Остановной) [15].

Для обработки данных, которая осуществлялась с применением пакета статистических программ *Statistica 8*, применялся множественный регрессионный анализ.

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования для выявления влияния личностных факторов учителей на уровень прокрастинации (в зависимости от периода педагогической деятельности) был проведен множественный регрессионный анализ. Модель множественной регрессии построена с помощью прямого пошагового метода. Данный анализ осуществлялся с использованием коэффициента детерминации (r^2), который показывает долю изменчивости зависимой переменной. Кроме того, представлены результаты дисперсионного анализа (F -критерий Фишера, p -уровень значимо-

сти, а также коэффициент Дарбина – Уотсона (DW), который является параметром оценки адекватности модели (чем ближе его значение к 2, тем адекватнее модель).

У молодых учителей обнаружено совместное влияние общего показателя осмысленности жизни, параметра «локус контроля – Я» и таких симптомов эмоционального выгорания, как напряжение, резистенция, тревога и депрессия ($r^2 = 0,92$, $F(4,48) = 24,9$ ($p = 0,01$), $DW = 1,95$). Результаты исследования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты множественного регрессионного анализа, определяющие влияние личностных факторов на уровень прокрастинации у молодых учителей

Table 1

The results of multiple regression analysis that determine the influence of personality factors on the level of procrastination among young teachers

Уровень прокрастинации	Стандартизированный (регрессионный) коэффициент (β)		Регрессионный коэффициент (b)		Уровень значимости (p)
	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	
Напряжение	1,16	0,43	0	0,03	0,02
Переживание психотравмирующих обстоятельств	0,06	0,24	0	0,04	0,81
Неудовлетворенность собой	0,14	0,19	0	0,05	0,49
Загнанность в клетку	-0,38	0,22	-0	0,03	0,11
Тревога и депрессия	-0,48	0,19	-0	0,03	0,03
Резистенция	-0,99	0,31	-0	0,01	0,01
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	-0,43	0,29	-0	0,02	0,18
Эмоционально-нравственная дезориентация	0,18	0,16	0	0,03	0,27
Расширение сферы экономии эмоций	0,26	0,23	0	0,02	0,28

Уровень прокрастинации	Стандартизированный (регрессионный) коэффициент (β)		Регрессионный коэффициент (b)		Уровень значимости (p)
	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	
Редукция профессиональных обязанностей	0,01	0,23	0	0,01	0,97
Истощение	-0,47	0,26	-0	0,02	0,11
Эмоциональный дефицит	-0,29	0,26	-0	0,04	0,29
Эмоциональная отстраненность	-0,19	0,35	-0	0,02	0,60
Личностная отстраненность	-0,42	0,27	-0	0,03	0,16
Психосоматические и психовегетативные нарушения	0,40	0,21	0	0,02	0,10
Общий показатель осмысленности жизни	-0,43	0,17	-0	0,01	0,03
Цели в жизни	-0,34	0,22	-0	0,03	0,16
Процесс жизни	0,29	0,30	0	0,04	0,36
Результативность жизни	-0,11	0,23	-0	0,03	0,64
Локус контроля – Я	0,45	0,15	0	0,04	0,02
Локус контроля – жизнь	0,21	0,21	0	0,03	0,35
Внутренняя мотивация	-0,09	0,32	-0	0,62	0,79
Внешняя положительная мотивация	-0,09	0,21	-0	0,65	0,69
Внешняя отрицательная мотивация	-0,35	0,24	-0	0,27	0,17

Примечание. Регрессионный коэффициент (b) свободного члена (смещение) равен 108, стандартная ошибка (b) свободного члена равна 1,68, уровень значимости (p) равен 0.

Уравнение регрессии (молодые учителя) выглядит следующим образом: уровень прокрастинации = $108 + 1,16$ (напряжение) + $(-0,48)$ (тревога и депрессия) + $(-0,99)$ (резистенция) + $(-0,43)$ (общий показатель осмысленности жизни) + $0,45$ (локус контроля – Я).

В табл. 1 отражено, что у молодых учителей положительное влияние на уровень прокрастинации (на достоверном уровне) оказывают такие личностные факторы, как напряжение и локус контроля – Я. Отрицательно воздействуют на прокрастинацию тревога и депрессия, резистенция и общий показатель осмысленности жизни. Все эти личностные качества отражают поведенческие проявления прокрастинации ($p < 0,05$). Иными словами, молодые учителя имеют представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, но живущей сегодняшним днем. У них отсутствует стремление все успеть, наблюдаются снижение общего тонуса, нарастание нервного напряжения и ослабление нервной системы, что приводит к откладыванию дел на потом. Это значит, что жизненная позиция молодых учителей как «хозяев своей жизни» является защитным механизмом, с помощью которого они оправдывают свою модель поведения. Испытывая затруднения в достижении цели, представители данной группы склонны отказываться от нее или

откладывать ее осуществление на неопределенный срок и тем самым возвращать себе ощущение свободы и самостоятельности.

Результаты, полученные на выборке молодых учителей, подтверждают некоторые положения теории поколений, разработанной У. Штраусом и Н. Хоувом [17]. Согласно данной теории представители поколения миллениума, в которое в данный момент попадают молодые учителя, ждут немедленного вознаграждения за любой поступок, моментальной ответной реакции и результатов, и, таким образом, в реальной деятельности они не способны действовать самостоятельно и не хотят делать что-то без очевидной выгоды. Их действия чаще всего направлены не на конкретный результат, а на процесс, поэтому, сталкиваясь с трудностями, эти люди предпочитают отступить.

Не обнаружено совместного влияния на уровень прокрастинации у молодых учителей отдельных личностных факторов, в частности симптомов эмоционального выгорания (переживание психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой, загнанность в клетку, неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, эмоционально-нравственная дезориентация, расширение сферы экономики эмоций, редукция профессиональных обязанностей, истощение, эмоциональный дефи-

цит, эмоциональная отстраненность, личностная отстраненность, психосоматические и психовегетативные нарушения), мотивации и параметров смысловых ориентаций (цели в жизни, процесс жизни, результативность жизни, локус контроля – жизнь) ($p > 0,05$).

Выявлено совместное влияние переменной «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» на уровень прокрастинации у стабилизирующихся учителей ($r^2 = 0,82$, $F(1,84) = 24,10$ ($p < 0,05$), $DW = 2,20$). Результаты исследования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты множественного регрессионного анализа, определяющие влияние личностных факторов на уровень прокрастинации у стабилизирующихся учителей

Table 2

Results of multiple regression analysis, determining the influence of personal factors on the level of procrastination among stabilising teachers

Уровень прокрастинации	Стандартизированный (регрессионный) коэффициент (β)		Регрессионный коэффициент (b)		Уровень значимости (p)
	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	
Напряжение	-0,17	0,42	-0,0	0,03	0,69
Переживание психотравмирующих обстоятельств	0,46	0,36	0,1	0,07	0,22
Неудовлетворенность собой	-0,39	0,43	-0,0	0,03	0,39
Загнанность в клетку	0,35	0,36	0,0	0,02	0,36
Тревога и депрессия	-0,36	0,31	-0,1	0,05	0,26
Резистенция	-0,06	0,43	-0,0	0,02	0,89
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	-0,89	0,30	-0,1	0,03	0,01
Эмоционально-нравственная дезориентация	0,44	0,39	0,0	0,04	0,29
Расширение сферы экономии эмоций	0,02	0,41	0,0	0,03	0,96
Редукция профессиональных обязанностей	0,33	0,48	0,0	0,06	0,51
Истощение	-0,67	0,55	-0,0	0,03	0,25
Эмоциональный дефицит	-0,56	0,29	-0,1	0,03	0,08
Эмоциональная отстраненность	-0,15	0,30	-0,0	0,02	0,62
Личностная отстраненность	0,43	0,26	0,1	0,04	0,12
Психосоматические и психовегетативные нарушения	0,21	0,29	0,0	0,05	0,49
Общий показатель осмысленности жизни	0,35	0,22	0,0	0,02	0,14
Цели в жизни	-0,00	0,24	-0,0	0,04	1,00
Процесс жизни	0,06	0,34	0,0	0,06	0,86
Результативность жизни	0,05	0,31	0,0	0,07	0,88
Локус контроля – Я	0,21	0,37	0,1	0,10	0,59
Локус контроля – жизнь	0,52	0,29	0,1	0,05	0,10
Внутренняя мотивация	0,05	0,32	0,1	0,65	0,88
Внешняя положительная мотивация	0,35	0,31	0,8	0,74	0,28
Внешняя отрицательная мотивация	-0,07	0,45	-0,1	0,55	0,87

Примечание. Регрессионный коэффициент (b) свободного члена (смещение) равен 94,9, стандартная ошибка (b) свободного члена равна 5,31, уровень значимости (p) равен 0.

Уравнение регрессии (стабилизирующиеся учителя) выглядит следующим образом: уровень прокрастинации = $108 + (-0,89)$ (неадекватное избирательное эмоциональное реагирование).

В табл. 2 отражено, что отрицательное влияние на прокрастинацию у стабилизирующихся учителей оказывает переменная «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» ($p < 0,05$). Иными словами, такие учителя не ограничивают эмоциональную реакцию, избирательно реагируя на ситуацию, они склонны к сопротивлению стрессу, как следствие, сокращают обязанности, которые требуют эмоциональных затрат, что приводит к прокрастинации.

Это значит, что стабилизирующиеся учителя начинают испытывать раздражение по отношению к работе, коллегам и себе. Пытаясь избавиться от негативных эмоций, они затягивают сроки решения задач, отказываются от договоренностей, что приводит к откладыванию дел на потом и частичной утрате интереса к людям.

В исследовании И. Гроза отмечалось, что эмоциональному выгоранию более подвержены молодые специалисты в силу своей неопытности и внутренней неготовности к решению профессиональных проблем [17]. Таким образом, можно отметить, что

профессиональная деятельность педагога оказывает влияние на развитие его личности, при этом с ростом уверенности в себе (положительным оцениванием себя как профессионала) у педагогов растет агрессия, доминантность, авторитарность и демонстративность.

На следующем этапе исследования был проведен множественный регрессионный анализ для определения влияния личностных факторов на уровень прокрастинации у учителей, переживающих педагогический кризис. Не обнаружено совместного влияния личностных факторов на уровень прокрастинации ($p > 0,05$).

Выявлено совместное влияние симптомов эмоционального выгорания (напряжение, неудовлетворенность собой, загнанность в клетку, неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, эмоционально-нравственная дезориентация, редукция профессиональных обязанностей, эмоциональный дефицит, эмоциональная отстраненность), параметра смысложизненных ориентаций «локус контроля – жизнь», а также внутренней и внешней отрицательной мотивации на уровень прокрастинации у учителей, переживающих кризис середины жизни ($r^2 = 0,92$, $F(4,61) = 24,10$ ($p = 0,01$), $DW = 2,05$). Результаты исследования представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты множественного регрессионного анализа, определяющие влияние личностных факторов на уровень прокрастинации у учителей, переживающих кризис середины жизни

Table 3

The results of multiple regression analysis, which determine the influence of personal factors on the level of procrastination among teachers, experiencing a mid-life crisis

Уровень прокрастинации	Стандартизированный (регрессионный) коэффициент (β)		Регрессионный коэффициент (b)		Уровень значимости (p)
	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	
Напряжение	-3,3	0,87	-0,2	0,04	0,00
Переживание психотравмирующих обстоятельств	0,6	0,48	0,1	0,05	0,26
Неудовлетворенность собой	1,7	0,32	0,2	0,05	0,00
Загнанность в клетку	1,3	0,42	0,2	0,07	0,01
Тревога и депрессия	-0,1	0,34	-0,0	0,04	0,86
Резистенция	0,3	0,22	0,0	0,01	0,17
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	-0,9	0,22	-0,2	0,04	0,00
Эмоционально-нравственная дезориентация	0,6	0,18	0,1	0,02	0,00
Расширение сферы экономики эмоций	0,5	0,32	0,0	0,03	0,18
Редукция профессиональных обязанностей	0,9	0,21	0,1	0,04	0,00
Истощение	-0,2	0,25	-0,0	0,01	0,44
Эмоциональный дефицит	0,9	0,31	0,1	0,04	0,01
Эмоциональная отстраненность	-1,3	0,35	-0,2	0,05	0,00

Уровень прокрастинации	Стандартизированный (регрессионный) коэффициент (β)		Регрессионный коэффициент (b)		Уровень значимости (p)
	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	
Личностная отстраненность	-0,5	0,30	-0,1	0,04	0,14
Психосоматические и психовегетативные нарушения	-0,0	0,26	-0,0	0,03	0,97
Общий показатель осмысленности жизни	0,1	0,13	0,0	0,01	0,67
Цели в жизни	0,1	0,16	0,0	0,02	0,71
Процесс жизни	0,0	0,18	0,0	0,03	0,87
Результативность жизни	-0,1	0,13	-0,0	0,02	0,41
Локус контроля – Я	-0,0	0,17	-0,0	0,05	0,83
Локус контроля – жизнь	0,4	0,17	0,0	0,02	0,05
Внутренняя мотивация	0,9	0,21	0,9	0,22	0,00
Внешняя положительная мотивация	0,3	0,18	0,6	0,33	0,10
Внешняя отрицательная мотивация	0,5	0,17	0,4	0,13	0,01

Примечание. Регрессионный коэффициент (b) свободного члена (смещение) равен 96,5, стандартная ошибка (b) свободного члена равна 2,16, уровень значимости (p) равен 0.

Уравнение регрессии (учителя, переживающие кризис середины жизни) выглядит следующим образом: уровень прокрастинации = $96,5 + (-3,3)$ (напряжение) + $1,7$ (неудовлетворенность собой) + $1,3$ (загнанность в клетку) + $(-0,9)$ (неадекватное избирательное эмоциональное реагирование) + $0,6$ (эмоционально-нравственная дезориентация) + $0,9$ (редукция профессиональных обязанностей) + $0,9$ (эмоциональный дефицит) + $(-1,3)$ (эмоциональная отстраненность) + $0,4$ (локус контроля – жизнь) + $0,9$ (внутренняя мотивация) + $0,5$ (внешняя отрицательная мотивация).

В табл. 3 отражено, что у учителей, переживающих кризис середины жизни, на прокрастинацию (на достоверном уровне) оказывают положительное влияние такие личностные факторы, как неудовлетворенность собой, загнанность в клетку, эмоционально-нравственная дезориентация, редукция профессиональных обязанностей, эмоциональный дефицит, локус контроля – жизнь, внутренняя мотивация и внешняя положительная мотивация. Отрицательное влияние на прокрастинацию оказывают следующие переменные: напряжение, неадекватное избирательное эмоциональное реагирование и эмоциональная отстраненность – все эти личностные качества отражают поведенческие проявления прокрастинации ($p < 0,05$).

Учителя, переживающие кризис середины жизни, склонны к повышенной совестливости, желанию добиться самопризнания, чувству ответственности и недовольству собой. В сочетании с результатами по шкале «локус контроля – жизнь» это свидетельствует

об убежденности испытуемых в том, что их жизнь неподвластна сознательному контролю, свобода выбора иллюзорна и что-либо планировать бессмысленно. Такие учителя ограничивают эмоциональную реакцию, избирательно реагируя на ситуацию, замыкаются в себе, стремятся упростить свои обязанности, сделать что-то небрежно, сократить эмоциональные затраты, что свидетельствует о прокрастинации.

Кризис середины жизни – один из самых важных и глобальных для человека в возрасте 35–45 лет. Период зрелости характеризуется для многих критической переоценкой всего достигнутого в жизни, что часто приводит к негативным последствиям. В данный период человек теряет чувство удовлетворения от жизни, испытывает повышенную агрессивность и тревожность. Все это вызывает снижение интереса к окружающей действительности и собственной профессиональной деятельности. По причине изменения ценностей жизнь кажется утратившей смысл [18].

На следующем этапе исследования был проведен множественный регрессионный анализ для определения влияния личностных факторов на уровень прокрастинации у сформировавшихся учителей. Не обнаружено совместного воздействия личностных факторов на уровень прокрастинации ($p > 0,05$).

Выявлено совместное влияние переменных «локус контроля – Я», «психосоматические и психовегетативные нарушения» и «личностная отстраненность» на уровень прокрастинации у опытных учителей ($r^2 = 0,59$, $F(2,97) = 11,23$ ($p = 0,01$), $DW = 2,05$). Результаты исследования представлены в табл. 4.

Результаты множественного регрессионного анализа,
определяющие влияние личностных факторов на уровень
прокрастинации у опытных учителей

Table 4

The results of multiple regression analysis
that determine the influence of personality factors on the level
of procrastination among experienced teachers

Уровень прокрастинации	Стандартизированный (регрессионный) коэффициент (β)		Регрессионный коэффициент (b)		Уровень значимости (p)
	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	
Локус контроля – Я	-0,6	0,18	-0	0,05	0,00
Внешняя отрицательная мотивация	-0,1	0,19	-0	0,28	0,64
Эмоциональная отстраненность	0,3	0,19	-0	0,03	0,10
Загнанность в клетку	-0,4	0,32	-0	0,06	0,25
Психосоматические и психовегетативные нарушения	1,0	0,33	-0	0,04	0,01
Личностная отстраненность	-1,0	0,37	-0	0,05	0,01
Неудовлетворенность собой	0,8	0,31	-0	0,05	0,02
Внутренняя мотивация	-0,3	0,16	-0	0,12	0,06
Переживание психотравмирующих обстоятельств	0,8	0,39	-0	0,04	0,06
Истощение	-0,4	0,34	-0	0,02	0,20
Напряжение	-0,8	0,61	-0	0,03	0,23

Примечание. Регрессионный коэффициент (b) свободного члена (смещение) равен 107, стандартная ошибка (b) свободного члена равна 1,46, уровень значимости (p) равен 0.

Уравнение регрессии (опытные учителя) выглядит следующие образом: уровень прокрастинации = $107 + (-0,6)(\text{локус контроля} - Я) + 1,0(\text{психосоматические и психовегетативные нарушения}) + (-1,0)(\text{личностная отстраненность})$.

В табл. 4 отражено, что у опытных учителей на уровень прокрастинации (на достоверном уровне) оказывают положительное влияние психосоматические и психовегетативные нарушения. Отрицательно воздействуют на прокрастинацию такие личностные факторы, как локус контроля – Я и личностная отстраненность.

Исходя из полученных результатов, для опытных учителей характерно напряжение эмоциональных и физиологических систем организма. Из-за не-

верия в собственные силы контролировать события своей жизни мысли о субъектах профессиональной деятельности могут вызывать чувство страха и неприятные ощущения в области сердца, из-за которых учитель склонен к откладыванию дел на потом. Это значит, что в данный период профессиональной деятельности, по мнению авторов настоящей статьи, прокрастинации способствует возрастное ухудшение здоровья, в связи с чем и возникает напряжение в эмоциональной и психофизиологической сферах. У «опытных» учителей прокрастинация – результат не безответственности, а комбинации повышенной ответственности и психофизиологической невозможности соответствовать растущим требованиям профессиональной деятельности.

Заключение

Таким образом, прокрастинация – поведенческая склонность и процесс откладывания деятельности на более поздний срок, которые возникают под влиянием личностных и средовых факторов и приводят к негативным психологическим последствиям: стрессу, чувству вины, потере производительности и снижению самооценки. Они отрицательно сказываются на качестве выполняемой работы.

У учителей с повышенным уровнем прокрастинации ухудшается концентрация внимания при изучении нового, они менее склонны принимать самостоятельные решения. На возникновение прокрастинации влияет комплекс ситуационных, временных и личностных факторов.

В результате эмпирического исследования влияния личностных факторов на уровень прокрасти-

нации у учителей в различные периоды педагогической деятельности обнаружено, что для каждого периода присуща особая комбинация факторов прокрастинации.

Так, у молодых учителей прокрастинации способствуют выраженное напряжение и локус контроля – Я в сочетании с низким уровнем тревоги и депрессии, резистентией и общим показателем осмысленности жизни. Молодым учителям следует осваивать навык саморегуляции, позитивно оценивать события и ситуации и рационально осмысливать свои поступки.

Для стабилизирующихся учителей прокрастинация вырабатывается из-за низкого уровня неадекватного избирательного эмоционального реагирования. Стабилизирующимся учителям рекомендуется развивать самодисциплину, заботиться о своем эмоциональном благополучии и учиться позитивному мышлению.

У учителей, переживающих кризис середины жизни, на прокрастинацию (на достоверном уровне) положительное влияние оказывают неудовлетворенность собой, загнанность в клетку, эмоционально-нравственная дезориентация, редукция профессиональных обязанностей, эмоциональный дефицит, локус контроля – жизнь, внутренняя мотивация и внешняя положительная мотивация в со-

четании с низким уровнем напряжения, неадекватного избирательного эмоционального реагирования и с эмоциональной отстраненностью. Таким учителям следует формировать и поддерживать в себе оптимистичные установки и ценности в отношении самих себя и других, уметь расставлять приоритеты, посещать тренинги, способствующие снятию эмоционального напряжения, соблюдать режим сна и питания, научиться игнорировать мелкие неприятности, воспринимать их как временные и пытаться изменить ситуацию к лучшему.

У опытных учителей на прокрастинацию (на достоверном уровне) воздействуют такие личностные факторы, как психосоматические и психовегетативные нарушения, в сочетании с низким уровнем локуса контроля – Я и личностной отстраненностью. Опытным учителям рекомендуется делать процедуры, которые помогут улучшить самочувствие (душ, прогулка, физическая разрядка), посещать кружки и секции по интересам, быть внимательнее к себе (это поможет заметить первые признаки усталости), перестать жить за других людей и сконцентрироваться на своей жизни.

Не обнаружено совместного влияния личностных факторов на уровень прокрастинации у учителей, переживающих педагогический кризис, и сформировавшихся учителей.

Библиографические ссылки

1. Поздняк СВ. *Феномен академической прокрастинации: проблемы и перспективы*. Минск: Асар; 2017. 85 с.
2. Седова ИВ, Кудинов СИ, Кудинов СС. Роль ответственности в эмоциональном выгорании учителей на начальном этапе профессионализации. *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2016;1:26–41.
3. Lay CH. At last, my research article on procrastination. *Journal of Research in Personality*. 1986;20(4):474–495.
4. Варваричева ЯИ. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования. *Вопросы психологии*. 2010;3:121–131.
5. Дорудейко АВ. Связь уровня прокрастинации с успешностью профессионального самоопределения. В: Дудко ЕС, Ермолкина МЛ, Миценко ИА, Панферова ЕЮ, Парногина АК, Софлн АБ, составители. *Научно-практическая конференция студентов, посвященная 125-летию со дня рождения Л. С. Макаренко; 22 марта 2013 г.; Санкт-Петербург, Россия [Интернет]*. 2013 [протитировано 22 ноября 2020 г.]. Доступно по: <http://sno.nekrasovspb.ru/publ.php?event=3&id=210>.
6. Ковылин ВС. Теоритические основы изучения феномена прокрастинации. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2013;2:22–41.
7. Pollack S, Herres J. Prior day negative affect influences current day procrastination: a lagged daily diary analysis. *Anxiety, Stress, Coping*. 2020;33(2):165–175.
8. Ильин ЕП. *Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень*. Санкт-Петербург: Питер; 2011. 253 с.
9. Богдан НН, Могилёвкин ЕА. Мотивация и демотивация профессиональной деятельности персонала вуза (на примере вузов Дальневосточного Федерального округа). *Университетское управление: практика и анализ*. 2004;3:89–97.
10. Чеврениди АА. Обзор исследования феномена прокрастинации в исторической ретроспективе. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2016;4 (часть 1):16–25.
11. Сморгалова ТЛ, Повалкович ТГ, Яворский АА. Связь уровня выраженности прокрастинации и смысложизненных ориентаций у юношей и девушек. *Человеческий капитал*. 2017;7:97–99.
12. Бойко ВВ. *Психоэнергетика*. Санкт-Петербург: Питер; 2008. 416 с.
13. Горбушина АВ. Системогенетический анализ мотивации профессиональной деятельности педагогов в зависимости от трудового стажа. *Ярославский педагогический вестник*. 2018;4:26–37.
14. Тюлякова СА. *Технология работы психолога с учителем*. Москва: Просвещение; 2000. 245 с.
15. Виндекер ОС, Останина МВ. Формальный и содержательный анализ шкалы общей прокрастинации С. Н. Lay (на примере студенческой выборки). *Актуальные проблемы психологического знания: теоретические и практические проблемы психологии*. 2014;1:106–115.
16. Ожиганова ЕМ. Теория поколений Н. Хоуа и В. Штрауса. Возможность практического применения. *Бизнес образование в экономике знаний*. 2015;1:1–4.
17. Гроза ИВ. Влияние возраста и стажа педагога на эмоциональное выгорание. *Современные наукоемкие технологии*. 2009;10:63–54.
18. Малкина-Пых ИГ. *Возрастные кризисы зрелости*. Москва: Эксмо; 2005. 416 с.

References

1. Pozdniak SV. *Fenomen akademicheskoi prokrastinatsii: problemy i perspektivy* [Phenomenon of academic procrastination: problems and prospects]. Minsk: Asar; 2017. 85 p. Russian.
2. Sedova IV, Kudinov SI, Kudinov SS. The role of responsibility in emotional burnout of teachers at the initial stage of professionalization. *Bulletin of Russian People's Friendship University*. 2016;1:26–41. Russian.
3. Lay CH. At last, my research article on procrastination. *Journal of Research in Personality*. 1986;20(4):474–495.
4. Varvaricheva YaI. The procrastination phenomenon: problems and prospects for research. *Voprosy psichologii*. 2010;3:121–131. Russian.
5. Dorodeiko AV. The relationship between the level of procrastination and the success of professional self-determination. In: Dudko ES, Ermolkina ML, Mitsenko IA, Panferova EYu, Parnyugina AK, Sofln AB, compilers. *Scientific and practical conference of students dedicated to the 125th anniversary of the birth of L. S. Makarenko; 2013 March 22; Saint Petersburg, Russia* [Internet]. 2013 [cited 2013 March 22]. Available from: <http://sno.nekrasovspb.ru/publ.php?event=3&id=210>. Russian.
6. Kovylin VS. [Theoretical bases of procrastination phenomenon study]. *Personality in a changing world: health, adaptation, development*. 2013;2:22–41. Russian.
7. Pollack S, Herres J. Prior day negative affect influences current day procrastination: a lagged daily diary analysis. *Anxiety, Stress, Coping*. 2020;33(2):165–175.
8. Ilyin E.P. *Rabota i lichnost'. Trudogolizm, perfektsionizm, len'* [Work and personality. Trudogolism, perfectionism, laziness]. Saint Petersburg: Piter; 2011. 253 p. Russian.
9. Bogdan NN, Mogilyovkin EA. Motivation and demotivation professional work of university personnel (by the example of Far Eastern Federal district higher schools). *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2004;3:89–97. Russian.
10. Chevrenidi AA. Review of researchers of a phenomenon of procrastination in historical retrospective. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. 2016;4(part 1):16–25. Russian.
11. Smorkalova TL, Povalkovich TG, Yavorsky AA. Connection between the manifested degree of procrastination and sense of life orientations among young men and women. *Chelovecheskii kapital*. 2017;7:97–99. Russian.
12. Boiko VV. *Psikhoenergetika* [Psychoenergetics]. Saint Petersburg: Piter; 2008. 416 p. Russian.
13. Gorbushina, A.V. Systemogenetic analysis of motivation of professional activity of teachers depending on the work experience. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2018;4:26–37. Russian.
14. Tyulyakova SA. *Tekhnologiya raboty psikhologa s uchitelem* [Technology of work of the psychologist with the teacher]. Moscow: Prosveshchenie; 2000. 245 p. Russian.
15. Vindeker O, Ostanina MV. The formal and substantive analysis of the C. H. Lay's overall procrastination scale (on the student sample example). *Actual Problems of Psychological Knowledge: Theoretical and Practical Problems of Psychology*. 2014;1:106–115. Russian.
16. Ozhiganova EM. Straus Howe generational theory. Opportunities of practical application. *Business Education in the Knowledge Economy*. 2015;1:1–4. Russian.
17. Groza IV. [Influence of age and seniority of a teacher on emotional burnout]. *Modern High Technologies*. 2009;10:63–54. Russian.
18. Malkina-Pykh IG. *Vozrastnye krizisy vzroslosti* [Age crises of adulthood]. Moscow: Eksmo; 2005. 416 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 09.07.2022.
Received by editorial board 09.07.2022.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И ДИСПОЗИЦИОННОЙ ЖАДНОСТИ

С. М. ШИРКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Изучена жадность как устойчивая личностная черта и мотивация. Обоснована актуальность исследования личностных факторов в контексте изучения диспозиционной жадности. В качестве психологических характеристик жадности как устойчивой мотивации рассматриваются ненасытность, скупость, собственничество, зависть, эгоизм, материализм, невротизм и психотизм. В результате корреляционного анализа выявлен характер взаимосвязи личностных характеристик и диспозиционной жадности мужчин и женщин.

Ключевые слова: диспозиционная жадность; монетарное поведение; устойчивая мотивация; личностные характеристики.

THE RELATIONSHIP OF PERSONAL CHARACTERISTICS AND DISPOSITIONAL GREED

S. M. SHIRKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article focuses on the study of greed as a stable personality trait and motivation. The relevance of the study of personal factors in the context of the study of dispositional greed is substantiated. Insatiability, avarice, possessiveness, envy, egoism, materialism, neuroticism, psychoticism are considered as psychological characteristics of greed as a stable motivation. The correlation analysis revealed the nature of the relationship between personal characteristics and dispositional greed of men and women.

Keywords: dispositional greed; monetary behaviour; stable motivation; personal characteristics.

Введение

Проблема исследования жадности становится особо актуальной в контексте современных вопросов потребительского поведения, связанных как с использованием определенных маркетинговых технологий (акции, скидки и интернет-покупки), так и с массовым производством и относительной доступностью большинства товаров. Такие новые

формы монетарного поведения вынуждают индивидов хотеть большего и иметь ярко выраженное желание приобретательства.

Анализ психологических исследований по обозначенной проблеме показал, что общепринятая система характеристик жадности отсутствует. В отечественной и зарубежной психологии данный

Образец цитирования:

Ширко СМ. Взаимосвязь личностных характеристик и диспозиционной жадности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;1:117–124.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-117-124>

For citation:

Shirko SM. The relationship of personal characteristics and dispositional greed. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;1:117–124. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-1-117-124>

Автор:

Светлана Михайловна Ширко – старший преподаватель кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Svetlana M. Shirko, senior lecturer at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
svetlanashirko@icloud.com
<https://orcid.org/0000-0002-6931-8872>

вопрос рассматривался частично в рамках изучения материальной составляющей жадности, потребительского и монетарного поведения, стратегий по отношению к добыванию и трате денег [1–6], а также в контексте исследований жадности как устойчивой мотивации [4; 7–11].

Теоретический анализ жадности как психологического конструкта позволил определить ее интегральные характеристики: ненасытное желание и чрезмерное стремление объекта приобрести намного больше, чем у него есть; сохранение всего того, что имеется; постоянная неудовлетворенность, недовольство и неспособность быть удовлетворенным как материальными, так и нематериальными накоплениями¹ [5; 7; 12; 13].

Жадность следует рассматривать в совокупности эмоционального (как эмоциональное состояние) и мотивационного (как черта личности) компонентов² [5; 7; 8; 10]. Безусловно, практически все люди бывают жадными и проявляют жадное поведение. Однако среди них есть те, кто более склонен к жадному поведению и мотивирован жадностью [8; 12; 14–17].

В настоящей статье исследована жадность как устойчивая мотивация. Диспозиционная жадность в качестве ненасытного и эгоистичного желания большего, независимо от используемых средств (материальных или нематериальных), проявляется по отношению к любым предметам или объектам и может быть активирована ситуационными характеристиками [7–9; 15; 18; 19].

В ранее проведенных исследованиях жадности как устойчивой мотивации косвенно рассматривались психологические свойства и состояния личности, которые могут выступать индикаторами диспозиционной жадности и определять предрасположенность к ней [7–11; 13; 20; 21]. Анализ проблемы личностных детерминант диспозиционной жадности позволил констатировать, что общепринятая система данных факторов отсутствует. Среди таких личностных предикторов можно выделить невротизм, психотизм, скупость, материализм, собственничество, зависть, эгоизм и ненасытность. Уровень диспозиционной жадности определяется соотношением этих психологических факторов.

Невротизм отличается эмоциональной неустойчивостью, высоким уровнем тревожности, возбудимости, чувствительности, впечатлительности и эмоциональ-

ной незрелости [22]. Индивиды с высоким уровнем диспозиционной жадности раздражительны, склонны к колебаниям настроения, не уверены в себе, нерешительны и не способны преодолевать трудности.

Психотизм, как личностная черта, характеризуется замкнутостью, отчужденностью от всего окружающего, нежеланием общаться, склонностью к уединению, неконтактностью, впечатлительностью, постоянным напряжением и возбуждением [22]. Высокий уровень психотизма определяется болезненным реагированием на замечания и критику, чрезмерной заботой о своем престиже, эгоистичностью и высоким самомнением.

Материализм, как личностная диспозиция, проявляется в устойчивой предрасположенности личности наделять высшей значимостью материальную сторону своей жизни и действовать соответствующим образом в различных обстоятельствах³ [19; 23]. Материалист акцентирует особое внимание на приобретении, накоплении и потреблении материальных благ. Материальное благосостояние является для него критериями собственного успеха и оценки успешности других людей, способствует счастью и является его обязательным условием [23]. Компонентами материализма выступают такие характеристики, как скупость, зависть, собственничество и накопительство [3].

Скупой индивид с высоким уровнем диспозиционной жадности отличается особой сосредоточенностью на сохранении и удержании материальных накоплений, чрезмерной бережливостью, а также ориентацией на собственные накопленные материальные и нематериальные блага⁴ [2; 8; 12; 13; 18]. В его поведении присутствует определенный характерный страх потери. Проявлением скупости является накопительство как поведенческая тенденция к сохранению и накоплению материальных и нематериальных благ⁵ [6; 18]. Личности накопительского типа склонны считать, что их безопасность обеспечивается только сохранением и приумножением накопленных сбережений, а также невозможностью получить новые блага из внешнего мира.

Собственничество определяется как склонность к приобретению различных благ, владению и пользованию различными благами, стремление сохранения власти и контроля над другими⁶ [13]. Такая склонность может рассматриваться в качестве сильной корыстной привязанности к кому-то

¹Ширко С. М. Жадность // Энциклопедический психологический словарь-справочник. 1000 понятий, определений, терминов : учеб.-метод. пособие для вузов / под ред. С. Л. Кандыбовича, А. Д. Короля, Т. В. Разиной. Минск : Харвест, 2021. С. 171–172.

²Там же.

³Она же. Материализм // Там же. С. 295–296 ; Она же. Жадность... С. 171–172.

⁴Она же. Скупость // Там же. С. 565.

⁵Она же. Жадность... С. 171–172.

⁶Там же ; Она же. Собственничество // Там же. С. 569.

или чему-то, своим привычкам и желаниям. Как правило, это доставляет индивидам удовольствие [12; 13; 18].

Зависть – это превосходство или желание обладать тем, что есть у других, стремление ликвидировать это превосходство и восстановить определенное равенство различными способами [2; 8; 15; 17; 20; 24]. Ядро данного чувства образуют раздражение, злоба, жадность на удачу и благополучие иных людей. Зависть может выступать детерминантой жадности, так как индивиды с высоким уровнем жадности концентрируются преимущественно на себе⁷ [6; 8; 9; 13; 15; 25].

Эгоизм, как черта личности, проявляется в сосредоточении на своем Я, себялюбии и равнодушии к другим людям. Он направлен на удовлетворение собственных интересов и потребностей без учета того, какие последствия они будут иметь для окружающих⁸ [8; 10; 12; 15; 25; 26].

Доминирующим показателем жадности является ненасытность как неспособность быть удовлетворенным, непреодолимая жажда и одержимость желанием насытиться, а также получить и сохранить

все свои накопления и сбережения⁹ [2; 6; 15; 17; 18; 25]. Ненасытные индивиды постоянно испытывают неудовлетворенность достигнутым (как материальными доходами, так и нематериальными сбережениями), они находятся в непрекращающемся поиске большего и лучшего для себя и стремятся к недостижимым целям¹⁰ [8; 9; 11; 15; 20].

Отсутствие систематизации личностных характеристик, оказывающих влияние на возникновение жадности, и проверки предположения об их связи с уровнем диспозиционной жадности обусловили постановку научной проблемы и необходимость проведения эмпирического исследования.

Теоретический анализ источников по проблеме исследования показал, что существует значимая положительная связь личностных характеристик и диспозиционной жадности в зависимости от половой принадлежности. Для проверки гипотезы были поставлены следующие задачи: выявить характер взаимосвязи личностных характеристик и диспозиционной жадности мужчин и женщин и провести сравнительный анализ выявленных корреляционных связей у обоих полов.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняло участие 398 респондентов (188 мужчин и 210 женщин) в возрасте от 24 до 67 лет (средний возраст респондентов составил 45,5 лет). В качестве инструментария были использованы следующие методики: шкала диспозиционной жадности (И. А. Фурманов и С. М. Ширко), измеряющая уровни выраженности диспозиционной жадности: низкий – высокий уровень [7]; опросник «Алчность» (Ю. Щербатых), определяющий алчность как форму проявления жадности и включающий две шкалы: скупость – щедрость, а также ненасытность – неприятие атиитюд Б. Клонца и Т. Клонца (в адаптации Д. А. Баязитовой и Т. А. Лапшовой), состоящий из четырех шкал: избегание денег, деньги как статус, поклонение деньгам и обеспокоенность деньгами [1]; опросник диспозиционного материализма (К. В. Карпинский и Н. В. Кисельникова (Волкова)), представ-

ленный в четырех шкалах: жадность, зависть, собственничество и общий материализм [3]; шкала альтруизма и эгоизма, представленная в методике диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О. Ф. Потёмкина) и определяющая ориентацию личности на альтруистические (эгоистические) ценности [27]; шкала невротизма и психотизма, предложенная в психодиагностическом тесте (В. М. Мельников и Л. Т. Ямпольский), измеряющая уровень невротизации, тревожности и эмоциональной зрелости и диагностирующая степень психической адекватности личности [22].

Для статистической обработки данных применялась программа SPSS 13, которая включала корреляционный анализ с помощью коэффициента корреляции Пирсона. Результаты проверки распределения переменных на нормальность представлены в табл. 1.

Таблица 1

Проверка распределения переменных на нормальность

Table 1

Checking the distribution of variables for normality

Характеристики	Уровень значимости	
	Мужчины	Женщины
Скупость	$p < 0,001$	$p < 0,001$
Ненасытность	$p < 0,002$	$p = 0,015$

⁷Ширко С. М. Зависть // Энциклопедический психологический словарь-справочник... С. 177–178.

⁸Она же. Эгоизм // Там же. С. 692.

⁹Она же. Ненасытность // Там же. С. 377.

¹⁰Она же. Жадность... С. 171–172.

Окончание табл. 1
Ending table 1

Характеристики	Уровень значимости	
	Мужчины	Женщины
Алчность	$p = 0,001$	$p < 0,001$
Избегание денег	$p < 0,001$	$p = 0,018$
Деньги как статус	$p = 0,038$	$p < 0,001$
Поклонение деньгам	$p = 0,012$	$p < 0,001$
Обеспокоенность деньгами	$p < 0,001$	$p = 0,003$
Жадность (нечедность)	$p = 0,016$	$p < 0,001$
Зависть	$p < 0,001$	$p = 0,026$
Собственничество	$p < 0,001$	$p < 0,001$
Материализм	$p = 0,030$	$p < 0,001$
Альтруизм	$p < 0,001$	$p = 0,001$
Эгоизм	$p = 0,001$	$p < 0,001$
Невротизм	$p = 0,008$	$p < 0,001$
Психотизм	$p < 0,001$	$p = 0,005$

Результаты и их обсуждение

У мужчин установлены умеренные положительные связи диспозиционной жадности с показателями «скупость», «ненасытность», «алчность», «деньги как статус», «поклонение деньгам», «зависть», «ма-

териализм», «эгоизм» и «психотизм». Обнаружены слабые положительные корреляции диспозиционной жадности с показателями «собственничество», «невротизм» и «жадность (нечедность)» (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь личностных характеристик и диспозиционной жадности мужчин и женщин

Table 2

The relationship between personal characteristics and dispositional greed of men and women

Характеристики	Коэффициент корреляции		Уровень значимости	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Скупость	$r = 0,29$	$r = 0,34$	$p < 0,001$	$p < 0,001$
Ненасытность	$r = 0,52$	$r = 0,50$	$p < 0,001$	$p < 0,001$
Алчность	$r = 0,50$	$r = 0,53$	$p < 0,001$	$p < 0,001$
Избегание денег	$r = -0,03$	$r = -0,03$	$p = 0,734$	$p = 0,691$
Деньги как статус	$r = 0,58$	$r = 0,48$	$p < 0,001$	$p < 0,001$
Поклонение деньгам	$r = 0,52$	$r = 0,52$	$p < 0,001$	$p < 0,001$
Обеспокоенность деньгами	$r = 0,14$	$r = 0,09$	$p = 0,064$	$p = 0,182$
Жадность (нечедность)	$r = 0,17$	$r = 0,10$	$p = 0,020$	$p = 0,164$
Зависть	$r = 0,42$	$r = 0,43$	$p < 0,001$	$p < 0,001$
Собственничество	$r = 0,17$	$r = 0,26$	$p = 0,018$	$p < 0,001$
Материализм	$r = 0,33$	$r = 0,35$	$p < 0,001$	$p < 0,001$
Альтруизм	$r = -0,10$	$r = 0,06$	$p = 0,172$	$p = 0,420$
Эгоизм	$r = 0,40$	$r = 0,36$	$p < 0,001$	$p < 0,001$
Невротизм	$r = 0,16$	$r = 0,24$	$p = 0,030$	$p = 0,001$
Психотизм	$r = 0,32$	$r = 0,39$	$p < 0,001$	$p < 0,001$

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые связи при $p \leq 0,01$.

Обнаружена умеренная положительная связь диспозиционной жадности с показателями «скупость» ($r = 0,29, p < 0,001$), «ненасытность» ($r = 0,52, p < 0,001$) и «алчность» ($r = 0,50, p < 0,001$). Полученные результаты позволяют предположить, что чем более выражены у мужчин эти характеристики, тем выше уровень диспозиционной жадности. Такие мужчины неумеренно бережливы, они стараются избегать расходов, не желают тратить, стремятся получить больше благ именно для себя, а также отличаются эмоциональной скупостью. Мужчины с высоким уровнем ненасытности характеризуются неспособностью быть удовлетворенным, непреодолимой жаждой получить и сохранить все свои накопления, а также страстным нежеланием расставаться с этими сбережениями (денежные и иные накопления, материальное и нематериальное имущество). Проявлением скупости и алчности для них является накопительство как поведенческая тенденция к сохранению и накоплению материальных и нематериальных благ.

У мужчин установлена умеренная положительная связь диспозиционной жадности с показателями «деньги как статус» ($r = 0,58, p < 0,001$) и «поклонение деньгам» ($r = 0,52, p < 0,001$). Высокие значения этих показателей обусловлены высоким уровнем диспозиционной жадности у мужчин. Чаще они избегают вопросов, связанных с деньгами, осторожно и с нежеланием тратят их даже на необходимые покупки, им сложно контролировать свои доходы и расходы. Такие индивиды убеждены в том, что все проблемы решаются с помощью денег, и считают, что по критерию заработка можно определить успешность человека, однако они с недоверием относятся к финансовым институтам, возможно, из-за страха потерять свои накопления.

У мужчин также обнаружена умеренная положительная корреляция диспозиционной жадности с показателями «зависть» ($r = 0,42, p < 0,001$) и «материализм» ($r = 0,33, p < 0,001$). Это свидетельствует о том, что мужчины с высоким уровнем зависти предрасположены к жадному поведению: они тревожатся по поводу успехов и достижений других, своего более низкого статуса и из-за этого часто испытывают чувство злости и раздражения. Высокий уровень общего материализма у мужского пола показывает, что у них выражены предрасположенность наделять значимостью материальную сторону своей жизни и склонность действовать таким образом в различных обстоятельствах. Главными потребностями для данных личностей являются потребности приобретать, потреблять и накапливать материальные блага, особенно те, которые производят впечатление на других.

Установлена умеренная положительная связь диспозиционной жадности и показателей «эгоизм» ($r = 0,40, p < 0,001$), а также «психотизм» ($r = 0,32,$

$p < 0,001$) у мужчин. Таким образом, особенностями личности мужчин с высоким уровнем диспозиционной жадности являются эгоизм и психотизм. Эгоизм у них проявляется как рациональная мотивация для преумножения собственных доходов и достижений. У мужчин присутствует нездоровое себялюбие, сосредоточение на своем Я и отсутствует внимание, сочувствие к окружающим, их проблемам и потребностям. По показателю «психотизм» у мужчин с высоким уровнем жадности как личностной черты преобладает неуверенность в себе, подозрительность, впечатлительность, ранимость, неконтактность и нежелание общаться. Жадные индивиды с высоким уровнем психотизма отличаются эгоцентричностью, сконцентрированностью на себе, а также характеризуются чрезмерной опекой о себе, своим статусе и престиже.

У представителей мужского пола также обнаружены слабые положительные связи диспозиционной жадности с собственничеством ($r = 0,17, p = 0,018$), жадностью (нещедростью) ($r = 0,17, p = 0,020$) и невротизмом ($r = 0,16, p = 0,030$). Так, для мужчин с высокими значениями показателей «собственность», «нещедрость» и «невротизм» характерен высокий уровень диспозиционной жадности. Собственность у мужчин с высоким уровнем жадности как личностной черты проявляется в высокой склонности завладеть, обладать, распоряжаться чем-то, приобретать что-либо и отстаивать право на владение собственностью разными способами, желание сохранять власть и контроль над другими. Такие мужчины чаще избегают расходов, стараются все продумывать на несколько шагов вперед, они не способны обуздать свои желания и потребности (как материальные, так и нематериальные). Мужчины с высоким уровнем невротизма эмоционально незрелы, т. е. они имеют склонность слишком эмоционально реагировать на возбуждение и с трудом возвращаются в нормальное состояние, а также характеризуются тревожностью, чувством беспокойства и боязливости, склонностью к сомнениям, нерешительностью и неспособностью преодолевать трудности.

По показателям «избегание денег», «поклонение деньгам» и «альтруизм» статистически значимых взаимосвязей у мужчин установлено не было.

В результате корреляционного анализа у женщин обнаружены умеренные положительные связи диспозиционной жадности с показателями «скупость», «ненасытность», «алчность», «зависть», «собственность», «материализм», «эгоизм», «невротизм», «психотизм», «деньги как статус» и «поклонение деньгам» (см. табл. 2).

Выявлена умеренная положительная корреляция диспозиционной жадности с показателями «скупость» ($r = 0,34, p < 0,001$), «ненасытность» ($r = 0,50, p < 0,001$) и «алчность» ($r = 0,53, p < 0,001$). Резуль-

таты показали, что для женщин с высоким уровнем диспозиционной жадности характерны высокие значения показателей «скупость», «ненасытность» и «алчность». Они чрезмерно бережливы и одновременно расчетливы в вопросах имущества, здоровья, эмоций и т. д. Такие индивиды не расходуют эмоции впустую, чрезмерно экономны в выражении чувств, эмоционально холодны и черствы. У женщин с высоким уровнем ненасытности проявляется неспособность подчинить свои желания различного рода наслаждениям. Они никогда своего не упустят, проявляют крайнюю неудовлетворенность достигнутым, находятся в состоянии постоянной нехватки чего-либо. У таких индивидов присутствует постоянное желание преумножить свои доходы, приобрести что-то ценное, причем оно не зависит от используемых для этого средств. Алчное непреодолимое ненасытное стремление сопровождается неудовлетворенностью от ощущения нехватки чего-либо и недовольством от того, что чего-то никогда не будет достаточно.

У женщин установлена умеренная положительная связь жадности как устойчивой мотивации с показателями «деньги как статус» ($r = 0,48, p < 0,001$) и «поклонение деньгам» ($r = 0,52, p < 0,001$). Женщины с высоким уровнем диспозиционной жадности критически относятся к разного рода финансовым сделкам и считают, что они заслуживают быть богатыми. Одним из проявлений их финансового поведения является высокий уровень накопительства денег. Такие индивиды обеспокоены деньгами, бдительны в отношении денег и не считают правильным ставить кого-либо в известность о собственном экономическом положении.

У женщин также обнаружена умеренная положительная связь диспозиционной жадности с показателями «зависть» ($r = 0,43, p < 0,001$), «собственность» ($r = 0,26, p < 0,001$) и «материализм» ($r = 0,35, p < 0,001$). Полученные результаты позволяют предположить, что женщины, сравнивая себя с другими, злопамятны и, как правило, не способны сделать шаг навстречу, а также склонны манипулировать и предавать других ради личной выгоды. Материализм

выступает для них основной жизненной ценностью, достижением удовольствия и счастья. Они материализуют и овеществляют различного типа отношения. По показателю собственности у женщин с высоким уровнем жадности как личностной черты преобладает высокая склонность завладеть чем-либо, обладать и распоряжаться этим, приобретать что-то и отстаивать право на владение собственностью разными способами, а также сохранять власть и контроль над другими. Обладание всем и вся является основным мотивом их жизни. Женщины с высоким уровнем собственности испытывают сильную, зачастую корыстную привязанность к своим привычкам и желаниям, и это доставляет им удовольствие.

Были выявлены высокие показатели эгоизма ($r = 0,36, p < 0,001$), невротизма ($r = 0,24, p = 0,001$) и психотизма ($r = 0,39, p < 0,001$) у женщин с высоким уровнем диспозиционной жадности. Они сосредоточены только на своих эгоистичных желаниях, проявляют чрезмерную заботу о собственном удовольствии и преимуществе перед другими, благодаря чему не способны противостоять стрессу и давлению окружающей среды в процессе достижения целей. Кроме того, такие личности отличаются чувствительностью, впечатлительностью и ранимостью, склонны к колебаниям настроения. Зачастую они стараются быть аккуратными, не уверены в себе и своих силах, педантичны, имеют достаточно высокое чувством долга и ответственности. Для них характерны ригидность, повышенная возбудимость, напряженность и неадекватное реагирование на замечания и критику. Психотическая личность находится в постоянном внутреннем конфликте, непрерывном напряжении и возбуждении вне зависимости от степени накала реальной ситуации. Такое постоянное напряжение может проявляться в различного рода аффективных реакциях: страхе, вспышках гнева и ярости.

Статистически значимых связей диспозиционной жадности с показателями «избегание денег», «обеспокоенность деньгами», «жадность (нещедрость)» и «альтруизм» у женщин выявлено не было.

Заключение

Результаты проведенного исследования подтвердили предположение о наличии значимой корреляционной связи личностных характеристик и диспозиционной жадности в зависимости от пола.

У мужчин показатели «скупость», «ненасытность», «алчность», «жадность (нещедрость)», «деньги как статус», «поклонение деньгам», «зависть», «материализм», «эгоизм», «собственность», «невротизм» и «психотизм» имеют положительные корреляции с диспозиционной жадностью.

У женщин обнаружены положительные связи показателей «алчность», «деньги как статус», «поклонение

деньгам», «скупость», «ненасытность», «зависть», «собственность», «материализм», «эгоизм», «невротизм» и «психотизм» с диспозиционной жадностью.

Мужчины, по сравнению с женщинами, имеют более высокие коэффициенты корреляций по показателям «деньги как статус» и «жадность (нещедрость)». Можно предположить, что представители мужского пола зачастую решают свои проблемы с помощью денег, критерий заработка и социальный статус для них выступают основными показателями успешности (неуспешности). Они не готовы отдавать свое имущество, не желают делиться своими мате-

риальными сбережениями, одалживать и дарить их другим. У женщин, по сравнению с мужчинами, отмечается выраженность коэффициентов корреляции по показателям «скупость», «собственничество», «невротизм» и «психотизм». У них наблюдаются склонность экономить и сохранять (а не выбрасывать) свое имущество, стремление сохранять контроль и владение над материальной собственностью, они могут быть обеспокоены потерей имущества как в результате своих действий, так и в результате действий

других людей. Женщины, в отличие от мужчин, легко возбудимы, более восприимчивы, впечатлительны и чувствительны.

Таким образом, проведенное теоретическое и эмпирическое исследование позволяет утверждать, что определенные личностные характеристики коррелируют с диспозиционной жадностью. Дальнейшее исследование будет направлено на установление прогностических личностных предикторов жадности как устойчивой мотивации.

Библиографические ссылки

1. Баязитова ДА, Лапшова ТА. Адаптация опросника монетарных аттитюдов В. и Т. Клонц на русскоязычной выборке. *Петербургский психологический журнал*. 2017;19:112–132.
2. Ильин ЕП. *Психология зависти, враждебности, тщеславия*. Санкт-Петербург: Питер; 2014. 208 с.
3. Карпинский КВ, Кисельникова (Волкова) НВ. Опросник диспозиционного материализма (ОДМ): концептуальные основы и психометрическая разработка. *Психологический журнал*. 2019;40(1):104–117. DOI: 10.31857/S020595920002256–7.
4. Мілютіна КЛ, Трофімов АЮ. Адаптація методики «диспозиції жадібності». *Організаційна психологія. Економічна психологія*. 2019;18(4):62–68. DOI: 10.31108/2.2019.4.18.7.
5. Фурманов ИА. Феномен жадности: психологическая трактовка. В: Богомаз СЛ, Каратерзи ВА, Пашкович СФ, редакторы. *Психологический Vadetesit. Психологическая феноменология в образовательной среде: мультидисциплинарный подход*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2019. с. 42–46.
6. Щербатых ЮВ. Психология жадности. В: ВФ МГЭИ. *Социально-экономические, правовые и общенаучные аспекты модернизации российской экономики*. Воронеж: ВФ МГЭИ; 2011. с. 215–218.
7. Фурманов ИА, Широко СМ. Разработка шкалы диспозиционной жадности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2020;3:78–86.
8. Krekels G, Pandelaere M. Dispositional greed. *Personality and Individual Differences*. 2015;74:225–230. DOI: 10.1016/j.paid.2014.10.036.
9. Mussel PJ, Rodrigues J, Krumm S, Hewig J. The convergent validity of five dispositional greed scales. *Personality and Individual Differences*. 2018;131:249–253. DOI: 10.1016/j.paid.2018.05.006.
10. Seuntjens TG, Zeelenberg M, van de Ven N, Breugelmans SM. Dispositional greed. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015;108(6):917–933. DOI: 10.1037/pspp0000031.
11. Zeelenberg M, Seuntjens TG, van de Ven N, Breugelmans SM. Dispositional greed scales. *European Journal of Psychological Assessment*. 2022;38(2):91–100. DOI: 10.1027/1015-5759/a000647.
12. Широко СМ. Особенности проявления диспозиционной жадности как адаптации к неопределённости. В: Фурманов ИА, редактор. *Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе: субъект-субъектная коммуникация как фактор социализации индивида. Материалы V Международной научной конференции; 23–24 октября 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2020. с. 338–344.
13. Широко СМ. Психологические корреляты диспозиционной жадности. В: Климук ВВ, редактор. *Наука – практике. Материалы II Международной научно-практической конференции. Часть 1; 13 мая 2021 г.; Барановичи, Беларусь*. Барановичи: БарГУ; 2021. с. 278–279.
14. Oka R, Kuijt I. Greed is bad, neutral, and good: a historical perspective on excessive accumulation and consumption. *Economic Anthropology*. 2014;1(1):30–48. DOI: 10.1002/sea2.12002.
15. Seuntjens TG. The psychology of greed [Internet]. 2016 [cited 2019 May 10]. Available from: https://pure.uvt.nl/ws/portalfiles/portal/13518221/Seuntjens_Psychology_21_10_2016.pdf.
16. Wang L, Murnighan JK. On greed. *The Academy of Management Annals*. 2011;5(1):279–316. DOI: 10.1080/19416520.2011.588822.
17. Zeelenberg M, Seuntjens TG, van de Ven N, Breugelmans SM. When enough is not enough: overearning as a manifestation of dispositional greed. *Personality and Individual Differences*. 2020;165:1–12. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110155.
18. Щербатых ЮВ. *Семь смертных грехов, или Психология порока для верующих и неверующих*. Москва: АСТ; 2010. 480 с.
19. Belk RW. Three scales to measure constructs related to materialism: reliability, validity, and relationships to measures of happiness. In: Kinnear TC, editor. *Advances in consumer research. Volume 11*. Provo: Association for Consumer Research; 1984. p. 291–297. DOI: 10.1086/208515.
20. Lambie GW, Haugen JL. Understanding greed as a unified construct. *Personality and Individual Differences*. 2019;141:31–39. DOI: 10.1016/j.paid.2018.12.011.
21. Veselka L, Giammarco EA, Vernon PA. The Dark Triad and the seven deadly sins. *Personality and Individual Differences*. 2014;67:75–80. DOI: 10.1016/j.paid.2014.01.055.
22. Мельников ВМ, Ямпольский ЛТ. *Введение в экспериментальную психологию личности*. Москва: Просвещение; 1985. 319 с.
23. Richins ML, Dawson SA. Consumer values orientation for materialism and its measurement: scale development and validation. *Journal of Consumer Research*. 1992;19(3):303–314. DOI: 10.1086/383436.
24. Бескова ТВ. Психологические механизмы формирования зависти и ее детерминанты. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2013;1:1–30. DOI: 10.18384/2224-0209-2013-1-817.
25. Balot RK. *Greed and injustice in classic Athens*. Princeton: Princeton University Press; 2001. 158 p.
26. Муздыбаев К. Эгоизм личности. *Психологический журнал*. 2000;21(2):26–39.
27. Райгородский ДЯ. *Практическая психодиагностика. Методики и тесты*. Самара: БАХРАХ-М; 2001. 672 с.

References

1. Bayazitova DA, Lapshova TA. Monetary attitudes: Russian language adaptation of Klontz money script inventory. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*. 2017;19:112–132. Russian.
2. Il'in EP. *Psikhologiya zavisti, vrazhdebnosti, tshcheslaviya* [Psychology of envy, hostility, vanity]. Saint Petersburg: Piter; 2014. 208 p. Russian.
3. Karpinskiy KV, Kiselnikova (Volkova) NV. The questionnaire of dispositional materialism (QDM): conceptual bases and psychometric development. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2019;40(1):104–117. Russian. DOI: 10.31857/S020595920002256-7.
4. Miliutina KL, Trofimov AYU. Adaptation of the method «disposition of greed». *Organizacijna psihologija. Ekonomichna psihologija*. 2019;18(4):62–68. Ukrainian. DOI: 10.31108/2.2019.4.18.7.
5. Fourmanov IA. The phenomenon of greed: psychological interpretation. In: Bogomaz SL, Karaterzi VA, Pashkovich SF, editors. *Psikhologicheskii Vademecum. Psikhologicheskaya fenomenologiya v obrazovatel'noi srede: mul'tidistsiplinarnyi podkhod* [Psikhologicheskii Vademecum. Psikhologicheskaya fenomenologiya v obrazovatel'noi srede: mul'tidistsiplinarnyi podkhod]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2019. p. 42–46. Russian.
6. Shherbatyh JuV. [The psychology of greed]. In: VF MGEY. *Sotsial'no-ekonomicheskie, pravovye i obshchenauchnye aspekty modernizatsii Rossijskoi ekonomiki* [Socio-economic, legal and general scientific aspects of the modernisation of the Russian economy]. Voronezh: Voronezh Branch of the Moscow Humanitarian Economic University; 2011. p. 215–218. Russian.
7. Fourmanov IA, Shirko SM. Elaboration of the scale of dispositional greed. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2020;3:78–86. Russian.
8. Krekels G, Pandelaere M. Dispositional greed. *Personality and Individual Differences*. 2015;74:225–230. DOI: 10.1016/j.paid.2014.10.036.
9. Mussel PJ, Rodrigues J, Krumm S, Hewig J. The convergent validity of five dispositional greed scales. *Personality and Individual Differences*. 2018;131:249–253. DOI: 10.1016/j.paid.2018.05.006.
10. Seuntjens TG, Zeelenberg M, van de Ven N, Breugelmans SM. Dispositional greed. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015;108(6):917–933. DOI: 10.1037/pspp0000031.
11. Zeelenberg M, Seuntjens TG, van de Ven N, Breugelmans SM. Dispositional greed scales. *European Journal of Psychological Assessment*. 2022;38(2):91–100. DOI: 10.1027/1015-5759/a000647.
12. Shirko SM. [Features of manifestation of dispositional greed as an adaptation to uncertainty]. In: Fourmanov IA, editor. *Psikhosotsial'naya adaptatsiya v transformiruyushchemsya obshchestve: sub'ektsub'ektnaya kommunikatsiya kak faktor sotsializatsii individa. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 23–24 oktyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus'* [Psychosocial adaptation in a transforming society: subject-subject communication as a factor in the socialisation of an individual. Materials of the 5th International scientific conference; 2020 October 23–24; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2020. p. 338–344. Russian.
13. Shirko SM. [Psychological correlates of dispositional greed]. In: Klimuk VV, editor. *Nauka – praktike. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chast' 1; 13 maya 2021 g.; Baranovich, Belarus'* [Science – practice. Materials of the 2nd International scientific and practical conference. Part 1; 2021 May 13; Baranovich, Belarus]. Baranovich: Baranovich State University; 2021. p. 278–279. Russian.
14. Oka R, Kuijt I. Greed is bad, neutral, and good: a historical perspective on excessive accumulation and consumption. *Economic Anthropology*. 2014;1(1):30–48. DOI: 10.1002/sea2.12002.
15. Seuntjens TG. The psychology of greed [Internet]. 2016 [cited 2019 May 10]. Available from: https://pure.uvt.nl/ws/portalfiles/portal/13518221/Seuntjens_Psychology_21_10_2016.pdf.
16. Wang L, Murnighan JK. On greed. *The Academy of Management Annals*. 2011;5(1):279–316. DOI: 10.1080/19416520.2011.588822.
17. Zeelenberg M, Seuntjens TG, van de Ven N, Breugelmans SM. When enough is not enough: overearning as a manifestation of dispositional greed. *Personality and Individual Differences*. 2020;165:1–12. DOI: 10.1016/j.paid2020.110155
18. Shherbatyh JuV. *Sem' smertnykh grekhov, ili Psikhologiya poroka dlya veruyushchikh i neveruyushchikh* [Seven deadly sins, or the Psychology of vice for believers and non-believers]. Moscow: AST; 2010. 480 p. Russian.
19. Belk RW. Three scales to measure constructs related to materialism: reliability, validity, and relationships to measures of happiness. In: Kinnear TC, editor. *Advances in consumer research. Volume 11*. Provo: Association for Consumer Research; 1984. p. 291–297. DOI: 10.1086/208515.
20. Lambie GW, Haugen JL. Understanding greed as a unified construct. *Personality and Individual Differences*. 2019;141:31–39. DOI: 10.1016/j.paid2018.12.011.
21. Veselka L, Giammarco EA, Vernon PA. The Dark Triad and the seven deadly sins. *Personality and Individual Differences*. 2014;67:75–80. DOI: 10.1016/j.paid.2014.01.055.
22. Mel'nikov VM, Yampol'skii LT. *Vvedenie v eksperimental'nuyu psikhologiyu lichnosti* [Introduction to experimental personality psychology]. Moscow: Prosveshchenie; 1985. 319 p. Russian.
23. Richins ML, Dawson SA. Consumer values orientation for materialism and its measurement: scale development and validation. *Journal of Consumer Research*. 1992;19(3):303–314. DOI: 10.1086/383436.
24. Beskova TV. Psychological mechanisms of formation of envy and its determinants. *Bulletin of Moscow Region State University*. 2013;1:1–30. Russian. DOI: 10.18384/2224-0209-2013-1-817.
25. Balot RK. *Greed and injustice in classic Athens*. Princeton: Princeton University Press; 2001. 158 p.
26. Muzdybaev K. [Personal selfishness]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2000;21(2):26–39. Russian.
27. Raigorodskii DYa. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnostics. Methods and tests]. Samara: BAKhRAKH-M; 2001. 672 p. Russian.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 101.1:316(06)

Человек. Культура. Общество [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. 19-й ежегод. науч. конф. студентов и аспирантов фак. филос. и соц. наук Белорус. гос. ун-та (Минск, 28 апр. 2022 г.) / БГУ ; [редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 867 с. : табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/287199>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.10.2022, № 009007102022.

В сборник включены доклады студентов, магистрантов и аспирантов факультета философии и социальных наук, естественно-научных и гуманитарных факультетов БГУ, учреждений высшего образования Беларуси, представленные на 19-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов «Человек. Культура. Общество».

УДК 167/168(06)+101.1:316(06)+130.2(06)

Академик В. С. Стёпин и исследовательские традиции минской философско-методологической школы [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. и материалов Междунар. науч. конф. памяти акад. В. С. Стёпина и XVI междисциплинар. науч.-теорет. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии» (Минск, 24 нояб. 2022 г.) / БГУ ; [редкол.: В. С. Сайганова (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 867 с. : табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/289536>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 22.11.2022, № 010622112022.

Представлены научные статьи и материалы докладов участников Международной научной конференции памяти академика В. С. Стёпина и XVI междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», которые состоялись 24 ноября 2022 г. на факультете философии и социальных наук БГУ. Адресуется молодым ученым, преподавателям, научным и педагогическим работникам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется актуальными проблемами современной философии, трансдисциплинарной науки и социально-гуманитарного познания.

УДК 659.1.013(075.8)+159.937.51(075.8)

Лесниченко-Роговская М. В. Психология цвета в рекламе [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-26 02 03 «Маркетинг» / М. В. Лесниченко-Роговская ; БГУ. Минск : БГУ, 2022. 28 с. : ил. Библиогр. : с. 25–26. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/289939>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.11.2022, № 010728112022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Психология цвета в рекламе» предназначен для студентов специальности 1-26 02 03 «Маркетинг». В ЭУМК содержатся 4 раздела: теоретический раздел; практический раздел, который включает план практических занятий; раздел контроля знаний, который содержит вопросы к зачету; вспомогательный раздел, включающий основную литературу, дополнительную литературу, электронные ресурсы. ЭУМК может быть использован студентами других экономических специальностей.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Рубанов А. В.</i> Мудрость царя Соломона: этико-социальная реконструкция	4
<i>Гриневиц Е. А., Верещако А. И., Стрелковская К. В., Павленок Д. И. Г. В. Ф. Гегель об обучении и воспитании молодежи: речь в честь окончания учебного года от 2 сентября 1811 г.</i>	9
<i>Сарычева А. В.</i> Становление концептуальных оснований прагма-диалектики во второй половине XX в.: Дж. Л. Остин, Дж. Р. Серль и Г. П. Грайс	17
<i>Лу Цзин.</i> Феномен перемен в контексте судьбы А. А. Блока	25

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Воробьева С. В.</i> Историческая память в глобальном цифровом мире: семиотические и риторические аспекты	34
<i>Смоляков Д. А.</i> Социально-философская методология исследования и оценки интернационализации высшего образования.....	45
<i>Чжэн Жэнь.</i> Философия образования в Беларуси: проблемное поле и перспективы	51

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Кудревич М. А., Шкурова Е. В.</i> Место социальных сетей и мессенджеров в информационном пространстве Беларуси.....	57
<i>Сакович А. Ю.</i> Развитие белорусской провинции: социологический аспект.....	65

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Андреева И. Н.</i> Взаимосвязи эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности с ценностями: половые различия в период ранней взрослости.....	75
<i>Ткачѳв И. В., Фофанова Г. А.</i> Адаптация опросника «мотивы использования электронных социальных сетей» на выборке белорусских студентов	82
<i>Шарипова Д. Р.</i> Жизнестойкость личности с различным травматическим опытом.....	95
<i>Вырвич А. Ч., Андреева И. Н.</i> Личностные факторы прокрастинации у учителей средних школ в различные периоды педагогической деятельности.....	106
<i>Ширко С. М.</i> Взаимосвязь личностных характеристик и диспозиционной жадности.....	117
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	125

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Rubanau A. V.</i> The wisdom of King Solomon: ethical-social reconstruction	4
<i>Grinevich E. A., Vereshchako A. I., Strelkovskaya K. V., Pavlenok D. I.</i> G. W. F. Hegel on the education and upbringing of youth: speech in honor of the end of the academic year on 1811 September 2.....	9
<i>Sarycheva A. V.</i> The formation of the conceptual foundations of pragma-dialectics in the second half of the 20 th century: J. L. Austin, J. R. Searle and G. P. Grice.....	17
<i>Lu Jing.</i> The phenomenon of change in the context of the fate of A. A. Blok.....	25

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Vorobyova S. V.</i> Historical memory in the global digital world: semiotic and rhetorical aspects	34
<i>Smaliakou D. A.</i> Socio-philosophical research and evaluation methodology of the internationalisation of higher education	45
<i>Zheng Ren.</i> Philosophy of education in Belarus: problem field and prospects.....	51

SOCIAL RESEARCHES

<i>Kudrevich M. A., Shukurova A. V.</i> The position of social networks and messengers in the information space of Belarus.....	57
<i>Sakovich A. Yu.</i> Development of the Belarusian province: a sociological aspect.....	65

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

<i>Andreyeva I. N.</i> Relationships between emotional intelligence, emotional creativity and values: sex differences in early adult	75
<i>Tkachov I. V., Fofanova G. A.</i> Adaptation of the questionnaire «motives for using electronic social networks» on a sample of Belarusian students.....	82
<i>Sharipova D. R.</i> Resilience of a person with various traumatic experiences.....	95
<i>Vyrvich A. Ch., Andreyeva I. N.</i> Personal factors of procrastination among secondary school teachers in various periods of pedagogical activity	106
<i>Shirko S. M.</i> The relationship of personal characteristics and dispositional greed	117
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	125

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 1. 2023**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редакторы *М. А. Журо, Е. В. Жерносек*
Технический редактор *Д. Ф. Когут*
Корректоры *А. С. Горзун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 31.01.2023.
Тираж 90 экз. Заказ 36.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2023

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 1. 2023**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editors *M. A. Zhuro, E. V. Zhernosek*
Technical editor *D. F. Kogut*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul'*

Signed print 31.01.2023.
Edition 90 copies. Order number 36.

Republic Unitary Enterprise
«Publishing Center of the Belarusian State University».
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
6 Ćyrvonaarmiejskaja Str., Minsk 220030.

© BSU, 2023